МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет
историко-филологический

Кафедра
«Русский язык и методика преподавания русского языка»

Направление подготовки (специальность) 44.03.05 Педагогическое образование

Профиль «Русский язык. Литература»

Форма обучения – очная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

«Вербализация концепта «город» в творчестве Д. Рубиной»

Студент Мороз (подпись, дата) Морозов Алексей Валерьевич (ФИО полностью)

Руководитель (подпись, дата) Болотская М. П. (фамилия, инициалы)

Нормоконтролёр (подпись, дата) Луннова М. Г. (фамилия, инициалы)

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 08 июня 2020 № 14)

Заведующий кафедрой (подпись) Канакина Г. И. (фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой отлично (протокол заседания ГЭК от 02.07.20 № 38)

Секретарь ГЭК (подпись) Алешина И. А. (фамилия, инициалы)

Пенза 2020 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Педагогический институт имени В.Г. Белинского

Историко-филологический факультет

Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»

Направление подготовки (специальность):
44.03.05 Педагогическое образование

Профиль: «Русский язык. Литература»

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой Г. И. Канакина
«09» сентября 2019 г.

ЗАДАНИЕ

ПО БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЕ

Морозова Алексея Валерьевича
(Фамилия, имя, отчество)

1.Тема бакалаврской работы: «Вербализация концепта «город» в творчестве Д. Рубиной»

2. Руководитель: Болотская Маргарита Павловна, к.п.н., доцент
(ФИО, учёная степень, учёное звание)

3. Срок сдачи студентом законченной работы: «15» июня 2020 г.

4. Перечень подлежащих разработке вопросов:

1) проанализировать процесс формирования представлений о концепте как ментальной единице;

2) рассмотреть основные подходы к классификации и анализу структуры концептов;

3) выявить методы исследования концепта;

4) определить полевую структуру концепта «город» в произведениях Д. Рубиной, особенности вербализации ядра, ближней и дальней периферии концепта «город» в произведениях Д. Рубиной;

5) разработать систему упражнений по теме «Образ города в текстах художественной литературы (на материале произведений Д. Рубиной)».

5. График выполнения бакалаврской работы

№ п/п	Вид деятельности	Сроки выполнения	Подпись научн. рук.	Подпись зав. кафедрой
1	Оформление заявления на написание бакалаврской работы; составление плана бакалаврской работы; подборка библиографического списка по теме бакалаврской работы (не менее 25 источников)	09.09.2019-27.09.2019		
2	Сдача на проверку 1 главы бакалаврской работы	17.02.2020		
3	Сдача на проверку 2 главы бакалаврской работы	30.04.2020		
4	Подготовка статьи и выступление на научно-практических конференциях «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» или «Буслаевские чтения»	26.03 2020, 20.04. 2020		
5	Прохождение предзащиты	05.06.2020		
6	Получение допуска к защите	08.06.2020		
7	Проверка ВКР на плагиат	10-11.06.2020		
8	Представление завершенной работы	15.06.2020		

6. Дата выдачи задания «09» сентября 2019 г.

Руководитель _____ Болотская М. П.
(подпись) (ФИО)

Задание принял к исполнению студент _____ Морозов А. В.
(подпись) (ФИО)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА, СТРУКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 6

1.1. Формирование представлений о концепте 6

1.2. Классификация концептов в современной когнитивной лингвистике 9

1.3. Структура концепта 16

1.4. Методика исследования концептов 22

Выводы по первой главе 27

ГЛАВА II. ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ГОРОД» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. РУБИНОЙ) 28

2.1. Вербализация концепта «город» в повести «Высокая вода венецианцев» 29

2.2. Вербализация концепта «город» в рассказе «Время соловья» 60

2.3. Система упражнений по теме «Образ города в текстах художественной литературы (на материале произведений Д. Рубиной)» в элективном курсе «Филологический анализ художественного текста» 83

Выводы по второй главе 96

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 101

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 109

ПРИЛОЖЕНИЕ. Фрагменты текстов из произведений Д. Рубиной, содержащие языковые выражения концепта «город»……..……..113

ВВЕДЕНИЕ

Города являются объектами изучения многих научных дисциплин. Архитектура изучает здания, составляющие город, удачные и неудачные примеры их расположения на одной площади, история изучает появление, развитие и исчезновение городов в различные эпохи, социология и психология рассматривают города как особые формы крупных социумов, формирующие определённые модели поведения горожан. Нашли своё место города и в лингвистике.

В современной лингвистической науке всё чаще появляются работы, посвящённые изучению концепта «город» в определённом художественном произведении или в группе произведений одного автора. Нередки работы, сопоставляющие репрезентацию одних и тех же концептов в текстах разных авторов одной литературной эпохи или нескольких эпох.

Актуальность исследования данных концептов обусловлена тем, что взгляд писателя на городскую среду, субъективный в каждом отдельном случае, позволяет увидеть те черты реально существующих городов или, например, менталитета живущих в них горожан, которые может не заметить «обычный», не творческий человек. Причём это характерно не только для литературы, но и для других видов искусства. Яркий пример тому – картина Моне «Лондонский туман»: ни один лондонец не замечал ранее, что туман вечерами бывает розовым от скопившейся в воздухе кирпичной пыли.

Детальное изучение концептов, репрезентируемых лексемой «город» и однокоренными, синонимичными с ней, а также входящими в данную тематическую группу лексемами, позволит лучше понимать характеры персонажей в произведении, которые так или иначе связаны с городской средой. Нередко в описании городов делается акцент на тех чертах, которые по определённым причинам бросаются в глаза персонажу. И в зависимости от его душевного состояния, черты эти будут различны.

Объект данного исследования – концепт «город». **Предметом** исследования являются лексические средства репрезентации концепта «город» в текстах произведений Д. Рубиной.

Цель исследования – определить, с помощью каких средств Д. Рубина репрезентирует концепт «город» в художественных произведениях, выявить и охарактеризовать ядро, ближнюю и дальнюю периферию названного концепта.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач:

1) проанализировать процесс формирования представлений о концепте как ментальной единице;

2) рассмотреть основные подходы к классификации и анализу структуры концептов;

3) выявить и изучить методы исследования концепта;

4) определить полевую структуру концепта «город» в произведениях Д. Рубиной, особенности вербализации ядра, ближней и дальней периферии концепта «город» в произведениях Д. Рубиной;

5) разработать систему упражнений по теме «Образ города в текстах художественной литературы (на материале произведений Д. Рубиной)».

Материалом для исследования являются тексты художественных произведений Д. Рубиной: повесть «Высокая вода венецианцев» и рассказ «Время соловья». Общее количество лексем, отобранных для анализа, – 332, количество словоупотреблений – 721.

Основной метод исследования – филологический анализ текста. В ходе исследования также были использованы описательный метод и метод сплошной выборки языкового материала.

Собранный и структурированный материал может быть использован в научных целях – для продолжения изучения концептов, анализа методов, приёмов и форм репрезентации концептов в текстах художественных произведений, сопоставления концепта «город» в произведениях Д. Рубиной с произведениями других отечественных или зарубежных авторов.

Научная новизна работы состоит во-первых в том, что вербализация концепта «город» в художественных текстах Д. И. Рубиной ранее не была исследована. Во-вторых, особенности выражения авторского восприятия городов в исследуемых произведениях не фиксировались ранее в трудах учёных-лингвистов и литературоведов. В-третьих, нами была выявлена и проанализирована частотность употреблений лексем, репрезентирующих зоны ближней и дальней периферии концепта, их лексическая сочетаемость, прослежена связь частотности определённых лексем и их роли в выражении авторского восприятия городской среды.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что собранный материал может быть использован в школе на элективных курсах по изучению русского языка, а также в ходе практических занятий по филологическому анализу текста в вузе.

Апробация результатов исследования. По теме бакалаврской работы опубликована статья «Концепт «город» в повести Дины Рубиной «Высокая вода венецианцев»» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 323-326.

Структура работы: введение, основная часть, состоящая из двух глав, заключение, библиографический список, приложение. Во введении нами были определены цели и задачи, предмет и методы проведения исследования, обоснована значимость и научная новизна работы. Первая глава основной части представляет собой краткий обзор истории формирования представлений о концепте как ментальной единице концептосферы человека, его структуре, методах исследования концептов в художественных произведениях. Вторая глава посвящена анализу репрезентации концепта «город» в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» и рассказе «Время соловья». В заключении приводятся выводы о результатах проведённого исследования.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА, СТРУКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Формирование представлений о концепте

Понятие концепта является основным для когнитивной лингвистики, однако до сих пор не имеет чёткого определения. Современные учёные нередко отмечают хаотичность, разрозненность трактовок данного термина в различных научных трудах [Савицкий 2012: 112] Первые попытки его толкования были сделаны учёным С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году [Аскольдов-Алексеев 1997: 267], определившим концепт как ментальное образование, служащее для замещения множества предметов одного рода. Следуя теории Аскольдова-Алексеева, примерами концептов могут служить слова типа *мебель* (диваны, столы, кровати, стулья и пр.), *поселение* (город, деревня, село, хутор).

Точку зрения Аскольдова-Алексеева развивает Д. С. Лихачёв [Лихачёв 1997: 280]. По его мнению, концепт – это ментальная единица, которая отражает в сознании говорящего или воспринимающего устную/письменную речь одно из значений слов – то, в котором слово употреблено в воспроизводимом/воспринимаемом контексте с учётом личного опыта говорящего. То есть, по Лихачёву, концепт образуется из сочетания словарного значения лексемы и индивидуального культурного опыта человека.

Индивидуальный культурный опыт действительно играет немаловажную роль в формировании концепта в сознании. Так, например, разный читательский опыт может порождать неодинаковые ассоциации к слову «граф». Люди, читавшие художественные произведения, в которых присутствуют графы, могут представлять себе, например, графа Монте-Кристо из романа А. Дюма, графа Дракулу из романа Б. Стокера, графа Карагаева из романа «Бронзовая птица» А. Рыбакова. Чем больше читательский опыт – тем больше ассоциаций.

Отметим здесь же необходимость разграничения терминов «понятие» и «концепт». А. Соломоник отмечает, что концепт – слово, которое встречается,

как правило, в научных трудах и энциклопедиях, в то время как «понятие» - слово более общеупотребительное, встречающееся в любом толковом словаре, научно-популярной литературе [Соломоник 1995: 353]. Данное различие в сферах употребления приведённых слов отмечают также Воркачёв [Воркачёв 2014: 16] и Н. А. Красавский [Красавский 2013: 5]

Во второй половине двадцатого века появляется большое определение понятий концепта, что связано с общим развитием когнитивной лингвистики как науки.

Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1999: 6] называет концепт оперативной единицей памяти, отмечая тем самым, что процесс мышления включает в себя постоянную (оперативную) смену концептов. Учёный отмечает также, что концепт – единица ментального лексикона, поскольку слово, которое человек хранит в своём ментальном словаре, представляет собой не просто набор звуков, графических символов и лексикографического определения, но и совокупность образов, ассоциаций. Подробнее об этом скажем ниже, когда будем рассматривать структуру концепта. Мы считаем верным замечание Кубярковой о том, что наиболее важные концепты (обладающие высокой степенью коммуникативной релевантности в определённом социуме) репрезентируются в языке.

По Ю. С. Степанову [Степанов 1997: 524], концепт – это идея (ментальное образование), включающая несколько признаков: конкретных, абстрактных, ассоциативных, эмоциональных, оценочных, содержащая историю формирования концепта. Последний пункт нам кажется особенно важным, поскольку концепты не формируются в сознании один раз и сохраняются неизменными в течение всей жизни человека. Коммуникативно-релевантные концепты постоянно меняются, дополняются новыми ассоциациями, воспоминаниями о различных ситуациях, в которых они были задействованы.

По А. Соломонику [Соломоник 1995: 124], концепт – «абстрактное научное понятие, выработанное на базе житейского понятия». В данном

определении нам кажется неуместным прилагательное «научное». Понятие о множестве реалий в концептосфере человека не обязательно должно быть научным.

По В. В. Колесову, концепт – суть чего-либо, репрезентирующаяся в образе, понятии и символе [Колесов 2004: 83].

По С. Х. Ляпину [Ляпин 1977: 11], концепт – культурный ген, который входит в генотип культуры. Схожее с ним определение находим у А. П. Бабушкина, отмечающего прямую связь концепта в сознании каждого человека с коллективным сознанием социума, в котором тот живёт [Бабушкин 1996: 142], а также у В. А. Виноградова, который называет концепт основной единицей картины мира, репрезентируемой через язык [Виноградов 2013: 192]

По М. В. Пименовой [Пименова 54: 52], концепт – представление о каком-либо фрагменте мира.

В. Н. Телия рассматривает концепты как совокупность абсолютно всех знаний, представлений, ассоциаций, образов, связанных с какой-либо реалией [Телия 1996: 96]

В научных работах В. В. Красных [Красных 2000: 53] встречается два термина: концепт и когнитивная структура, однако различие между ними не прояснено. Заметим здесь, что если все предшествующие учёные говорили о концептах в целом, то В. В. Карасик подразделяет когнитивные структуры (концепты) на две группы. К первой относятся лингвистические когнитивные структуры – знания человека о языке, его структуре, правилах построения слов, грамматических конструкций. Ко второй группе относятся структуры феноменологические, содержащие знания экстралингвистического характера. С нашей точки зрения подобное разделение не совсем правомерно. Если мы выделяем лингвистические структуры, почему бы не выделить в отдельную группу, например, математические, музыкальные, художественные и др.?

Наиболее полным и точным мы считаем определение концепта, данное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в монографии «Когнитивная лингвистика» [Попова, Стернин 2010: 212]. Концепт определяется как «дискретное

[состоящее из отдельных частей] ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету».

1.2. Классификация концептов в современной когнитивной лингвистике

Поскольку в когнитивной лингвистике до сих пор отсутствует чёткое определение понятия концепта, разные лингвисты предлагают собственные классификации. Ниже мы рассмотрим несколько наиболее популярных.

В научной статье «Концепты-регулятивы» В. И. Карасик обращает внимание на то, что различия в типологии концептов обнаруживаются прежде всего при сопоставлении языков разных народов [Карасик 2005: 95]. Наиболее ярко в процессе сопоставления выделяются так называемые лакунарные концепты.

Лакунарный концепт – это представление, которое существует в сознании человека (или может существовать) при отсутствии лексемы, репрезентирующей его. Пример – в английском языке отсутствуют лексемы, которые выражали бы типично русские понятия «лапти», «щи», «леший», «пирожки». Причина – отсутствие предметов, называемых приведёнными словами, в культуре и быте англичан. При необходимости охарактеризовать названные предметы (например, после путешествия англичанина в Россию и возвращения обратно) англичанин может использовать варваризм («pirozhki») или описательный оборот («щи» – «Russian cabbage soup»).

Лакунарность не всегда вызывается отсутствием той или иной реалии в жизни носителей определённого языка. В частности, в английском языке существует существительное «afterthought», которое обозначает состояние,

когда нужная мысль пришла позже, чем было нужно. Подобное состояние испытывал каждый человек, однако в русском языке аналогичное существительное для его репрезентации отсутствует. В то же время, в русском языке есть слово «кипяток», носители английского языка же до сих пор пользуются описательным оборотом «boiled water» – «вскипячённая вода» [Попова, Стернин 2010: 58].

Охарактеризовав отдельно лакунарные концепты, В. И. Карасик по принципу лингвокультурности выделяет три типа когнитивных единиц:

1. Напрямую связанные с объектами культуры того или иного народа.
2. Частично связанные с объектами культуры. Концепты, культурная мотивация которых может быть обнаружена, но часто с трудом, лишь в ходе специальных филологических исследований.
3. Универсальные – не связанные с культурой того или иного народа.

Другой тип классификации [Карасик 2005: 98] строится по принципу определения цели возникновения концепта. Концепт может использоваться для номинации определённого предмета (стол, дверь, масло, студенчество) или для сопоставления предметов по какому-либо признаку, их классификации. Например, концепт «время» позволяет сопоставить предметы по новизне, времени существования, сопоставить людей по их возрасту. Концепт «количество» – по числу предметов или частей одного предмета (одно окно, два окна, три и т. д.)

Концепты, возникшие с целью номинации, В. И. Карасик называет непараметрическими. Концепты-классификаторы – параметрическими.

Непараметрические концепты делятся на две группы по принципу наличия ценностной составляющей. Если в непараметрическом концепте присутствует аксиологический компонент, В. И. Карасик относит его к группе «регулятивных» – данные концепты «регулируют» жизнь общества, напрямую соотносятся с нормами морали, чувством долга, ответственности. Примеры: «верность», «честь», «справедливость», «счастье». Если сопоставлять

классификацию В. И. Карасика и Е. В. Поляковой, то концепты данной группы могут также быть названы «этическими» [Полякова 2013: 138]

«Нерегулятивные» концепты лишены аксиологической составляющей и отражают огромное количество реалий разных типов: «снег», «осень», «вечер», «книга», «журнал».

Концепт *город* по классификации В. И. Карасика относится к нерегулятивным (не содержит аксиологического компонента), непараметрическим (лексемы, через которые концепт репрезентируется в языке, используются для номинации, а не сопоставления реалий).

Рассмотрим классификацию, которую предлагает в своих работах М. В. Пименова [Пименова: 2013: 127]. Взяв за основу классификацию В. И. Карасика, М. В. Пименова выделяет три основные типа концептов с несколькими подтипами в каждом.

Первый – базовые концепты, включающие в себя ментальные единицы, тематически принадлежащие к космическим, социальным или психическим группам. Рассмотрим каждую отдельно.

Космос в работах М. В. Пименовой понимается максимально широко и обобщённо, к «космическим концептам» учёный относит следующие группы ментальных единиц:

1. Метеорологическая: ливень, град, снег, тучи и др.
2. Биологическая: растение, животное, гриб, бактерия, соцветие и др.
3. Ландшафтная: поле, озеро, степь, луг, тайга и др.
4. Предметная (включая артефактные репрезентаты ментальных единиц): станок, фабрика, промышленность, постройка и др.

Социальные концепты включают следующие группы:

1. Страны: Россия, Австрия, Венгрия, ЮАР, Германия и др.
2. Социальный статус: богатый бедный, «синие воротнички», элита, маргиналы и др.
3. Национальность: русский, украинец, китаец, американец, немец и др.
4. Власть: диктатура, монархия, республика, демократия и др.

5. Взаимоотношения между людьми: конформизм, соборность, подчинение, влияние, манипулирование и др.

6. Понятия, относящиеся к морали: долг, патриотизм, раскаяние, оправдание и др.

7. Занятия: дело, ремесло, праздник, труд, хобби и др.

8. Религия: Бог, мессия, пророк, Спаситель, Богоматерь, пророк и др.

Психические концепты включают три объёмные группы:

1. Характер: оптимистичность, сварливость, добродушие, гордость и др.

2. Эмоции: грусть, радость, счастье, печаль, воодушевление и др.

3. Ментальные сущности: понятие, представление, разум, воображение и др.

Мы рассмотрели категорию базовых концептов. Кроме них, М. В. Пименова выделяет концепты-дескрипторы и концепты-релятивы.

Концепты-дескрипторы нужны для разделения базовых концептов на группы, их классификации. Среди них выделяются дименсиональные, классифицирующие по признаку размера (объёма, глубины, ширины, высоты и пр.), квалитативные, классифицирующие по качественному признаку и как правило допускающие чёткие семантические оппозиции (тёплый – холодный, сухой – мокрый, толстый – тонкий), квантитативные, классифицирующие по количественному признаку (чуть-чуть – чересчур, достаточно – недостаточно, много – мало).

Концепты-релятивы нужны для характеристики типов отношений. Среди них самый широко используемый подтип – оценочные концепты (хороший – плохой, добрый – злой, достойный – недостойный). Кроме него выделяются «концепты-позиции» (вместе – порознь, впереди – позади, рядом – вдали), «концепты-привативы», указывающие на принадлежность, право собственности над чем-либо (свой – чужой, включить – исключить, приобретать – терять).

Следуя приведённой классификации, концепт *город* может быть отнесён к группе базовых социальных концептов.

Рассмотрим классификацию, представленную в монографии «Когнитивная лингвистика» З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова, Стерин 2010: 82].

Первый тип концептов, выделяемый учёными, получил название «представление». Концепты-представления – самые распространённые в сознании носителя любого языка. Это ментальные единицы, которые вызывают в сознании «представление» о чём-либо, могут быть легко определены, объяснены. С репрезентатами концептов-представлений мы встречаемся, например, в толковых словарях. Примеры: дом, окно, вода, одиночество. Все эти концепты могут быть легко объяснены любым носителем языка. Дом – строение, в котором живут или могут жить люди, окно – пространство в стене, обычно застеклённое, которое позволяет свету и/или воздуху проникать в помещение, вода – химическое соединение двух молекул водорода и одной молекулы кислорода, одиночество – состояние, когда человек находится один или чувствует себя отчуждённым от тех, кто находится рядом.

Второй тип – концепты-схемы. Это уже более сложная когнитивная единица. К концептам данной группы З. Д. Попова и И. А. Стернин относят представления, которые «рисуются» в нашем сознании схематично, состоят из определённых частей. Например, когда мы говорим про стол (не важно, какой именно стол – журнальный, кухонный, стол учителя в школьном кабинете) мы представляем некую плоскость, которая находится на возвышении (предположим, над полом) и удерживается ножкой (одной или несколькими). Если мы говорим о человеке, то представляем голову, две руки, две ноги, тело в вертикальном положении.

Отметим здесь же, что концепт, проявляющий себя как некая схема в сознании носителя языка, не обязательно должен этим ограничиваться. Большинство схематических концептов мы можем легко *представить*, то есть перевести их в группу «представлений», дать им определение: стол – предмет в виде горизонтальной плоскости на ножке/ножках; человек – живое существо,

которое способно мыслить, осознанно говорить, создавать и вариативно использовать средства труда.

Третий тип – концепты-понятия. Это наиболее сложные единицы мыслительной деятельности, которые формируются непосредственно сознанием человека. Понятие – результат осмысления различных явлений, группировки представлений или схем. Их отличие от концептов-представлений состоит в том, что до акта мыслительной деятельности человека определённая реалия не существовала в мире. Например, судья – это понятие о человеке, который выполняет определённые юридические функции. Судей не было в окружающем мире до тех пор, пока человек не соединил в своём сознании несколько представлений и не создал понятие «судья».

Концепт, репрезентируемый словом «кентавр» – тоже понятие. Представители определённого этноса, создавая произведения культуры, объединили в своём сознании человека и лошадь, сформировав понятие о кентавре.

Самолёт – понятие, поскольку человек сопоставил некий предмет и его способность летать самостоятельно, создал понятие и применил его к определённому виду изобретённой техники.

Основная часть концептов-представлений – это термины. Понятия «толерантность», «биология», «синхрофазотрон» появились в сознании людей на основании «обдумывания», сопоставления различных реалий.

Четвёртый тип – фреймы. Концепты данной категории близки к понятиям, но отличаются от них более сложной структурой. Когда носитель языка воспринимает слово, репрезентирующее фреймовый концепт, он представляет себе его как множество компонентов. Например, что представит студент, услышав или прочитав слово «экзамен»? Зачётную книжку, подготовку к сдаче, экзаменационный билет, подготовку к ответу, ответ на вопросы преподавателя, оценку.

Когда мы воспринимаем слово «магазин» – с одной стороны, оно вызывает у нас представление о здании или части здания, где можно купить

какой-либо товар. С другой, магазин вызывает серию образов и представлений: рекламная вывеска, название магазина, выбор товара, оплата, чек. Если сравнить «магазин» со словом «лебедь», разница в семантической «наполненности» этих концептов будет очевидна. Лебедь – однозначно «представление», мы рисуем его в воображении как птицу с белым оперением и изогнутой шеей. Магазин же вызывает представление о множестве образов и ситуаций.

Сценарий – тип концепта, который подразумевает смену определённых действий. Сценариям присуща фреймовая структура, дополненная динамикой. Например, драка – не просто фрейм из нескольких компонентов, а сценарий с чёткой последовательностью событий – начало драки, кульминационный момент, когда один человек одерживает победу над другим (одна группа людей над другой), завершение драки. «Кинотеатр» – фрейм, «посещение кинотеатра» – сценарий.

Гештальт – ещё более сложная когнитивная структура, которая может включать в себя несколько фреймов, сценариев или сценариев и фреймов одновременно. Компоненты гештальта могут быть совершенно не связанными друг с другом, но человек, в силу особенностей своей психической деятельности, соединяет их в целое. Например, картина (имеется в виду, изображённое на картине) – гештальт. На картине может быть, например, река, холм, церковь, пасмурное осеннее небо. Все эти компоненты в своём единстве вызывали какое-то определённое чувство у художника и он изобразил их на картине одновременно.

Гештальтами являются концепты, репрезентируемые такими словами как «судьба», «игра», «взросление». Это не отдельные сценарии и фреймы, а их совокупности, которые могут быть более или менее крупными, сильно или слабо мотивированными.

Концепт *город* может быть отнесён одновременно к нескольким категориям. Поскольку лексема *город* создана для номинации определённого населённого пункта, концепт, репрезентируемый, главным образом, этой

лексемой, относится к категории *представлений*. Однако поскольку судьба человека может быть связана напрямую с городом, в котором он живёт или который посещает, и поскольку город может восприниматься горожанами или туристами как живое существо, у которого тоже есть судьба, концепт *город* имеет потенцию развития до *гештальта*.

1.3. Структура концепта

Учёные не пришли к единой точке зрения о ключевых структурных компонентах концепта. Это обусловлено в первую очередь тем, что концепты ненаблюдаемы, их составляющие обнаруживаются только в ходе психологических и лингвистических экспериментов. Рассмотрим наиболее популярные точки зрения по данному вопросу.

Ю. С. Степанов рассматривает концепт как сложную единицу, выделяя в ней несколько компонентов [Степанов 2004: 42-67].

Первый – внутренняя форма, или «буквальный смысл», или «этимология». Это знания о реалии, которые носитель языка получает из формы слова, его морфемного строения. Например, когда мы воспринимаем слова «водитель», «учитель», «руководитель», мы понимаем, что речь идёт о человеке, выполняющем какую-либо работу. Это понимание рождается в сознании вследствие того, что одно из значений суффикса -*тель*- обозначение профессии человека, рода его деятельности. Когда мы воспринимаем слова «подберёзовик», «подснежник», «поддон» – мы понимаем, что речь идёт о предметах, находящихся «под чем-либо». Это ясно из значения префикса «под».

Значения, выражаемые аффиксами, носителями языка воспринимаются мгновенно, лежат «на поверхности». Они типизированы в языке, их различение не требует от нас серьёзных усилий.

Следующий «слой» любого концепта – «пассивный» или «исторический». Он не всегда хорошо и глубинно осознаётся каждым носителем языка, потому что подразумевает собой «эволюцию» ментальной единицы, изменение её

семантической наполненности. Так, например, концепт, репрезентируемый словом «бог» в древнерусском языке не имел значения Творца, Создателя. Это было нарицательное существительное со значением «человек, отдающий что-либо». В религиозном смысле лексема «бог» была использована в первых переводах Библии на русский язык. Люди, жившие в тот период времени, чётко осознавали связь значений приведённой лексемы, однако впоследствии первичное значение было утрачено. «Исторический слой» концепта, таким образом, даёт дополнительный ключ к его значению. Представление об эволюции значений ментальной единицы помогает лучше понимать её семантическую наполненность.

Третий «слой» – актуальный, основной. Это те представления, образы, ассоциации, которые вызывает лексема в сознании любого носителя языка. Сюда же, как справедливо замечает В. В. Фещенко, необходимо относить эмоции и чувства, связанные с той или иной когнитивной единицей [Фещенко: 2013: 58]

Классификация структурных компонентов, предложенная Ю. С. Степановым, не может считаться ошибочной, однако «актуальный слой» любого концепта – очень обширная его составляющая, в которой аналогичным образом можно выделить несколько компонентов.

Рассмотрим структуру, предложению С. Г. Воркачёвым [Воркачёв 2004: 192]. Учёный выделяет в каждом концепте три компонента. Первый – образная составляющая. Это образы, возникающие в сознании носителя языка, когда он воспринимает слово, репрезентирующее тот или иной концепт. К образному компоненту относятся в том числе различного рода метафоры, связанные с представлением концепта в сознании.

Второй – понятийная составляющая. Это информация о том, какая реалия действительности запечатлена в нашем сознании посредством определённого концепта. К понятийной составляющей относятся все наши знания об определениях, каких-либо временных интервалах, признаках, характеристиках концепта.

С. Г. Воркачёв отмечает, что признаки в понятийном компоненте концепта могут быть выражены не только через утверждение, но и через отрицание. С этим явлением мы встречаемся, например, когда загадываем загадки: «Не зверь, не птица, а нос – как спица». Для поиска ответа приходится сопоставлять признаки, которые утверждаются, с теми, которые отрицаются, и приходить к общему выводу.

Третий – лингвокультурологический компонент, который включает в себя слово или слова, репрезентирующие концепт в речи, формы этих слов, знания носителей языка об их этимологии, истории изменения значений и пр.

Структура концепта в работах В. И. Карасика [Карасик 1996: 3] схожа со структурой С. Г. Воркачёва, однако кроме образного и понятийного компонента ученный выделяет ценностный компонент.

Ценностная составляющая в работах В. И. Карасика ставится на первое место, поскольку считается наиболее значимой для развития социума. Именно оценка каждого явления с точки зрения справедливости, порядочности позволяет той или иной общности людей не распасться.

Ценностный компонент важен при распределении концептов на группы по степени важности для социума. Ценностные концепты, в таком случае, будут занимать первые места в иерархии, в то время как концепты, полностью лишённые ценностного компонента, окажутся внизу.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в каждом концепте три базовые составляющие: образ, информационное содержание, интерпретационное поле [Попова, Стернин 2010: 75].

Понятие образной составляющей в работах названных учёных не отличается от таковых в работах Карасика и Воркачева. Отмечается, что образный компонент присущ абсолютно всем концептам, в том числе тем, которые имеют абстрактное значение. Различие лишь в том, что образы абстрактных концептов будут сильно варьироваться в зависимости от социокультурной среды, в которой росли или находятся в данный момент носители того или иного языка. Поясним это на примере. Концепт «красный»

будет примерно одинаково представляться всеми носителями языка. А вот концепт «религия» уже по-разному: одни люди будут представлять храмы, другие – духовенство, третьи – книги с изложением догматов одного из учений и так далее.

Говоря об образном компоненте, З. Д. Попова и И. А. Стернин ссылаются на работы Д. Лакоффа [Лакофф 1988: 12], в которых анализируется понятие прототипа в лингвистике. Прототипы – свидетельство общности образных компонентов концепта для слов-гиперонимов. Так, например, в ходе лингво-психологических экспериментов было установлено, что образ, возникающей в сознании большинства людей при восприятии гиперонима «птица» – «воробей», гиперонима «поэт» – Пушкин, «река» – Волга и т. д.

Второй компонент – информационное содержание. Это базовая информация о реалии, которая объективируется в сознании посредством концепта. Информационное содержание осознаётся каждым носителем языка. Например, информационным содержанием концепта «треугольник» может быть следующее: «геометрическая фигура, три угла», «лужа» – «вода на земле после дождя». Информационное содержание обычно отражается в словарях в виде дефиниции словарного слова.

Третья составляющая – интерпретационное поле. Это наиболее объёмный компонент любого концепта, наполненность которого зависит от уровня образования, жизненного опыта, социальной среды индивидуума. Интерпретационное поле включает в себя все созначения, ассоциации, оценки по отношению к той или иной реалии в сознании носителя языка.

Например, для концепта, репрезентируемого словом «работа» в интерпретационное поле могут входить пословицы и поговорки о работе, если носителю языка они известны, эмоции, которые он переживает, когда думает о своей работе, оценка того, полезна его работа или нет, приносит она достаточный доход или не приносит и так далее.

Интерпретационное поле будет значительно шире у носителей языка чем у людей, изучающих язык как иностранный, поскольку носители языка

«живут» в окружении слов-репрезентатов концептов, воспринимают их на протяжении длительного периода времени, могут связывать их с огромным количеством ситуаций, периодов жизни, воспоминаний и пр.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в интерпретационном поле несколько зон. Рассмотрим их подробнее.

Первая – зона оценки. Оценка может проводиться одновременно по нескольким критериям. Например, по максимально обобщённому: (плохо/хорошо) – или по более детальным: красивый/некрасивый, дорогой/дешёвый, вкусный/невкусный и т. д.

Вторая – энциклопедическая зона. Здесь представлена информация, известная узким кругам носителей языка, даты, факты. Например, для концепта, репрезентируемого лексемой «Санкт-Петербург» в энциклопедической зоне интерпретационного поля будет информация о том, что город был основан в 1703 году, что день города в Петербурге отмечается 27 мая, его площадь – 1439 квадратных километров и т. д.

Третья – утилитарная зона. Наполненность зоны определяется тем, используется ли реалия в быту, в жизни человека. В основном, утилитарная зона наполнена лексемами с оценочной семантикой. Пример – для слова «автомобиль» в утилитарную зону могут входить компоненты: «быстрый, комфортный, на бензине или на газу, может долго стоять в пробках, бывает сложно заводить зимой» и пр.

Четвёртая – регулятивная, наполнена словами со значением присутствия/отсутствия необходимости делать что-либо. Например, автомобиль нужно заправлять, периодически мыть. Русский язык или любой другой язык нужно учить, в процессе использования нужно соблюдать нормы, не нужно создавать с нуля новые слова, нужно использовать уже созданные и существующие в сознании носителей языка и так далее.

Пятая – социально-культурная. В этой зоне отражаются связи концепта с реалиями культуры и искусства. Например, для концепта, репрезентируемого именем собственным «Александр» в социально-культурной зоне могут быть

следующие компоненты: Александр Македонский, Александр Невский, Александр Дюма, Александр Пушкин, Саша Чёрный, Шурик. Для концепта «деревня»: Есенин, Абрамов, деревенская проза, «вот моя деревня», «деревни, деревни, деревни с погостами» и пр.

Шестая – паремиологическая. Здесь сосредоточены пословицы, поговорки, афоризмы, цитаты. Например, для концепта «мать»: «при солнышке тепло, при матери – добро», «родная сторона – мать, чужая сторона – мачеха», «родных много, а мать милее всего», «без матери и отца изба не красна». Если соотносить паремиологическую зону со структурой концепта, предложенной учёным Ю. С. Степановым, она преимущественно будет относиться к историческому компоненту, поскольку большую часть пословиц народ сложил ещё в далёком прошлом, часто в дописьменный период.

Е. Ю. Балашова наряду с другими лингвистами сводит все методы изучения и структурирования концептов к двум базовым подходам: лингвокультурному и лингвокогнитивному [Балашова 1998: 95].

Рассмотрение концептов с позиции *лингвокультурного* подхода подразумевает выявление этнокультурной составляющей каждого концепта, рассмотрение его в направлении от представления, выраженного в культуре, к представлению, отражённому в сознании человека [Карасик 2007: 116].

Лингвокогнитивный подход подразумевает выход на концептосферу социума через анализ концептов в сознании индивида [Слышкин 2004: 21].

В то же время существует «пограничный» подход к изучению когнитивных структур – ряд концептов уместно рассматривать с позиций как лингвокогнитивного, так и лингвокультурного подхода [Клевцова 2012: 162].

Концепт *город* будет рассмотрен нами с позиций *лингвокогнитивного* подхода.

Большинство современных учёных выделяют в каждом концепте зоны ядра, ближней и дальней периферии. К ядерной зоне концепта, вербализующегося в тексте художественного произведения, относятся словоупотребления ключевого слова, которое называет изучаемый концепт

[Маслова 2004: 98]. Иными словами, в ядре находятся лексемы, которые наиболее полно и точно формируют *представление* в сознании того, кто воспринимает текст [Попова, Стернин 2001: 60]. К ближней и дальней периферии относятся синонимы, антонимы, компоненты лексико-семантических, фразеологических и ассоциативных полей, обозначенных ключевой лексемой, распределённых по степени релевантности ключевому слову.

1.4. Методика исследования концептов

В «Очерках по когнитивной лингвистике» З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют различные методы исследования концептов [Попова, Стернин 2001: 102]. Все методы содержат один общий этап – выявление ключевого слова и первичное построение его семантемы. Ключевое слово представляет собой лексему, которая наиболее полно репрезентирует определённую ментальную единицу. Семантема – совокупность семем, то есть всех значений, потенциально возможных для выбранного ключевого слова. Первичное построение семантемы происходит путём обращения к толковым и этимологическим словарям разных авторов. Этимология оказывает исследователю помощь в обнаружении значений, которые могут не фиксироваться в современных толковых словарях, однако оставаться в сознании носителей языка или закрепляться в устойчивых оборотах, обнаруживать себя в пословицах и поговорках.

После завершения работы со словарём исследователь обращается к одному или одновременно нескольким методам с целью расширения и углубления первичной семантемы. Как справедливо замечает Н. В. Крючкова, источником информации после выявления ключевого репрезентата могут стать словари разных типов, художественные тексты, результаты лингвистических экспериментов [Крючкова 2003: 9].

Первый метод изучения концепта – анализ лексической сочетаемости ключевого слова, который даёт возможность определить значительно большее количество возможных признаков, присущих анализируемой реалии (в

сопоставлении с материалами словарей). Так, например, сравнительный оборот «злой, как собака» указывает, что одним из признаков собаки (в сознании носителей определённого языка) является злость. Или – «грязный, как свинья» – в представлении русского народа свинья – олицетворение нечистоплотности. При анализе лексем в рамках лексических сочетаний необходимо отмечать десемантизированные выражения, причины появления которых на данном этапе развития языка обнаружить невозможно или затруднительно («замёрз, как собака» – сравнение невозможно объяснить и каким-либо образом мотивировать).

Второй – подбор синонимов, антонимов, гипонимов и гиперонимов. Рассмотрение ключевой лексемы в сопоставлении с семантическими однородными или противоположными ей лексическими единицами позволяет конкретизировать её значение. Например, различия в значениях могут быть отмечены при сопоставлении слов «приятель», «товарищ», «друг».

Третий – анализ всех существующих словообразовательных цепей, связанных с ключевой лексемой. Изучение созначений, вносимых в семантическое поле слова различными аффиксами, даёт возможность исследователю увидеть семы, которые могут остаться не выявленными при иных типах анализа, например, при рассмотрении только лексической сочетаемости слова.

Четвёртый – анализ лексико-грамматического поля, который позволяет выявить ограничения в употреблении определённых словоформ. Например, О. М. Воевудская, изучавшая лексико-грамматическое поле лексемы «свет», выявила следующие закономерности:

1. Все потенциальные словоформы лексемы «свет» встречаются в устной и письменной речи только в тех случаях, когда «свет» выступает в основном значении («Лучистая энергия, делающая свет видимым» [Ожегов, Шведова 1997: 635]).

2. Лексема «свет» в значении «источник света» репрезентируется в текстах и устной речи только в трёх словоформах: дательного (к свету), винительного (на свет), предложного (на свету) падежа.

3. В значении «восход солнца» – три словоформы: родительного (подняться до свету), винительного (дожидаться свету), творительного (перед светом) падежа.

4. В значении «электрический свет» словоформ только две: винительного (отключить свет), родительного (нет света) падежей.

Таким образом, построение лексико-грамматических полей расширяет возможности анализа концепта, позволяет сопоставлять потенциально возможные и реально существующие в речевой практике словоупотребления [Воевудская 1991: 81].

Пятый – изучение паремий и афоризмов. Этот метод необходим при анализе периферийной зоны концепта. Пословицы и поговорки указывают на огромное количество признаков анализируемой ментальной единицы, однако данные признаки могут быть запечатлены в сознании далеко не каждого носителя языка или совершенно перестать существовать ко времени проведения анализа.

Шестой – анализ репрезентации концепта в художественных текстах. Метод может использоваться для достижения трёх целей:

1. Рассмотреть концепт как элемент концептосферы определённого автора, выявить отличительные особенности его репрезентации, присущие данному автору.

2. Сопоставить репрезентацию концепта в творчестве двух или более авторов одного или разных временных периодов, выявить сходства и различия (возможно, сопоставить их с социальной средой, оказавшей влияние на формирование концептосферы писателя, литературным направлением, в рамках которого он работал и т. д.).

3. Определить признаки концепта, не выявляемые в ходе других методов анализа. Например, через углублённый разбор стихотворений Есенина может

быть выявлено огромное количество признаков концептов «деревня», «берёза», «хулиган», «осень».

Седьмой – анализ значений концепта, которые проявляются в устном общении, особенно в лексике ограниченного употребления. Логично предположить, что одно и то же слово с нейтральным общеизвестным значением может иметь стилистическую окраску, коннотацию или совершенно иное значение в студенческом, профессиональном, криминальном жаргоне и других пластах лексики. Причём по мере развития языка эти значения могут переходить в ядро концепта и даже вытеснять основные значения. Интересными в данном плане могут быть слова типа «авторитет», «крыша» и др.

Восьмой – сопоставительный анализ концептов в двух или нескольких языках. В ходе сопоставления исследователь может обнаружить лакунарность – отсутствие словоформы для репрезентации концепта при наличии понятия, представления, различия в наполненности семантемы слова, наличии коннотаций и пр. Например, слово «свет» в русском языке может быть использовано как обращение, название человека или предмета, вызывающего позитивные мысли и чувства («Свет мой, солнышко», «ты мой свет» и пр.), в то время как в английском языке данная сема полностью отсутствует. Однако английским словом «light» может быть назван источник огня, которым позволяет зажечь что-либо, в русском языке семантемы концептов «огонь» и «свет» подобным образом не пересекаются.

Девятый – ассоциативный эксперимент. Недостаток методики состоит в невозможности её проведения без участия большого количества респондентов.

Сущность метода – испытуемые воспринимают слова-стимулы и записывают лексемы, которые ассоциативно появляются в сознании. Например, для слова «кролик» ассоциациями могут быть «шляпа», «удав», «вертел», «клетка», «нора», «жаркое», «волк» и др. Задача лингвиста – сопоставить частотность ассоциаций на один стимул у разных респондентов, выявить закономерности, попытаться обосновать ассоциативные связи.

Десятый – рецептивный эксперимент. Испытуемым предлагается самостоятельно (без помощи словарей и справочной литературы) охарактеризовать значение ключевого слова-репрезентата. Особый интерес в случае рецептивного эксперимента представляет работа с абстрактными понятиями («совесть», «честь», «соборность», «толерантность»). Методика может быть дополнена вопросами и заданиями вспомогательного плана (подобрать синонимы и антонимы словам, объяснить значение слова ребёнку или гражданину другого государства, который не знает русского языка, описать образ, который возникает в сознании при восприятии слова). Так, например, Е. И. Грищук проводила рецептивный эксперимент по слову «толерантность» среди старшеклассников. В ходе эксперимента было установлено, что правильно понимают слово лишь 20 % опрошенных, в случае 80 % остальных учеников концепт «толерантность» находится лишь в процессе формирования. В речевой практике лексему «толерантность» учащиеся почти не употребляют [Грищук 2001: 54].

В нашем исследовании будет проведён анализ концепта «город» в творчестве Дины Рубиной, основной метод исследования – анализ репрезентации концепта в художественных текстах автора, без сопоставления с репрезентациями аналогичного концепта в творчестве других писателей и поэтов. Опираясь на методы и приёмы, предложенные выше, мы проводили анализ по следующей схеме:

1. Выявление ключевого слова репрезентата. В нашем случае – лексема *город*. Анализ словоупотреблений данной лексемы.

2. Анализ гиперо-гипонимических связей лексемы город с другими лексическими единицами, в нашем случае – названиями отдельных городов (*Москва, Ленинград, Венеция, Иерусалим*), анализ словоупотреблений данных единиц, характеристика ядерной зоны концепта.

3. Определение значения лексемы с опорой на толковые словари, выявление лексико-семантических полей, лексемы которых непосредственно участвуют в вербализации концепта. Для концепта *город* таковыми лексико-

семантическими полями будут: *транспорт*, *архитектура*, *жители города*, *животные*.

4. Подбор лексем в текстах художественных произведений Д. Рубиной, относящихся к названным лексико-семантическим полям, анализ их словоупотреблений, характеристика зоны ближней периферии.

5. Анализ лексем со значением оценки или лексических единиц, не связанных напрямую с указанными выше семантическими полями, однако формирующих представление читателя о городе. В нашем случае к таковым лексическим единицам были отнесены слова семантических полей *цвет*, *запах*, *звук*, *температура*. Анализ их словоупотреблений позволил представить вербализацию зоны дальней периферии концепта.

Выводы по первой главе

Понятие концепта на данный момент не получило единого толкования в сфере когнитивной лингвистики, семасиологии, психолингвистики и иных смежных научных дисциплинах. Однозначно можно утверждать, что концепты является ментальными единицами, которыми человек оперирует в процессе мышления, концептам свойственна дискретность, то есть внутри данных ментальных единиц можно выделить определённые компоненты.

Концепты не обязательно репрезентируются в языке, степень репрезентации разных концептов может быть не одинаковой и зависеть от уровня релевантности последних для носителей языка.

Большинство учёных при анализе концептов выстраивают их полевую модель, выделяя зоны ядра, ближней и дальней периферии.

В когнитивной лингвистике нет единой типологии концептов. Классификация рассматриваемых единиц сложна, поскольку концепты представляют собой ненаблюдаемые образования.

Описание концептов проводится преимущественно с опорой на язык, потому что анализ лексических единиц и их парадигматических связей – наиболее простой и точный метод анализа вербализуемых ими когнитивных структур. При этом анализ может проводиться с опорой на различные

источники: данные, полученные в ходе опроса информантов, тексты беллетристической и небеллетристической литературы, словарные статьи, результаты ассоциативных экспериментов и пр.

По классификации В. И. Карасика, концепт, репрезентируемый словом *город*, однозначно не относится к лакунарным, поскольку в русском языке (и других языках) есть лексема, которая его называет. Рассматриваемый концепт уместно отнести к категории *непараметрических*, поскольку вся совокупность лексем, через которые он репрезентируется в речи, используется для называния, а не сопоставления предметов. Город не может быть поставлен в один ряд с понятиями типа *честь, справедливость, верность*, поэтому относится к группе *нерегулятивов*.

Следуя классификации М. В. Пименовой, концепт *город* относится к категории *базовых социальных концептов*.

По классификации З. Д. Поповой и И. А. Стернина *город* – концепт-*представление*, содержащий потенцию развития до *гештальта*.

Далее нами будет проанализирована репрезентация концепта *город* в художественных произведениях Д. Рубиной. В ходе анализа мы будем представлять концепт как полевую модель, рассматривать лексемы ядерной зоны, далее зоны ближней и дальней периферии.

ГЛАВА II. ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ГОРОД» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. РУБИНОЙ)

2.1. Вербализация концепта «город» в повести «Высокая вода венецианцев»

Для анализа концепта «город» в повести «Высокая вода венецианцев» было отобрано 153 лексемы (376 словоупотреблений).

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы находим следующее определение понятия *город*: *Крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр* [Ожегов, Шведова 1999: 140].
В словаре Д. Н. Ушакова также отмечается, что город – это *крупный населённый пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр* [Ушаков 1935: 276].

Из приведённых определений следует, что при анализе репрезентации концепта *город* в творчестве писателя невозможно опираться лишь на анализ ключевого слова. Рассматриваемый концепт репрезентируется лексемами одновременно нескольких семантических полей:

1. Население – все жители города.
2. Администрация города – кто и как осуществляет управление данным населённым пунктом.
3. Торговля – все заведения, которые продают или покупают что-либо.
4. Промышленность – заводы, фабрики, производимые ими товары.
5. Культура – как жители города проводят досуг, как ведут себя в процессе взаимодействия друг с другом и пр.

При анализе концепта *город* в повести «Высокая вода венецианцев» нами были рассмотрены лексемы, являющиеся ключевыми репрезентатами концепта и составляющие его ядро (нарицательное существительное *город* и имена собственные – названия городов), лексемы ближней периферии (входящие в следующие лексико-семантические поля: жители города, здания, достопримечательности, улицы (каналы), животные города), лексемы дальней периферии (входящие в лексико-семантическое поле *цвет*).

Ядро концепта «город» в повести «Высокая вода венецианцев»

Ядерная зона концепта *город* в повести репрезентируется через формы ключевого слова *город* и имена собственные – названия городов. Общее количество проанализированных лексем данной группы – 10, общее количество словоупотреблений – 56. Рассмотрим сначала формы нарицательного существительного *город*, общее число употреблений которых – 11.

В тексте повести представлено только имя существительное *город*, возможные слова других частей речи, образованные от него, отсутствуют.

Во множественном числе лексема использована только один раз, когда героиня повести размышляет о городах в целом, о том, как их много в разных государствах мира: *мир так велик, и так много в нём* ***городов***.

В 7 случаях формы слова *город* содержат указательное местоимение *этот*. Все они указывают только на Венецию: *Безумные и прекрасные люди, зачем-то построившие на воде* ***этот город***; ***Этот город****, с душой мужественной и женской, был так же обречён; Опуститься на дно, слиться с* ***этим*** *обречённым, как сама она,* ***городом***; *Бежать, думала она, бежать из* ***этого города***; *Бежать из* ***этого*** *обречённого* ***города***; *Он пожелал остаться ей чужим в* ***этом*** *обречённом* ***городе***; *Надо было дожить отпущенное ей время, как доживал* ***этот город***.

Указательным местоимением *этот* Дина Рубина выделяет Венецию из многообразия других городов, которых бесчисленно много на Земле. Его основная особенность заключается в *обречённости* – Венеция погибнет от наводнения в недалёком будущем. Акцент сделан не случайно: героиня повести чувствует обречённость Венеции, поскольку сама осознаёт невозможность вылечиться (*Этот город, с душой мужественной и женской,* ***был так же обречён, как и она****, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ... такая чепуха для бездушного безграничного времени*).

Рассмотрим использование имени прилагательного *обречённый* или его кратких форм с нарицательным существительным *город*. В трёх случаях прилагательное является определением существительного: С *этим*

***обречённым**, как сама она, **городом**; Бежать из этого **обречённого города**; В этом **обречённом городе**; В таинственном **городе обречённых**.* В одном – именной частью составного именного сказуемого: *Этот **город был** так же **обречён**.*

Рассмотрим, какую синтаксическую роль выполняет лексема *город* в повести. В четырёх случаях *город* является косвенным дополнением: *Так много в нём [мире] **городов**; Ленинград представал очень заграничным, очень прогрессивным **городом**; Слиться с этим обречённым, как сама она, **городом**; От исчезновения **города** в водах лагуны.* В одном случае – прямым дополнением: *Люди, зачем-то построившие на воде этот **город**.* В трёх случаях *город* – подлежащее: ***Город** сконцентрирован, сжат каналами; Этот **город**, с душой мужественной и женской, был так же обречён, как и она; Надо было дожить отпущенное ей время, как доживал этот **город**.*В трёх случаях – обстоятельство места: *Бежать из этого **города**; Бежать из этого обречённого **города**; Он пожелал остаться ей чужим в этом обречённом **городе**, вернее, таинственном **городе** обречённых.*

Мы рассмотрели авторскую парадигматику в отношении лексемы *город*. Другие лексемы, составляющие ядро концепта *город* в «Высокой воде венецианцев» представляют собой имена собственные – названия городов.

В первую очередь рассмотрим лексемы *Венеция* (12 словоупотреблений), *венецианский* (16 словоупотреблений), *венецианец* (7 словоупотреблений).

Остановимся на лексеме *Венеция*. В пяти случаях оно выполняет в тексте синтаксическую функцию подлежащего, причём дважды – в односоставном назывном предложении: ***Венеция**; Именно **Венеция**; На горизонте лежала **Венеция**; Островки и острова, сама светлейшая **Венеция** – всё лежало как на ладони; Закрыв ставни, нахохлившаяся **Венеция** ёжилась под ударами ветра.*
В четырёх случаях словоформа выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места, употребляется с предлогом *в*: *Добро пожаловать в **Венецию**; Как она могла жить до сих пор, ни разу не быв в **Венеции**; Смерть в **Венеции**; Не будем мелочиться: я в **Венеции**.* В четырёх случаях –

несогласованного определения: *Пока наблюдала рабочую, рассветную жизнь этого уголка* ***Венеции****; Величие* ***Венеции*** *с её вырастающими из воды прекрасными обшарпанными дворцами; Оглядывалась и смотрела на шлейф* ***Венеции*** *за плечом.*В одном случае – функцию косвенного дополнения: *побрататься с* ***Венецией*** *смертью*.

Имя прилагательное *венецианский* всегда определяет имена существительные. В шести случаях определяются конкретные существительные: *В десятом часу вечера она вышла из здания* ***венецианского*** *вокзала; "Под моими окнами – узкий канал, Рио де Сан-Джулиано, один из сорока пяти* ***венецианских*** *каналов; С чёрными провалами высоких* ***венецианских*** *окон дворец; Здесь я и* ***венецианских*** *мавров видала;* ***Венецианская*** *маска, думала она, притягивает и отталкивает своей неподвижностью; Это уже* ***венецианский*** *карнавал.* В пяти случаях определяются вещественные существительные, три из которых – стекло, одно – парча: *Как* ***венецианская*** *парча, вытканная золотом, лазурью, пурпуром; И пошла на свет этого праздника, вдоль витрин с горячей ослепляющей лавиной цветного* ***венецианского*** *стекла; Старинные лампы, кошельки, камеи, ножи и вилки, старое тускловатое* ***венецианское*** *стекло; Это была весёлая площадь с лавочками и мастерскими, торгующими* ***венецианским*** *стеклом; Небо, словно выдутое из* ***венецианского*** *стекла.* В трёх случаях – отвлечённые существительные: *Площадь – даже посреди этой тотальной* ***венецианской*** *обшарпанности; Вот вам мои первые* ***венецианские*** *впечатления; Её собственная жизнь истончилась до этих трёх дней* ***венецианской*** *обречённой свободы.*Дважды определяется существительное *школа* с собирательным значением (совокупность художественных традиций, работ определённых художников): *Живопись* ***венецианской*** *школы; У Антоши была кличка "Итальянец", за пристрастие к художникам* ***венецианской*** *школы.*Четырежды имя прилагательное употреблено во множественном числе – с конкретными существительными и одним отвлечённым: ***Венецианских*** *каналов;* ***Венецианских*** *окон;* ***Венецианских*** *мавров;* ***Венецианские*** *впечатления.*

Лексема *венецианец* встречается в тексте 7 раз. В 5 случаях является несогласованным определением, причём в трёх из них речь идёт о руках венецианцев, о которых героине повести говорил умерший брат Антоша: *Руки на картинах* ***венецианцев;*** *Подумала о бессмертных руках* ***венецианцев;*** *За его вкрадчивыми приглашающими руками истинного* ***венецианца.***

В двух случаях упоминается *высокая вода венецианцев* – буквальный перевод фразы *аква альта*, вынесенный Диной Рубиной в заглавие произведения: *Переведено буквально с "аква альта" как "высокая вода* ***венецианцев****"; Следующим номером вашей программы – "Высокая вода* ***венецианцев****".*

Один раз словоформа выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения: *Руки у* ***венецианцев*** *– главная часть души*. Один раз – подлежащего: ***Венецианцы*** *всегда готовы к появлению своей "высокой воды".*

Рассмотрим названия трёх других городов – Москвы, Ленинграда и Иерусалима.

Москва упоминается в тексте дважды, всегда в сопоставлении с *Ленинградом*, один раз корневая морфема *-москв-* в составе существительного (синтаксическая роль – косвенное дополнение) и один раз в составе прилагательного (согласованное определение): *По сравнению с* ***Москвой****, Ленинград представал очень заграничным, очень прогрессивным городом; Похвалялась своими внуками: один – ленинградский, другая –* ***московская.***

Лексема *ленинградский* автором повести использовалась один раз, в тексте она выполняет синтаксическую роль согласованного определения: *Похвалялась своими внуками: один –* ***ленинградский****, другая – московская.*

Лексема *Ленинград* трижды выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Потом пришла эта беда с Антошей, и он несколько раз таки являлся к Рите ночным из* ***Ленинграда*** *– требовать денег; Она вспомнила последнюю встречу с Антошей: тот приехал из* ***Ленинграда****; Она стала приезжать на каникулы в* ***Ленинград.*** Один раз – функцию подлежащего: ***Ленинград*** *представал очень заграничным, очень прогрессивным городом.*

Лексема *Иерусалим* упоминается в тексте повести дважды, каждая словоформа выполняет свою синтаксическую функцию: именная часть составного именного сказуемого: *Это ж не* ***Иерусалим,*** обстоятельство места: – *Из* ***Иерусалима,*** *– сказала она.*

Лексема *иерусалимский* встречается один раз, выполняет синтаксическую функцию согласованного определения: *Солнечный* ***иерусалимский*** *полдень.*

Мы рассмотрели ядро концепта *город* в повести «Высокая вода венецианцев», далее проанализируем зоны ближней и дальней периферии.

Ближняя периферия

К зоне ближней периферии концепта относятся лексемы следующих тематических групп: жители города, улицы (каналы), здания, транспорт, достопримечательности, животные. Общее количество лексем – 71, количество словоупотреблений – 246.

Рассмотрим лексико-семантическое поле *жители города*. Всех людей, упоминаемых в тексте произведения, можно поделить на три группы:

1. Представители «безликой толпы».
2. Группы людей, воспринимаемые героиней как «толпа», но при этом не совсем обезличенные, охарактеризованные по роду занятий, возрасту, социальному положению или другим признакам.
3. Отдельные люди.

В пяти случаях из восьми для наименования обезличенных групп людей Дина Рубина использует слово *толпа*. Дважды лексема выполняет синтаксическую функцию подлежащего: ***Толпа*** *не поредела, а шла плотным медленным косяком;* ***Одна толпа*** *вываливалась на набережную,* ***другая*** *торопливо заполняла палубу.*

Трижды – функцию обстоятельства: *Она вместе с* ***толпой*** *(обстоятельство образа действия) и за* ***толпой*** *(обстоятельство места) пошла по мосткам; Исчез в* ***толпе*** *туристов (обстоятельство места); Поверх* ***толпы*** *(обстоятельство места), над фонарями, над витринами она прочла разухабистую неоновую вывеску.*

В четырёх случаях из приведённых пяти *толпа* не имеет определений, причём не важно, идёт речь о туристах или о местных жителях. В одном из предложений этот факт конкретизируется: *Исчез в* ***толпе*** *туристов*. В одном предложении толпа сравнивается со стаей рыб: *Т****олпа*** *не поредела, а шла плотным медленным косяком,* ***как рыбья стая.***

В тексте мы обнаруживаем 21 описание людей, которые тоже представляют собой *толпу*, не разделяются на отдельно взятых личностей, не получают портретной характеристики, однако совсем безличными не являются. Дина Рубина характеризует их по какому-либо одному признаку:

– по роду занятий (11): *Пошла, обожая* ***официантов****; Мимо то и дело проскакивали* ***официанты*** *из ресторана;* ***Постояльцев*** *– в основном японских* ***студентов*** *– обслуживали две приземистые таиландки; К плавучей пристани дважды причаливал вапоретто, привёз только парочку японских* ***студентов****; Когда* ***карабинеры*** *совершают облаву;* ***Карабинеры****, раскинувшись вольно на корме, что-то жуют; Построилась рота* ***карабинеров****; И* ***все*** *[****карабинеры****] не очень дружно поворачивались то вправо, то влево; Со стороны Сан-Марко* ***торговцы*** *торопливо везли тележки с нераспроданным товаром; Появились ремонтные* ***рабочие*** *и повторилась вчерашняя утомительно-кропотливая разгрузка-погрузка; Снизу долетали предупреждающие крики* ***гондольеров.***

– по возрастному признаку (5): *Группы горластых* ***подростков*** *в карнавальных колпаках; На* ***пожилых*** *краснолицых* ***немцев****; Жилистых американских* ***старух****; Три* ***подростка*** *... бродят по колено в воде; Возбуждённые возгласы* ***подростков****, нанявших вскладчину гондолу.*

– по цели пребывания в Венеции (туристы) (3): [*Пошла, обожая]* ***туристов****; Выплыли двое* ***пассажиров****; Не слишком многочисленные* ***туристы*** *прыгали по мосткам, как воробьи.*

– по этническому признаку (3): *И венецианских* ***мавров*** *видала;* ***Мавры*** *бросают весь товар и бегут врассыпную; Обслуживали две приземистые* ***таиландки****.*

Все отмеченные выше лексемы – имена существительные во множественном числе, обозначающие людей определённой профессии, рода занятий и пр. В 9 контекстах существительные стоят в именительном падеже, в 8 – в родительном, в 7 – в винительном. У пяти существительных есть согласованные определения. В двух случаях они указывают на национальную принадлежность: ***японских*** *студентов* (словосочетание встречается дважды), в одном – характеризуют местоположение: ***венецианских*** *мавров*, в одном – профессиональную деятельность: ***ремонтных*** *рабочих*, в одном – количество: ***многочисленные*** *туристы*. У двух существительных согласованные определения: ***пожилых краснолицых*** *немцев*, ***жилистых американских*** *старух*. Одно существительное определяется согласованным и несогласованным определениями: ***горластых*** *подростков в* ***карнавальных колпаках.*** Двумя существительными управляют количественные числительные: ***три*** *подростка*, ***двое*** *пассажиров.*

В повести мы обнаруживаем и описания отдельных людей. Их можно разделить на две группы:

– показано только действие человека, определения отсутствуют: *Возле* ***матроса****, который на частых остановках ловко* ***набрасывал*** *на деревянную сваю канат, мгновенно* ***вязал*** *морской узел,* ***подтягивая*** *вапоретто к причалу;* ***Аккордеонист****,* ***разворачивающий мехи****; На* ***женщину, раскладывающую*** *на лотке пучки бледного редиса; Один такой [торговец] быстро* ***катил*** *свой лоток с наваленными горкой цветными колпаками, платками и дешёвыми масками –* ***бежал*** *внаклон, как бы* ***догоняя*** *свою тележку, одновременно* ***пытаясь укрыть голову*** *под её полосатым навесом;*

– показано действие человека, есть определения: ***Смутный, в чёрных*** *брюках и полосатой тельняшке,* ***ворочал веслом поющий гондольер;*** *Наблюдала одного такого* ***бравого гондольера****. Он* ***наклонился****,* ***лысина его побагровела****, стало видно, что он уже* ***пожилой человек*** *и* ***зарабатывает*** *на жизнь тяжёлым, в сущности, трудом;* ***Подавала девочка лет пятнадцати, некрасивая, длинноносая****, этакий девчачий* ***Буратино****.* ***Подпрыгивая,***

***пришаркивая**, как в классы играла, она бегала от одного столика к другому, **вытаскивала** из кармашка блокнотик, что-то **вычёркивала**, **записывала, убегала, прибегала**. И, **спрашивая**, близко **наклонялась** к клиенту, **улыбалась, подмигивала**, острым носом **лезла** в тарелку, **проверяя**, всё ли в порядке. Кажется, ей страшно **нравилась** её работа; Показался **старик в голубом белье** и, **глядя** вниз, медленно **закрыл** обшарпанный солнцем ставень; **Безмолвный таиландский дракон с базедовой болезнью подаёт** мне сухой круассан; **Рыжий дюжий капитан с обнажённой шпагой выкрикивал команды**; **Трубач в штатском, в** застиранном **свитерке** очень точно, нежно и сильно **выпевал** длинные музыкальные фразы; **Рабочий в дождевике выбрасывал** из подъездов в катер мешки с гремящим содержимым; **Две девочки, лет пяти и семи**. Обе они были в лёгких **пальтишках** и, что-то **выкрикивая** или **припевая**, по очереди **прыгали** с палубы катера; На порог вышел **молодой человек** в чёрной **кипе**, **оглядел** её, пригласительно **махнул** рукой: "Прего, синьора!"; **Стоял священнослужитель в коричневой рясе** и приветливым жестом **приглашал** её внутрь; **Звонарь** Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все колокола вверх и в обратном порядке; **Он улыбнулся** ... Но этому **парню**, длиннорукому **арфисту**, **богачу**, **владельцу** этой лагуны, **этому – равному** – ей захотелось сделать подарок;*

Изображая внесюжетных персонажей всех трёх групп, Дина Рубина создаёт образ Венеции как густонаселённого города. Героиня встречает людей повсюду: на улицах, на мостках, в кафе и ресторанах, видит даже из окон своей комнаты в гостинице.

С описаниями людей ярко контрастируют редкие мгновения одиночества. Одинокой в многолюдной Венеции героиня чувствует себя дважды. Первый раз – на соборной площади: *За те считанные минуты, что она в **восхитительном островном одиночестве** шаталась по площади перед церковью.* Второй – внутри здания церкви: *Она поднялась по каменным ступеням и вошла внутрь, где было холодно, темно и – **ни души**.*

Одиночество вновь напоминает героине о смерти: *Здесь было тихо. Маленькая площадь, скорее, большая площадка, была погружена в тень от величественного здания церкви. Вскрикивали чайки, ржаво постанывали цепи плавучей пристани. Она подошла к краю, туда, где каменные ступени так страшно и так обыденно уходили в воду... Здесь, как почти везде в Венеции, не было ни ограды, ни даже столбиков. Ничего, что удержало бы человека* ***от того, чтобы ступить***.

Лексико-семантическое поле *животные* невелико, включает только 4 лексемы (10 словоупотреблений). Д. Рубина описывает *собаку*, с которой играют дети, *щенка*, которого героиня подбирает у входа в гостиницу, и *голубей*.

Описывая *собаку*, Д. Рубина один раз использует имя существительное *собачонка* и дважды – существительное *лай*: *Снизу от воды поднимались детские голоса и восторженный* ***собачий лай;*** *Тут же мельтешила суетливым пушистым хвостом чёрная* ***собачонка****, с каждым прыжком приходившая в такой ярый восторг, что* ***лай*** *становился нестерпимым – браво, брависсимо, брависсимо*.

При описании щенка автором дважды используется существительное *щенок* и один раз указывающее на него местоимение *он*: ***Щенок*** *подстерёг её на Калле Каноника, на ступенях одной, уже запертой к ночи сувенирной лавочки*; ***Щенок*** *сидел на верхней ступени крыльца и молча дрожал крупной дрожью; Он заискивающе лизнул ей руку, как-то сразу примащиваясь, удобно усаживаясь на сгибе локтя, как ребёнок.*

При описании голубей четырежды использована лексема *голубь*: *Она прошла всю площадь, уклоняясь от низко летающих* ***голубей****;* ***Голуби*** *на Сан-Марко не летают, а семенят, переваливаясь; Утром на водостоке под её окнами ворчливо и хмуро переругивались* ***голуби****; С крыш, портиков, колонн на омытую водой площадь слетелись* ***голуби***. Один раз голуби сравниваются с другим животным – *свиньёй*: *не вспархивают из-под ног туристов, а просто отходят, – вообще, ведут себя,* ***как деревенские свиньи перед телегой;*** один

раз автором использована перифраза: *Мгновенно на локоть слетелись эти* ***безмозглые приживалы.***

Рассмотрим лексико-семантическое поле *транспорт*.

В «Высокой воде венецианцев» упоминается транспорт для передвижения по воде. 12 раз встречается лексема *катер*. В трёх случаях лексема выполняет синтаксическую функцию несогласованного определения: *Обе они [девочки] были в лёгких пальтишках и, что-то выкрикивая или припевая, по очереди прыгали с палубы* ***катера*** *на каменные плиты подъезда; Там и жили две девочки, так бесстрашно плясавшие сегодня утром по шаткой палубе* ***катера****; Долго приноравливался боком к узкому дощатому причалу, наконец примостился, и паренёк в таком же прорезиненном, блестящем от дождя плаще, подняв на закорки тяжёлый мешок, ступил на доску, перекинутую с борта* ***катера*** *на причал, и, напрягшись, балансируя, одним движением ловко забросил мешок в парадное;* в пяти случаях – функцию подлежащего: *По Гранд-каналу плывёт флотилия: впереди* ***катер*** *полиции – на носу полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет яхты, гондолы, вапоретто; Следом – мощный грузовой* ***катер*** *тянет на тросах баржу; Сначала к подъезду соседнего дома подкатил* ***катер****-мусорка; Утром она опять с пристрастным интересом наблюдала, как в сизом дырявом пару тумана* ***катер****-мусорка объезжал подъезды; Минут через десять после мусорки к другому дому протарахтел замызганный* ***катер****, гружённый мешками, досками, ящиками;* в трёх случаях – функцию косвенного дополнения: *Рабочий в дождевике выбрасывал из подъездов в* ***катер*** *мешки с гремящим содержимым; Порожняя тара вынесена, погружена в* ***катер****, и бригада споро оттарахтела дальше по каналу; Она уезжала на* ***катере*** *в аэропорт*; в одном случае – функцию прямого дополнения: *Двое мужчин в жёлтых дождевиках боком пришвартовали* ***катер.***

Лексема *гондола* встречается 14 раз. В 8 случаях из 14 существительное употреблено в форме множественного числа, в 6 случаях – единственного. В 5 случаях выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Вскоре* ***гондола***

ушла под мостик; Из-под моста одна за другой, привязанные, как лошади, кивали золочёными гребешками ***гондолы****; Вечерами по нему всё время ходят* ***гондолы; Гондолы*** *длинные, чёрные, лакированные, сиденья внутри обиты красным бархатом; И узкие, как турецкие туфли,* ***гондолы****, и фанфары старинных печных труб... – всё обречено.* В 4 случаях – функцию прямого дополнения: *– О-и! – крикнул гондольер перед тем, как завернуть за угол дома напротив, оттолкнулся от стены ногой в кроссовке и, выровняв* ***гондолу****, запел ещё надрывнее; Полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет яхты,* ***гондолы****; Значит, кто-то из безумных туристов, несмотря на дождь, нанял* ***гондолу****; Снизу долетали предупреждающие крики гондольеров и возбуждённые возгласы подростков, нанявших вскладчину* ***гондолу.*** В двух случаях – функцию косвенного дополнения: *Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу улицы-канала* ***гондолы****; Иногда в* ***гондоле*** *стоит роскошный стул, обитый парчой.* В трёх случаях – функцию несогласованного определения: *Минут тридцать она стояла на ступенях вокзала, пытаясь совладать с собой, шагнуть и начать жить в этом, театрально освещённом светом лиловых фонарей, сумеречном мире, созданном из бликов тёмной колыхающейся воды, из частокола скользких деревянных свай с привязанными к ним* ***гондолами****; Из-под моста справа показался загнутый турецкой туфлей нос* ***гондолы****; Уйти на дно лагуны, раствориться в гобеленовой пасторали лодочек и* ***гондол.***

Лексема *вапоретто* встречается в тексте 9 раз. Трижды выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *На Сан-Марко* ***вапоретто*** *опустел почти полностью; И уже минут через пять* ***вапоретто*** *влёк её по маршруту; К плавучей пристани дважды причаливал* ***вапоретто****;* дважды – прямого дополнения: *Она стояла у поручня, возле матроса, который на частых остановках ловко набрасывал на деревянную сваю канат, мгновенно вязал морской узел, подтягивая* ***вапоретто*** *к причалу; Полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет яхты, гондолы,* ***вапоретто;*** дважды –

косвенного дополнения: *Должна была сесть на речной трамвай или, как здесь говорили,* - ***вапоретто****; Студенты отбыли на втором* ***вапоретто.***

Дважды в тексте повести встречается лексема *яхта*. В одном случае существительное выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Была ещё маленькая гавань, приткнувшаяся к маяку, в которой уютно покачивались рядком несколько* ***яхт;*** в другом – функцию прямого дополнения*: Полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет* ***яхты.***

Одно из самых объёмных лексико-семантических полей образовано производными от существительного *вода*.

В тексте повести обнаружено 50 словоупотреблений лексемы *вода* (при подсчёте не учитывались лексемы со значением *вода из водопроводной системы*). В 47 случаях существительное употребляется в единственном числе, в 3 – во множественном, в значении *потоки, струи, волны, водная масса*: *как* ***воды****, прорвавшие дамбу; ниже уровня* ***вод****; бой колокола в лоне тяжёлых* ***вод*** *лагуны.*

В 10 случаях лексема *вода* употребляется с существительным *канал*, В 8 – управляет им в родительном падеже, в 2 – употребляется с существительным *канал* в предложном падеже с предлогом *в*: *Мерцающая кварцевыми слитками* ***вода канала****; Весёлая бутылочная* ***вода канала****; В стеклянной* ***воде канала****; Тяжёлая* ***вода каналов****; "О-ои! О-ои!" – разносится над* ***водой каналов****; Мираж, отражение* ***в воде канала;*** *Рябая* ***вода канала;*** *Что носится здесь над* ***водой каналов.***

В 2 случаях *вода* употребляется с существительным канал в предложном падеже с предлогом *в*: *Это* ***вода в канале****, поняла она; Меняется цвет* ***воды в канале.***

В 10 случаях у существительного *вода* есть определение. Трижды автором использовано прилагательное *высокая*, вынесенное в заглавие повести: *Венецианцы всегда готовы к появлению своей "****высокой*** *воды"; Следующим номером вашей программы – "****Высокая*** *вода венецианцев"; Бежать из этого города, с его призраками, с* ***высокой*** *водой.*

В 7 случаях у *воды* только одно определение, всегда согласованное: *Бой колокола в лоне **тяжёлых** вод лагуны; **Мерцающая кварцевыми слитками** вода канала; **Ослепительной синевы** вода; Дрожало в **стеклянной** воде канала; Как **тяжёлая** вода каналов; **Рябая** вода канала; Вонь **застоявшейся** воды.*

В одном случае – два определения, оба согласованные, неоднородные: *Созданном из бликов **тёмной колыхающейся** воды*. В одном случае – 3 определения, одно из которых несогласованное, два – согласованные, второе и третье – неоднородные: ***С кромкой соляной накипи**, **весёлая бутылочная** вода канала*.

Существительное *вода* в тексте повести выполняет разные синтаксические функции:

– обстоятельство места (24 словоупотребления): *...дворцов, встающих из **воды**; Над **водой** разносилась надрывная "Бесамемучо"; В **воде**, как желе, подрагивали облитые солнцем верхние этажи; Снизу от **воды** поднимались детские голоса; Ступени которого уходили прямо в **воду*** и др.;

– несогласованное определение (9): *Камеры как камеры, думала она, только чертовски холодно – оно и понятно, ниже уровня **вод;** Бой колокола в лоне тяжёлых **вод** лагуны; В сумеречном мире, созданном из бликов тёмной колыхающейся **воды*** и др.;

– подлежащее (13 словоупотреблений): *Как **воды**, прорвавшие дамбу; Окна её комнаты выходили в улицу-ущелье, дном которого оказалась мерцающая кварцевыми слитками **вода** канала; Внизу тесно плескалась весёлая бутылочная **вода** канала* и др.;

– косвенное дополнение (4): *На омытую **водой** площадь слетелись голуби; Площадь была залита мутной, подёрнутой рябью, **водой;** Венецианцы всегда готовы к появлению своей "высокой **воды**"; Та грань, что отделяет воздух от **воды**.*

– сказуемое (1): *Это **вода** в канале, поняла она.*

К названному лексико-семантическому полю относятся ещё две лексемы: *водосток* (1 словоупотребление) и *наводнение* (5 словоупотреблений).

Лексема *водосток* в предложении выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Утром на **водостоке** под её окнами ворчливо и хмуро переругивались голуби.*

Лексема *наводнение* выполняет в тексте разные синтаксические функции, выступает как подлежащее: *А сезонное **наводнение** переведено буквально с "аква альта" как "высокая вода венецианцев"*; *Осень, не сезон, возможны **наводнения***; прямое дополнение: *Ничего, кроме крошечных фонтанчиков, не указывало на возможное **наводнение;** Она подумала, что завтра увидит, наверное, настоящее **наводнение;*** несогласованное определение: *От могучего образа всеохватного **наводнения**.*

Рассмотрим лексико-семантическое поле *улицы*. При описании Москвы, Ленинграда или Иерусалима улицы не называются и никак не характеризуются, их упоминания встречаются лишь в описаниях Венеции. В связи с особенностями города упоминаются не столько улицы (хотя их названия в повести присутствуют), сколько каналы. На наш взгляд, при анализе повести «Высокая вода венецианцев» каналы могут быть отнесены к лексико-семантическому полю *улицы*. Подобное сопоставление допускает и автор повести: *плывущие понизу **улицы-канала** гондолы*. Общее число лексем данного поля – 11, количество словоупотреблений – 39.

По ходу повествования Дина Рубина упоминает четыре названия венецианских улиц: *Калле дель Анжело, Фата-Моргана, Калле Каноника, Калле дель Форно,* и канал *Рио де Сан-Джулиано*.

Нарицательное существительное *улица* встречается в тексте 5 раз. Один раз выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения: *Впрочем, студенты, упругим шагом обойдя площадь и примыкающую к ней **улицу-набережную**, достали путеводитель*; четыре раза – функцию обстоятельства места: *Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу **улицы-канала** гондолы; Хожу по **улицам** с русским путеводителем;*

Кто привёл сюда и кружил её по этим ***улицам*** *и каналам, и терзал, и насылал призраков; Она резко толкнула входную дверь и вышла на* ***улицу.***

Основная особенность каналов и улиц, которая отмечается в повести семь раз – их *узость*: *Окна её комнаты выходили в улицу-****ущелье;*** *Пошла* ***тесной*** *улочкой;* ***Узкий*** *канал, Рио де Сан-Джулиано; К мостику, впадавшему в* ***узкий*** *переулок; Слева сюда впадал ещё один* ***узкий*** *проток;* ***Узкой*** *извилистой Калле дель Форно; Внизу* ***тесно*** *плескалась бутылочная вода канала.*

Каналы, описываемые в повести, можно разделить на четыре группы:

– каналы без описания (7):

1. Выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства места (3): *Кто привёл сюда и кружил её по этим улицам и* ***каналам****; Убьют, столкнут в* ***канал****; Труп выбросят в* ***канал****.*

2. Выполняющие синтаксическую функцию несогласованного определения (2): *"О-ои! О-ои!" – разносится над* ***водой*** *каналов – то ли крик боли, то ли стон любовный; На каждом повороте* ***канала*** *сердце её беззащитно взмывало.*

3. Выполняющие синтаксическую функцию подлежащего (1): *Отсюда был виден и* ***канал****, протекающий вдоль одного из зданий.*

4. Выполняющие синтаксическую функцию прямого дополнения (1): *Опутывая шпили, крыши, купола,* ***каналы****.*

– каналы, при упоминании которых описывается вода (10):

1. Выполняющие синтаксическую функцию несогласованного определения (7): ***Мерцающая кварцевыми слитками вода*** *канала; Внизу тесно плескалась о кирпичные стены домов, с кромкой соляной накипи,* ***весёлая бутылочная вода*** *канала; У* ***искристой кромки*** *канала; Всё это ежесекундно менялось, таяло, дрожало* ***в стеклянной воде*** *канала;* ***Рябая вода*** *канала;* ***Мерцающая кварцевыми слитками*** *вода канала;* ***Бутылочная вода*** *канала.*

2. Выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства места (2): *Воздушная струйка пылинок бежала вдоль* ***голубовато-зелёной зеркальной***

***рамы**... Это вода в канале, поняла она; Смотрела, как меняется цвет воды в канале, как вспыхивают и **маслянисто колыхаются тяжёлые блики**.*

3. Выполняющие синтаксическую функцию прямого дополнения (1): *Где-то неподалёку, очевидно, чистили канал – сюда доносилась вонь **застоявшейся воды**, перегнивших водорослей и нечистот.*

– каналы, при упоминании которых описываются плывущие по ним суда (4):

1. Выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства места (3): *Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу улицы-канала **гондолы**; По Гранд-каналу плывёт **флотилия**: впереди катер полиции – на носу полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет яхты, гондолы, вапоретто, заставляя их прижаться к берегу; **Бригада** споро **оттарахтела** дальше по каналу.*

2. Выполняющие синтаксическую функцию подлежащего (1): *Под моими окнами – узкий канал, Рио де Сан-Джулиано, один из сорока пяти венецианских каналов. **Вечерами по нему всё время ходят гондолы. Иногда целыми флотилиями – по четыре, по пять**.*

– каналы с описаниями других типов: *Упираясь в здание гостиницы, **канал затем уходил вправо, и там его гребешком седлал ещё один мосток** под двумя фонарями* (существительное *канал* выполняет в приведённом предложении синтаксическую функцию подлежащего).

Д. Рубина не прибегает к каким-то особым средствам для описания венецианских каналов: вода и перемещающиеся по каналам-улицам суда – типичные элементы венецианских пейзажей.

Рассмотрим лексико-семантическое поле *архитектурные объекты*. В «Высокой воде венецианцев» Дина Рубина отмечает следующие достопримечательности: *Новые Прокурации; Тюрьма Поцци;* площади*: Сан-Марко;* дворцы*: Дворец дожей, палаццо Дарио;* мосты*: Академии, Риальто;* церкви*: Сан-Джорджо Маджоре, Сан-Джулиано, Санта-Мария Формоса, собор Сан-Марко.*

В «Высокой воде венецианцев» лексема *дворец* встречается пять раз. Один раз – упоминание *Дворца Дожей* без оценочных и определительных слов: *Через Бумажные ворота* ***Дворца дожей*** *она вошла в арочную галерею двора*.

Один раз описание дворцов гармонирует с чувствами героини – с ощущением обречённости, неизбежности смерти: *Бежать, думала она, бежать из этого города, ... с его* ***подновлёнными, но погибающими дворцами, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб***.

Три раза описание дворцов отражает их восприятие туристом. Во время плавания по каналу или движения по мощёным улицам дворцы *выплывают*, словно *появляются из воды*: *Величие Венеции с её* ***вырастающими из воды*** *прекрасными обшарпанными* ***дворцами****; На фоне выхваченных слабым светом невидимой рампы* ***дворцов, встающих из воды****; Едва из* ***сырого тумана выплывал*** *новый, мягко подсвеченный, смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких венецианских окон* ***дворец*** (в этом последнем примере *дворец* выполняет синтаксическую функцию подлежащего, во всех предыдущих примерах – несогласованного определения). Обратим внимание и на описание освещённости: ***выхваченных слабым светом*** *невидимой рампы дворцов,* ***мягко подсвеченный*** *дворец* – сделан акцент на смутности, размытости красок, что гармонирует с общим колоритом произведения, о котором будет сказано позже.

Лексема *мост* в тексте повести встречается 29 раз. 17 мостов из 29 никак не характеризуются, не содержат определений. В предложениях они выполняют функции обстоятельства места (13), косвенного дополнения (2) или подлежащего (2): *За работающими гондольерами забавно наблюдать с* ***мостиков****; Проплывая под* ***мостиками*** *[гондольеры], наклоняются; Сегодня, стоя на* ***мостике****, я наблюдала; Она вместе с толпой и за толпой пошла по* ***мосткам****; Из-под* ***моста*** *справа показался загнутый турецкой туфлей нос гондолы; Вскоре гондола ушла под* ***мостик*** *впереди и скрылась; По* ***мосту*** *Академии выйдете прямо к ней* и др.

Два моста в повести находятся под фонарями (синтаксическая функция – подлежащее): *Круглился* ***мостик под*** *единственным, манерно изогнутым* ***фонарём****; Ещё один* ***мосток под*** *двумя* ***фонарями****.*

Пять мостов (включая мост *под двумя фонарями*) сравниваются с живыми существами и неживыми предметами (синтаксическая функция – подлежащее): *Вчерашний* ***мост****,* ***как вздыбленный жеребёнок****; Мостик в воде* ***колыхался люлькой****; С высоты колокольни эти* ***мостки****, должно быть,* ***напоминали застывшую муравьиную дорожку****, бегущую из переулков, огибающую площадь и уводящую в арки собора. Там его* ***гребешком седлал*** *ещё один* ***мосток****; Вдруг вырастал и* ***чёрной тенью*** *проплывал над головой* ***мост Риальто****.*

Описание трёх мостов содержит указание на материал, двух из них – ещё и на способ расположения (синтаксическая функция во всех трёх случаях – подлежащее): ***Деревянные мостки****,* ***сложенные штабелями*** *на пьяцца Сан-Марко;* ***Деревянные мостки****,* ***выстроенные по периметру*** *площади; Дрожал красно-****кирпичный мостик****.* У одного моста охарактеризован материал, из которого изготовлены перила (синтаксическая функция – обстоятельство места): *Долго она стояла на* ***мостике****, локтями опершись на* ***деревянные*** *простые* ***перила****.* Одна группа мостов охарактеризована по степени прочности (синтаксическая функция во всех случаях – обстоятельство места): *по* ***хлипким*** *досткам;* у одного моста описано положение на улице*: припустил к* ***мостику****,* ***впадавшему в узкий переулок****.*

Обратим внимание на морфемную характеристику 29 приведённых лексем.

Слово **мост** без суффиксов встречается 7 раз. Это крупные мосты: *из-под* ***моста*** *показался нос гондолы, из-под* ***моста*** *кивали золочёными гребешками гондолы, её [Венеции] бесчисленные* ***мосты;*** среди них два моста, имеющих названия: *по* ***мосту Академии****,* ***мост Риальто****.*

Корневая морфема *-мост-* с суффиксом *-ик-* встречается 11 раз, например: *наблюдать с* ***мостиков****, проплывая под* ***мостиками****, стоя на* ***мостике****.*

Мост с суффиксом *-ок-* встречается 11 раз, например: *петлять по* ***мосткам****, расставляли* ***мостки****, шла по* ***мосткам****, по хлипким* ***мосткам****.*

Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ок-* и *-ик-* позволяет Дине Рубиной не только отграничить «маленькие» мостики, в том числе «сборные», самодельные от «больших», но и отметить их бросающуюся в глаза хлипкость, ненадёжность (в сравнении с мостами Академии и Риальто).

Рассмотрим описание заведений, в которые героиня заходит для покупки сувениров и для того, чтобы утолить голод. В данную группу нами были отнесены 6 лексем (15 словоупотреблений). В тексте повести упоминается один магазин карнавальных костюмов: *на одной из улочек в Санта-Кроче она наткнулась на витрину* ***магазина масок и карнавальных костюмов*** (синтаксическая функция – несогласованное определение). Упоминается одна траттория: *Пообедала она в* ***маленькой траттории*** *на углу уютно-семейной, с трёх сторон укрытой домами, площади*. Героиня не посещает ни одного кафе, но обращает на них внимание, когда проходит мимо: *Она повернула и пошла в сторону Сан-Марко тесной, ещё по-утреннему затенённой улочкой, мимо кондитерских и* ***кафе****, где на вертелах уже пустились в свой торжественный менуэт бледные куриные тушки.* Не описывается приём пищи в ресторанах, однако логично предположить, что героиня бывает там, потому что помещение гостиницы соединено с рестораном: *Она прочла разухабистую неоновую вывеску: "У ангела" – это оказался большой шумный* ***ресторан****, забитый публикой, и она испугалась, что Саша всё напутал, и ей теперь некуда приткнуться, но вдруг (всё происходило мгновенно, хотя и плавно и нереально, как по течению сна) за углом* ***ресторана*** *различила ещё одну боковую дверь и ринулась к ней; Но позже, когда, спустившись в холл, вдруг увидела его [Антонио] в узком коридоре, соединяющем холл гостиницы с* ***рестораном****.* Когда героиня принесла в комнату щенка, она подумала про молоко, которое можно было бы принести из ресторана: *В* ***ресторане****, конечно, есть.*

В тексте повести мы находим одно описание бара, в котором героиня пьёт кофе: *Она забрела в дорогой* ***бар****, в арках Старых прокураций, и долго тянула*

напёрсточек кофе за немыслимую цену. Ещё одно описание характеризует бар на улице, который привлекал внимание посетителей музыкой: *она ошалело пошла в указанном направлении ... уже обожая эту площадь ... и мотивчик старенького колченогого фокстрота из открытых дверей полутёмного* ***бара***. Отметим, что при описании сувенирной лавочки и бара Д. Рубина отмечает их дороговизну: *в витрине красовались на безголовых манекенах несколько* ***роскошных*** *костюмов, по-видимому, это был процветающий магазин. И,* ***судя по ценам, перворазрядный****, тянула* ***напёрсточек кофе за немыслимую цену***. Стремление зайти в дорогой магазин, заплатить крупную сумму за чашку кофе естественно для человека, осознающего, что жить ему остаётся всего лишь несколько месяцев.

Рассмотрим описания витрин. В двух случаях витрины в предложениях выполняют функцию обстоятельства места, определения при них отсутствуют: *в* ***витрине*** *красовались на безголовых манекенах несколько роскошных костюмов; над* ***витринами*** *она прочла разухабистую неоновую вывеску*; в одном случае – функцию прямого дополнения, аналогично без определений: *наткнулась на* ***витрину*** *магазина масок и карнавальных костюмов*. В трёх случаях автором отмечается освещённость витрин или многоцветность, пестрота товаров под стеклом: *вазы, цветы, причудливые рыбы и животные* ***переливались под электрическим светом витрин; вдоль витрин с горячей ослепляющей лавиной цветного венецианского стекла, искромётные витрины***.

Дальняя периферия

К дальней периферии концепта город в повести «Высокая вода венецианцев» нами были отнесены лексемы семантических полей *цвет, звук, погодные явления*, а также лексемы, которые характеризуют атмосферу города, восприятие его героиней в целом. Общее количество проанализированных лексем – 100, количество словоупотреблений – 166.

Все лексемы семантической группы *цвет* можно разделить на пять подгрупп:

1. Лексемы, которые обозначают собственно цвет и его оттенки: ***белая*** *лагуна*, ***чёрные*** *гондолы*, ***рыжий*** *капитан, великолепие* ***синевы***, ***медно-каштановые*** *пряди волос*.

2. Лексемы, которые характеризуют освещение: *в* ***сумеречном*** *мире, из* ***полутёмного*** *бара, к* ***сияющему*** *горизонту*, ***облитые солнцем*** *верхние этажи*.

3. Лексемы, которые характеризуют интенсивность цвета: ***смутный*** *гондольер, пучки* ***бледного*** *редиса, в среде* ***мягкого*** *утреннего сияния*. В группу не были включены лексемы, указывающие одновременно и на интенсивность, и на цвет/оттенок. Например, лексема ***желтоватый*** отнесена только к первой группе.

4. Лексемы, которые указывают на многообразие или однообразие цветов: *с* ***цветными*** *колпаками*, ***некрашеная*** *стойка*, ***четырёхцветные*** *шутовские колпаки*, ***рябая*** *вода канала*.

5. Лексемы, описывающие цвет или освещение с элементом метафоричности: ***обшарпанный солнцем*** *ставень, освещённые* ***холодным светом*** *фонарей, в* ***стеклянной воде*** *канала*.

Лексем, характеризующих белый цвет, нами было отобрано 3, количество их словоупотреблений в тексте повести – 7, все они представлены именами прилагательными: ***Белая*** *к горизонту лагуна;* ***Белые*** *маски; К* ***белому*** *горизонту;* ***Белоснежный*** *портал;* ***Белоснежная*** *громада; Над* ***белёными*** *стенами; Грубо* ***белённой*** *камере.*

Лексем, характеризующих чёрный цвет и оттенки с преобладанием чёрного, – 4 (11 словоупотреблений), все представлены именами прилагательными. Сюда же была отнесена лексема *серый*, встречающаяся в тексте повести один раз: *Под* ***чёрным*** *небом; В чёрных брюках;* ***Чёрная*** *собачонка;* ***Чёрные*** *балки потолка; Портье в* ***чёрной*** *шляпе; Шляпа с* ***чёрной*** *лентой;* ***Чёрные*** *брюки; Гондолы* ***чёрные***; ***Ониксовая*** *лагуна;* ***Чёрно-малахитовая*** *лагуна; В* ***сером*** *небе*.

Лексем, которые обозначают оттенки с преобладанием жёлтого, было выделено 8, количество словоупотреблений – 11. 2 лексемы из приведённых

ниже – имена существительные, 5 – прилагательные: *Освещённые **оранжево-жёлтым** светом; Всё облагорожено **желтоватым** обливным светом трёх бронзовых ламп; Всё было залито **желтком** солнца; Вдоль переливов **янтарно-изумрудного**; Хоровод **серо-палевых** колонн; Вдоль переливов **пурпурно-золотого**; В **золоте** мозаик; Кивали **золочёными** гребешками гондолы; **Золочёные** морские коньки; Кипящее **золото** утра; Венецианская парча, вытканная **золотом**.*

Лексем, которые обозначают оттенки с преобладанием красного, было выделено 15, количество словоупотреблений – 20: *Несколько зданий из **красного** кирпича; Шляпа с **красной** лентой; Сиденья обиты **красным** бархатом; Маску с **красным** клювом; Дрожал **красно-кирпичный** мостик; С островками **красно-кирпичной** кладки; В **красно-кирпичных** язвах; На **краснолицых** немцев; **Тёмно-красное** стекло; **Буро-красно-чёрная** короста черепицы; **Красно-белая** вертикаль колокольни; Вдоль переливов **кипяще-алого**; Покрытие некогда **бордового** цвета; Хоровод **розоватых** колонн; На **красноватом** фоне окрестных домов; Лысина его **побагровела**; **Рыжий** капитан; На **бордовой** дорожке; **Медно-каштановые** пряди волос; Венецианская парча, вытканная **пурпуром**.*

Лексем, которые обозначают оттенки с преобладанием синего, было выделено 13, количество словоупотреблений – 20. Среди них 4 лексемы представлены именами существительными, 9 – прилагательными: ***Синие** озерца; **Синяя** плоскодонка; **Синее** стекло; Великолепие сверкающей **синевы**; Ослепительной **синевы** вода лагуны; Пар **лиловых** фонарей; Светом **лиловых** фонарей; **Лиловые** тройные фонари; **Лиловый** шлейф фонарей; Хоровод **голубоватых** колонн; Великолепие сверкающей **голубизны**; Старик в **голубом** белье; Великолепие сверкающей **лазури**; Венецианская парча, вытканная **лазурью**; Вдоль переливов **лазурного**; Этажи ещё погружены были в глубокую **фиолетовую** тень; Вспугнув двух **серо-фиолетовых** голубей; Великолепие сверкающей **бирюзы**; **Бирюзовый** язык света; **Сизой** дымкой; В **сизом** пару.*

Лексем, которые обозначают оттенки зелёного, было выделено 2, количество словоупотреблений – 3. Все лексемы представлены именами прилагательными: *Хоровод* ***зеленоватых*** *мраморных колонн; Освещённые изнутри* ***зелёные*** *гардины;* ***Зелёные*** *от водорослей ступени.*

Мы считаем необходимым обобщить анализ лексем со значением цвета.

Чёрный и белый – единственные цвета, которые чаще всего отмечаются автором в «чистом виде». На 8 словоупотреблений лексемы *чёрный* приходится по одному словоупотреблению лексем *чёрно-малахитовый, серый, ониксовый*. Лексемы *белоснежный, белённый* не указывают на то, что к белому примешан ещё какой-либо цвет.

Если рассмотреть лексемы, указывающие на зелёный цвет – из трёх лексем на оттенок указывает одна – *хоровод* ***зеленоватых*** *колонн*.

Жёлтый, красный и синий цвета, наоборот, представлены в обилии оттенков. Остановимся подробнее на каждой группе.

Среди лексем со значением жёлтого цвета, «чистый» цвет встречается только один раз, причём с метафоричным значением: *всё было залито* ***желтком*** *солнца*. Во всех остальных случаях лексема *жёлтый* или отсутствует, или включается в состав сложных прилагательных.

Красный цвет без оттенков упоминается 4 раза, оставшиеся 16 словоупотреблений указывают на оттенки красного, лексема *синий* употребляется 5 раз, 16 оставшихся словоупотреблений – оттенки синего.

Отметим здесь же, что прилагательное *лиловый*, всегда используется автором как определение к существительному *фонарь*: *пар* ***лиловых фонарей****, светом* ***лиловых фонарей****,* ***лиловые*** *тройные* ***фонари****,* ***лиловый*** *шлейф* ***фонарей***.

Обобщая приведённые выше данные, можно сделать вывод, что в «Высокой воде венецианцев» преобладают лексемы, характеризующие синий (21) и красный (19) цвета и их оттенки. Очевидно, это связано со спецификой Венеции – «города на воде». Красный цвет и его оттенки присущи зданиям города, синий – водному пространству, отсветам воды на домах, лицах горожан

и пр. Стоит помнить также о том, что красный – цвет крови, который героиня воспринимает особенно остро, ощущая близость смерти, подтверждает это, в частности, впечатление, пережитое в магазине масок.

Рассмотрим лексемы, характеризующие освещённость. В списке ниже они расположены в порядке изменения признака от наименьшей величины (*темно*) до наивысшей (*сияющий, пламенеющий*). Общее количество отобранных лексем в данной группе – 16, количество словоупотреблений – 22. 5 лексем представлены именами прилагательными, 3 – существительными, 4 – причастиями, 1 – словом категории состояния, 1 – наречием, 1 – глаголом, 1 – словосочетанием причастия и существительного с метафорическим значением (облитые солнцем): *Вошла внутрь, где было* ***темно****; Созданном из бликов* ***тёмной*** *воды;* ***Тёмная*** *клубистая зелень садов; Способной поглотить всё своей* ***тёмной*** *утробой; Из открытых дверей* ***полутёмного*** *бара; Если смотреть из* ***полутьмы*** *собора; Глубокий* ***сумрак*** *внутри; В* ***сумеречном*** *мире; В большой* ***сумрачной*** *комнате; Арочные галереи Новых прокураций ещё оставались* ***в тени****; Маленькая площадь была погружена в* ***тень****; Пошла ещё по-утреннему* ***затенённой*** *улочкой; На фоне выхваченных* ***слабым светом*** *невидимой рампы дворцов; В среде* ***мягкого*** *утреннего сияния;* ***Дымно*** *просачивались солнечные струйки; Воздух* ***посветлел****; Но портики уже были* ***освещены*** *солнцем;* ***Освещённые*** *изнутри гардины;* ***Облитые солнцем*** *верхние этажи; В* ***сияющем*** *контражуре утра; К* ***сияющему*** *горизонту; Сердечная мышца не вынесет этого* ***пламенеющего*** *груза.*

Только 6 словоупотреблений указывают на сильную освещённость Венеции, 4 – на темноту. Оставшиеся 12 словоупотреблений формируют образ Венеции как сумеречного города, погружённого в полумрак, сумрак, тень. Такое восприятие города, очевидно, обусловлено душевным состоянием героини.

Лексем, которые характеризуют яркость цветов, отобрано 6, количество словоупотреблений – 7. Пять лексем представлены именами прилагательными, одна – причастием: ***Смутный*** *гондольер; Пучки* ***бледного*** *редиса;* ***Бледные***

куриные тушки; ***Тускловатое*** *венецианское стекло; Укутанные* ***ярким*** *даже в темноте пледом;* ***Ослепительной*** *синевы вода лагуны; Великолепие* ***сверкающей*** *синевы.*

Из 7 словоупотреблений на яркость цвета указывают три, четыре – на бледность, что соотносится с пропорциями словоупотреблений предыдущей группы.

Лексем, указывающих на однообразие или многообразие цветов, отобрано 9, количество словоупотреблений – 10. Среди них 5 лексем – имена прилагательные, 1 – наречие, 1 – причастие, 1 – словосочетание глагола и существительного, 1 – сочетание причастия и существительного: *В* ***полосатой*** *тельняшке;* ***Четырёхцветные*** *шутовские колпаки; Смотрела, как* ***меняется цвет*** *воды в канале;* ***Цветно*** *и акварельно на горизонте лежала Венеция. Будто вода божественной лагуны была* ***разобрана на мельчайшие оттенки****; С* ***цветными*** *колпаками;* ***Крапчатая*** *короста крыши;* ***Крапчатые*** *коврики черепичных крыш;* ***Рябая*** *вода канала.*

Указание на однообразие цветов в данной группе только одно: ***Некрашеная*** *стойка*. Остальные слова и выражения указывают на многоцветность.

Рассмотрим лексемы семантической группы *звук*. Лексема *аккордеон* встречается в тексте повести трижды, всегда выполняет функцию согласованного определения: *Послышались звуки* ***аккордеона****; В воздухе таяли звуки уплывающего* ***аккордеона****; Выплыла музыка, весёлая растяжка* ***аккордеона***. Лексема *аккордеонист* встречается дважды, всегда в функции подлежащего: *Выплыли двое пассажиров и* ***аккордеонист****, разворачивающий мехи; В средней сидит музыкант,* ***аккордеонист*** *или гитарист.*

Трижды автором приводятся названия мелодий, которые доносятся с гондол: *Над водой разносилась надрывная «****Бесамемучо****»; Один такой играл вчера... правильно, «****Санта Лючию****»! – а гондольер пел; Проплыла растяжечка расхожей мелодии «****Домино****», и опять всё стихло*.

Один раз приводятся лексемы *музыкант* и *гитарист* в функции подлежащих: *В средней сидит* ***музыкант****, аккордеонист или* ***гитарист*****.**

Дважды в повести отмечаются поющие гондольеры: Ворочал веслом ***поющий гондольер; Гондольер пел.*** Кроме песен гондольеров автор четырежды делает акцент на выкриках «*О-ои! О-ои!*», которые помогают гондольерам предупреждать друг друга и не сталкиваться на поворотах в узких каналах: ***О-и!*** *–* ***крикнул гондольер****; Послышался уже привычный ей* ***крик гондольера: О-и-и****; Снизу долетали предупреждающие* ***крики гондольеров;*** *Ещё из повадок* ***гондольеров****: заворачивая за угол дома, они кричат «****О-ои****!» – предупреждая друг друга, чтобы не столкнуться.* Приведённые выкрики однозначно создают определённую атмосферу на улицах города: *«****О-ои! О-ои****!» - разносится над водой каналов – то ли* ***крик боли****, то ли* ***стон любовный*****.**

Если приведённые выше лексемы создают атмосферу праздника или обыденной жизни, то вот *колокола* в повести обычно заставляют героиню думать о смерти. Описанию колокольного звона Д. Рубина отводит два абзаца текста, называет звуки *густыми*, *тяжёлыми*, *жалобными*, *протяжными* сравнивает колокольный звон с *тяжёлой водой каналов*: *Он качался и плыл в колеблющихся сумерках,* ***как тяжёлая вода каналов****. Сначала ударили на колокольне Сан-Марко, и минуты две на одной* ***гудящей*** *ноте гул раскачивал сам себя, потом с колокольни одной из соседних церквей – Сан-Джулиано или Санта-Мария Формоса – стали выпадать равномерные* ***густые*** *басы, иногда роняя невпопад какие-то случайные* ***бимы*** *и* ***бомы****. Потом звонарь Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все колокола вверх и в обратном порядке – по малым терциям, да по малым септимам, – терзая сердце* ***жалобными протяжными вопросами*****.**

И долго разговаривали колокольни окрестных церквей, перебивая друг друга, вскрикивая, захлёбываясь лепетом маленьких колоколов, увязая, как в киселе, в ***тревожном густом*** *гуле.*

В другой части повести звон колоколов называется *вопросительным протяжным стоном*, колокола олицетворяются – они звучат *жалобно*,

перебивают друг друга, одна колокольня *отвечает* другой: *И всё-таки первый удар опять застиг её врасплох – этот* ***вопросительный протяжный стон****, высокая долгая нота, истаивающая вверху, в низком сером небе. Опять заговорили* ***жалобно****,* ***перебивая друг друга****, колокола соседних церквей, им* ***отвечал*** *с Сан-Марко ровный гуд, на фоне которого всплёскивали верхние колокола.*

Автор подчёркивает, что колокольный звон – словно нечто нераздельно связанное с городом, *сеть*, которая опутывает Венецию: *И длился, длился разговор колоколов, раскачивалась невидимая* ***сеть, опутывая шпили, крыши, купола, каналы****...*

В третьем упоминании колокольного звона Д. Рубина использует эпитеты *изматывающий*, *окликающий*. В анализе ядерной зоны концепта нами была отмечена *обречённость* Венеции – именно колокольный звон заставляет героиню почувствовать эту обречённость, родство её судьбы с судьбой города: *За эти несколько минут* ***изматывающего, окликающего*** *её зова колоколов она всё поняла: Этот город, с душой мужественной и женской, был* ***так же обречён, как и она****, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ... такая чепуха для бездушного безграничного времени!*

Отметим также сравнение колокольного звона в Венеции и Амстердаме: *Странно отличается здешний колокольный звон от такового в Амстердаме. Там – устойчивость, могучая основательность бюргеров. Здесь –* ***мираж****,* ***отражение в воде канала****,* ***вопрошающий гул рока****...*

Остановимся на лексемах *колокольня*, *колокол*, *колокольный* подробнее. Лексема колокольня встречается в тексте 8 раз, в 7 случаях – в единственном числе, в 1 – во множественном. В форме множественного числа существительное выполняет функцию подлежащего: *И долго разговаривали* ***колокольни*** *окрестных церквей.* В форме единственного числа в одном случае лексема выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения: *Она поняла, что мечтает сейчас же, немедленно уйти на дно лагуны, сидя на этой вот скамье, в этой церкви, вместе с её великолепными куполом и* ***колокольней***;

в двух случаях – функцию обстоятельства места (с предлогом *на*, в форме предложного падежа): *Молодой человек спросил по-итальянски, хочет ли синьора побыть* ***на колокольне*** *одна; Сначала ударили* ***на колокольне*** *Сан-Марко*; в четырёх случаях – функцию несогласованного определения: И отсюда, со стороны мола, в сияющем контражуре утра из воды вырастало некое видение, как поднявшийся из глубины лагуны бриг: *церковь Сан-Джорджо Маджоре – красно-белая вертикаль* ***колокольни****; Она обошла церковь и вдруг наткнулась на табличку со стрелочкой, указующей вход на* ***колокольню****; Но тут, стоя под крышей* ***колокольни*** *и изнемогая от того, что открывалось глазам с четырёх сторон, она думала – благодарить ли ей судьбу; С высоты* ***колокольни*** *эти мостки, должно быть, напоминали застывшую муравьиную дорожку.*

Лексема *колокол* встречается в тексте шесть раз, всегда в форме множественного числа. В четырёх случаях лексема выполняет функцию несогласованного определения. Всегда имеется в виду колокольный *звон*, но вместо *звона* определяются слова *разговор*, *зов*, *бой*: *И длился, длился разговор* ***колоколов****; За эти несколько минут изматывающего, окликающего её зова* ***колоколов*** *она всё поняла; Но вот бой* ***колоколов*** *затих; И долго разговаривали колокольни окрестных церквей, перебивая друг друга, вскрикивая, захлёбываясь лепетом маленьких* ***колоколов.*** В одном случае синтаксическая функция – подлежащее: *Опять заговорили жалобно, перебивая друг друга,* ***колокола*** *соседних церквей;* в одном случае – прямое дополнение: Потом звонарь Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все **колокола** вверх и в обратном порядке.

Лексема *колокольный* встречается в тексте трижды, всегда выполняет функцию согласованного определения, в двух случаях определяет существительное *звон*, в одном – *перезвон: Разбудил её* ***колокольный звон****; Странно отличается здешний* ***колокольный звон*** *от такового в Амстердаме; приоткрыв окно, стала ждать ежевечернего* ***колокольного перезвона.***

Рассмотрим лексемы, обозначающие погодные явления. Д. Рубина трижды упоминает существительное *дождь*, и один раз – *туман*, лексемы

всегда выполняют синтаксическую функцию подлежащего: ***Дождь*** *уже перестал, хотя* ***туман*** *сгустился; Опять зарядил* ***дождь; Дождь*** *сегодня рано пригнал её в отель.*

Рассмотрим лексемы, характеризующие атмосферу города в целом.

Выше нами уже было отмечено, что героиня чувствует *обречённость* Венеции, неизбежность её гибели через несколько десятков лет. Однако *в настоящем* Венеция представляется городом, который излучает *счастье*.

Лексема *счастье* встречается в тексте повести четыре раза. В одном случае выполняет функцию подлежащего: ***Счастье****, свет и чувство покоя не исчезли, а тихо разлились в груди.* В одном – обстоятельства причины: *Здесь то и дело кажется, что сердце разорвётся от* ***счастья.*** В двух других случаях *счастье* является несогласованным определением к существительному *иллюзия* – автор отмечает, что счастье Венеции, каким бы всепроникающим оно ни было, иллюзорно: *Иллюзия* ***счастья***; *Она сказала себе: – Иллюзия* ***счастья.***

Лексема *праздник* встречается в тексте повести трижды. В двух случаях выполняет функцию несогласованного определения, причём в одном из них – к существительному иллюзия: *Иллюзия* ***праздника****; И пошла на свет этого* ***праздника***. В одном случае синтаксическая функция – прямое дополнение (отмечается «праздничность» как особенность менталитета венецианцев): *Всё здесь до сих пор напоминало их [венецианцев] невозмутимую весёлость, их мужество и лукавство, их труд и* ***праздники.***

Лексема *весёлый* встречается дважды, один раз – в полной форме в роли согласованного определения, один раз – в краткой, в функции именной части составного именного сказуемого: *Внизу тесно плескалась о кирпичные стены домов, с кромкой соляной накипи,* ***весёлая*** *бутылочная вода канала; И правда, когда Бог трудился над этой лагуной, он был и* ***весел, и бодр.***

Один раз встречается лексема *весёлость* в значении черты менталитета венецианцев: *Всё здесь до сих пор напоминало их невозмутимую* ***весёлость.***

Героиня чувствует торжественность, восторг, радость повсюду. Приведём несколько примеров: *На вертелах уже пустились в свой* ***торжественный***

менуэт *бледные куриные тушки; Снизу от воды поднимались детские голоса и* ***восторженный*** *собачий лай; Тут же мельтешила суетливым пушистым хвостом чёрная собачонка, с каждым прыжком приходившая в такой ярый* ***восторг;*** *На Сан-Марко вапоретто опустел почти полностью, и она вместе с толпой и за толпой пошла по мосткам, натыкаясь взглядом на маски, напяленные* ***жизнерадостными*** *туристами.* Гостиничный номер кажется героине *сказочным*: ***Сказки Шехерезады****, таинственный* ***караван-сарай*** *по дороге в Византию*.

Мелодии, которые играют аккордеонисты, бравые крики гондольеров, общее чувство праздника, некоего торжества, повсеместной весёлости – всё это создаёт представление о Венеции как о городе из сказки, переполненном счастьем. Вместе с тем, звон колоколов, треснувшие стены дворцов, стянутые железными скобами, не дают героине забыть о роковой обречённости Венеции, о неизбежности её гибели.

2.2. Вербализация концепта «город» в рассказе «Время соловья»

В рассказе «Время соловья», которым Дина Рубина начинает свой знаменитый сборник «Холодная весна в Провансе», детально описывается еврейский город, расположенный недалеко от Иерусалима. В отличие от повести «Высокая вода венецианцев», где действие происходит в Венеции, а воспоминания связаны с Москвой, Ленинградом или Иерусалимом, во «Времени соловья» описывается только один город, причём не названный. Отличия касаются также зон ближней и дальней периферии. В зоне ближней периферии нами будут рассмотрены лексемы следующих семантических групп: «Улицы», «Ландшафт», «Растения», «Здания», «Животные», «Жители», «Атмосфера города», «Транспорт» в зоне дальней периферии: «Цвет», «Запах», «Температура», «Религия», «Закон». К зоне дальней периферии нами также были отнесены две оценочные лексемы, выражающие авторское отношение к описываемому населённому пункту.

Общее количество проанализированных лексем – 151, количество словоупотреблений – 253.

Ядро концепта «город» в рассказе «Время соловья»

К ядерной зоне концепта *город* нами были отнесены лексемы *город, городок, городской,* имя собственное *Иерусалим* – единственное название города (название деревни *Аль-Азария* в исследование не включено) – и производное от него прилагательное *иерусалимский*. Количество лексем, отнесённых к ядерной зоне концепта – 5, количество словоупотреблений – 18. Сразу отметим отличие от структуры ядерной части концепта в «Высокой воде венецианцев», где использовалось только имя существительное *город*, его производные отсутствовали. Следует отметить также, что город, в котором происходит действие, не назван, судить о его местоположении можно только косвенно (рядом с деревней Аль-Азария, недалеко от Иерусалима).

Лексема *Иерусалим* встречается в тексте четыре раза. В одном случае выполняет функцию уточнения: *Он широко и сладко зевал, глядя вдаль, на **Иерусалим***. Дважды – функцию несогласованного определения: *Голубая днём*

*вена Вади-Эль-Хот – древнейшей дороги паломников из **Иерусалима** к Мёртвому морю – начинает пульсировать огненным кровотоком; И на горах **Иерусалима** восходят пузырящимся паром сине-жёлтые озёра праздничных огней*. Один раз – функцию обстоятельства места: *Подростки и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в **Иерусалим**.*

Дважды в тексте встречается лексема *иерусалимский*, которая всегда выступает как согласованное определение к существительному *камень*: М*ожно увидеть павлина на фоне стены из **иерусалимского** камня; кусты сбегают вниз по жёлтым и розовым стенам **иерусалимского** камня.*

Лексема *город* упоминается в тексте 6 раз, в 3 случаях выполняет функцию обстоятельства места (в двух случаях существительное стоит в винительном падеже, в одном из них – с предлогом *в*, в одном – без предлога; в одном случае падеж – дательный): *Этот парень – солдат, вернулся домой на субботу, накануне вволю нагулялся в **городе**; Шоссе, пересекающее весь **город**; по **городу** разносится сиреневая вьюга.* В двух случаях город – подлежащее, причём всегда имеется в виду надпись на щите у въезда: *Наш **город** благословляет каждого, кто во вратах его; Несмотря на то, что **город** благословляет каждого, кто стоит во вратах его, подростки и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим.* Один раз *город* выполняет синтаксическую функцию несогласованного определения: *У него есть веские причины обходить блокпост на въезде в **город.***

Лексема *городок* встречается в тексте рассказа пять раз. В трёх случаях выполняет синтаксическую функцию несогласованного определения: *Над черепичными крышами спящего **городка** проносится панический вопль павлина; Прогулка по улицам нашего **городка**; Улыбчивый мир нашего **городка** я постигаю в утренних прогулках.* Один раз *городок* выполняет функцию обстоятельства места: *С восходом солнца бедуины исчезают из **городка***. Один раз – подлежащего: *По весне **городок** проходит все стадии театрального преображения.*

Один раз в тексте повести использована лексема *городской* в функции согласованного определения: *Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в* ***городской*** *«каньон».*

Отметим, что трижды *городок* определяется притяжательным местоимением *наш, город* определяется им один раз. В «Высокой воде венецианцев» нами было отмечено использование указательного местоимения *этот* по отношению к Венеции. Сравнение данных словоупотреблений показывает неодинаковое отношение к описываемым городам. Венеция для героини «Высокой воды венецианцев» – лишь один из этапов жизненного пути, место, к которому она не испытывает каких-то особенно тёплых, родственных чувств. Город во «Времени соловья» воспринимается лирической героиней совершенно иначе – как нечто *собственное*, с чем сроднилась её душа. С другой стороны, кажущаяся «принадлежность» может оказаться совершенно обманчивой: *«Наш город* ***благословляет*** *каждого, кто во вратах его!» на пластиковых стульях сидят трое подобных ему парнишек, только* ***в форме солдат израильской армии****, жуют сэндвичи и пьют утренний кофе, наливая его из термоса в одноразовые стаканы. Вот они-то и* ***благословляют*** *каждого, кто во вратах, рассеянно при этом* ***проверяя*****.** Об этом восприятии города героиней будет сказано позднее, при анализе дальней периферии концепта.

Ближняя периферия концепта «город» в рассказе «Время соловья»

К зоне ближней периферии нами было отнесено 72 лексемы, общее количество их словоупотреблений – 143.

В тексте повести присутствует 12 названий улиц города. Дина Рубина приводит их как по отдельности, описывая события, происходящие на той или иной улице, так и группами, акцентируя внимание именно на названиях.

Сразу можно отметить, что названия улиц поэтичны. Дина Рубина делает на этом акцент в ходе повествования: *Кому-то может показаться, что я выдумываю названия улиц или приукрашиваю существующие. Ничуть не бывало! Да и странно было бы предположить, что народ, сызмальства*

вскормленный поэтикой библейских текстов, может согласиться на какой-нибудь «Комсомольский тупик» или «Большевистский проезд».

Названия улиц действительно создают ощущение некоей благословенности города, снизошедшей на него благодати. Впоследствии мы ещё вернёмся к этому, когда будем говорить о соотношении религии и правопорядка.

На наш взгляд, уместно распределить названия по числу входящих в них компонентов. Заметим, что все многокомпонентные названия (в которых более одного знаменательного слова) поострены по принципу *предмет и его признак*. Большинство названий – двухкомпонентные (7): *Райские плоды; Время соловья; Багряная нить; Яхонтовая площадь; Виноградная лоза; Поющий рожок; Берега ручья.* Три названия состоят из одного компонента, все они являются названиями музыкальных инструментов: *Арфа; Скрипка; Флейта.* Трёхкомпонентных названий два: *Очи, возведённые к небесам*; *Дорога в Иудейской пустыне*.

Рассмотрим лексемы семантической группы «Ландшафт» (6 лексем, 24 словоупотребления). Сюда прежде всего относится лексема *гора* (количество словоупотреблений – 11) город расположен в гористой местности. В 8 случаях рассматриваемое существительное выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Гарь очередного пожарища очередной арабской свалки на соседней **горе**; Из Солёного, невидимого с нашей **горы**, моря возникает – прорезается – огненная лысина солнца; Улицы на этой **горе** закольцованы; Полукруг домов улицы «Райские плоды», вгрызающейся в **гору**; Чернеет роща на Масличной **горе**; И на **горах** Иерусалима вскипают на горизонте сине-жёлтые озёра праздничных огней; Загорается зелёный глаз-фонарь, такой же – в деревне Абу Тур на Масличной **горе**; Как солнце совершает небесный цикл, закатываясь за Масличную **гору**.* В 3 случаях – несогласованного определения: *Вот оттуда, с пологого склона **горы**, и слетает на черепицу ошалелый вопль павлина; Дорога к Храмовой **горе**; Вниз по склону той же **горы** древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки бедуинского стана.*

В 8 случаях у горы есть согласованное определение: *На **соседней** горе; На **этой** горе; С **нашей** горы; На **Масличной** горе* (2 словоупотребления)*; За **Масличную** гору; К **Храмовой** горе; Той же горы.* Названия есть только у двух гор: *Масличной* и *Храмовой*.

Один раз в тексте рассказа встречается лексема *косогор*, её синтаксическая функция – обстоятельство места: *Но если удачно выбрать место обзора на зелёном **косогоре** и постоять там.* У рассматриваемой лексемы аналогично есть определение – *на **зелёном** косогоре.*

Лексема *холм* в тексте рассказа встречается три раза. Дважды выполняет функцию несогласованного определения: *Дети пустынных **холмов**; Величие **холмов** Подолья.* Один раз – прямого дополнения: *Молочная нега жемчужных далей обволакивает окрестные **холмы**.*

Четырежды в тексте встречается лексема *склон*. В двух случаях она выполняет синтаксическую функцию согласованного определения: *Воздух со дна ущелья воскуряет ароматы олив на **склонах**; Небольшой участок каменистого **склона**.* Дважды – обстоятельства места, причём в данном случае *склон* имеет несогласованное определение, выраженное существительным *гора*: *Вниз по **склону** той же **горы** шелушатся чешуйки бедуинского стана; С пологого **склона горы** и слетает на черепицу ошалелый вопль павлина.*

Один раз автором использована лексема ***обрыв***, в тексте она выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Дорожка пойдёт над **обрывом**.*

Четырежды использована лексема *ущелье*. Дважды *ущелье* выполняет в предложении функцию уточнения, всегда с предлогом *через*: *Муэдзин мечети соседней, **через ущелье**, арабской деревни Аль Азария; Напротив, **через ущелье**, в головке минарета соседской Аль Азарии* (имеется в виду одно и то же место, поэтому Д. Рубина использует одинаковые уточнения). Дважды *ущелье* выполняет функцию несогласованного определения: *Воздух ещё продут ветерком и со дна **ущелья** воскуряет ароматы шалфея; По ту сторону **ущелья** громоздятся, поставленные торопливо впрок, дома.*

Основная особенность ландшафта в рассказе «Время соловья» – гористость, обилие холмов и впадин. В тексте произведения нет лексем, которые были бы в отношениях антонимии к *горам*, *склонам* и *ущельям* – нет существительных типа *равнина*, *плато*, прилагательных *ровный*, *гладкий.*

Рассмотрим, как представлен в произведении растительный мир (количество лексем – 12, словоупотреблений – 22). Для начала проанализируем лексемы-гиперонимы: *роща, лес, дерево, деревце, куст*.

Лексема *роща* встречается в тексте два раза. В одном случае выполняет синтаксическую функцию несогласованного определения: *Холмы с прозрачными* ***рощицами*** *на загривках*; в другом – функцию подлежащего: *Холкой жеребёнка чернеет* ***роща*** *на Масличной горе*. Обратим внимание на антонимию – в первом предложении *роща* характеризуется как *прозрачная*, во втором роща *чернеет*.

Лес встречается в тексте только один раз, существительное выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Чуть позже, с околицы нашей, катящейся к* ***лесу****, улицы.*

Лексема *дерево* используется автором дважды. В одном случае – во множественном числе, с указательным местоимением *этот*: *Целые улицы засажены у нас* ***этими деревьями*** – имеются в виду акации, упомянутые в предыдущем предложении [*Первыми вступают средиземноморские акации, цветущие нежным, каким-то милосердно-сиреневым цветом*]. В другом – *дерево* в единственном числе, автор не знает, к какому виду оно относится, но характеризует его рядом согласованных определений: *Хрупкое экзотическое* ***дерево*** *на верхней лужайке.* Позднее дерево сравнивается с *японской принцессой*: *Напоминает диковинную японскую принцессу на улице деревни Иваньково, густо застланной подсолнечной лузгой.*

Один раз Д. Рубина использует лексему *деревце* во множественном числе с определениями, указывающими на вид растений*: Высадил на нём апельсиновые и гранатовые* ***деревца.***

Лексема *куст* встречается в тексте трижды, всегда используется в форме множественного числа. Дважды выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Розовые* ***кусты*** *олеандров кажутся пошлыми; Декадентского солнечного цвета «само»* ***кусты*** *переплетаются с простонародно вишнёвыми в тесном надзаборном объятии, пышной цветной пеной выкипают из дворов на улицы, сбегают вниз по жёлтым и розовым стенам иерусалимского камня.* Последнее предложение нами приведено без сокращений, поскольку является яркой иллюстрацией обилия растительности в городе: кусты *переплетаются, выкипают пеной, сбегают по стенам* (автор даже одушевляет растительность, чтобы акцентировать на её многообразии внимание читателя). В одном случае *куст* выполняет функцию прямого дополнения: *Высадил на нём* ***кусты*** *олеандров и бугенвиллий.* Заметим, что Д. Рубина всегда отмечает видовую принадлежность кустов, которые описывает. В двух случаях видовое упоминание присутствует в том же предложении, где находится лексема *куст*, в одном – предшествует ему (*Чародеи-садовники вытворяют с* ***бугенвиллией*** *черт-те что. Декадентского солнечного цвета «само»* ***кусты****…*).

Рассмотрим теперь все лексемы-гипонимы, представляющие собой название видов растений. В данную группу нами были отнесены семь лексем. Две из них – прилагательные: *апельсиновый, гранатовые*. Остальные пять – существительные: *олеандр, бугенвиллия, акация, кактус, подсолнух*.

Лексемы *апельсиновый* и *гранатовый* располагаются в одном предложении, представляют собой закрытый ряд согласованных определений к слову *деревце*: *Высадил на нём* ***апельсиновые*** *и* ***гранатовые*** *деревца*.

Лексема *бугенвиллия* встречается пять раз, всегда во множественном числе. Трижды лексема выполняет синтаксическую функцию несогласованного определения: *Высадил кусты* ***бугенвиллий****; Нигде не встречала я такого разнообразия оттенков цветов* ***бугенвиллий****; Вздрагивает лиловая – в окне – веточка* ***бугенвиллии***. В двух случаях синтаксическая функция – косвенное дополнение: *Особый выход у* ***бугенвиллий****; Наши чародеи-садовники вытворяют с* ***бугенвиллией*** *чёрт-те что!*

Лексема *олеандр* встречается в тексте трижды. В двух случаях является несогласованным определением к существительному *кусты*: *Розовые кусты* ***олеандров*** *кажутся пошлыми; Высадил кусты* ***олеандров.*** В одном случае – подлежащее с двумя однородными согласованными определениями со значением цвета: *В мае же просыпаются розовые и белые* ***олеандры.***

Лексемы *акация, кактус* и *подсолнух* встречаются в тексте по одному разу, все они употреблены в форме множественного числа. *Акация* и *кактус* имеют при себе согласованные распространённые определения, выраженные причастными оборотами: *Первыми вступают средиземноморские* ***акации****, цветущие нежным, каким-то милосердно-сиреневым цветом; В мае же просыпаются огромные изысканные* ***кактусы****, слепленные из больших колючих оладий.* Лексема *подсолнух* определений не имеет: *Кстати,* ***подсолнухи*** *у нас тоже растут.*

Использование названных выше грамматических форм и лексем создаёт впечатление, что город окружён растительностью и внутри него помимо горных склонов, домов и жителей большое количество растений. Отметим при этом, что обилие растительности напрямую сказывается на цветовом фоне города, о чём будет сказано при анализе дальней периферии концепта.

Однако если анализировать звуки, которыми наполнено городское пространство, можно отметить, что звуков, связанных с растениями (шелест листвы) нет. Возможная причина тому – отсутствие ветра в городе. Все деревья и кустарники, получается, «застыли» в неподвижности.

Рассмотрим лексико-семантическую группу «Здания» (11 лексем, 28 словоупотреблений). Все здания, упоминаемые в тексте рассказа, можно поделить на три группы: здания религиозного значения, дома, торговые заведения.

К зданиям религиозного значения относятся синагоги, монастыри, мечети.

Лексема *синагога* встречается в тексте трижды, во всех случаях речь идёт об одной и той же синагоге – «*Шатёр Габриэля и Рафаэля*». Дважды при

упоминании лексемы Дина Рубина приводит детализированные описания, задерживающие внимание читателя: *Мы поднимаемся по нашей улице к маленькой частной* ***синагоге*** *«Шатёр Габриэля и Рафаэля» с узкими, как закладки, высокими венецианскими окнами и ещё запертыми дверями*; *Плетёмся, выбирая теневую сторону, мимо* ***синагоги*** *«Шатёр Габриэля и Рафаэля», мимо её, насквозь прорезанной светом, прохладной утробы, где качаются спины молящихся в графически белых, с чёрными полосами, талесах.* Один раз лексема упоминается без описаний, лишь как ориентир на местности: *От* ***синагоги*** *можно взять правее – дорожка пойдёт над обрывом.*

Лексема *монастырь* упоминается в тексте трижды, всегда называется один и тот же христианский монастырь – *Елеонский* (имя собственное определяет нарицательное во всех трёх случаях). Упоминание монастыря всегда связано с *колоколами* – лирическая героиня слышит звон колоколов или луна из алебастра *напарывается на клинок колокольни*: *В полдень со стороны* ***Елеонского монастыря*** *глухо накатывают прохладные и глубокие* ***колокольные*** *волны; Когда замирает* ***колокол Елеонского монастыря***; *Скульптурная луна напарывается на клинок* ***колокольни Елеонского монастыря***.

Один раз в тексте рассказа встречается лексема *мечеть*, синтаксическая функция – несогласованное определение: *Но это вполне определённый соловей – муэдзин* ***мечети***.

Лексема *дом* встречается в тексте 12 раз. В 7 случаях существительное употреблено в форме единственного числа, в 5 – множественного. Когда лексема *дом* употребляется в единственном числе, Д. Рубина имеет в виду свой дом (в одном случае дополнительно определяет его согласованным определением, выраженным притяжательным местоимением *наш*), или дом как общее понятие (*выгоняет жену из* ***дому***), или так называемый *Дом Голого.* В 6 случаях лексема *дом* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места: *Да это же недалеко, возле* ***Дома*** *Голого; Давай срежем угол, мимо* ***Дома*** *Голого; Открывается новое кафе у* ***Дома*** *Голого; Если муж уличает жену в*

измене, он выгоняет её из ***дому****; Однажды на детской площадке возле* ***дома*** *я увидела старуху бедуинку; В* ***домах*** *эти хозяева земли не живут;* В 4 случаях – функцию подлежащего: *Название улицы, на которой стоит наш* ***дом****;* ***Дома*** *поднимаются террасами; Громоздятся, поставленные торопливо впрок,* ***дома*** *наших арабских соседей; Мы спускаемся к парку, над которым полукругом возносятся* ***дома*** *с остроконечными крышами, снизу похожие на неприступные стены цитадели.* В одном случае – функцию несогласованного определения: *Слева тянется полукруг* ***домов*** *улицы «Райские плоды».* В одном – входит в состав приложения: *Один из них в нашей семье носит название «****Дом*** *Голого».*

Можно отметить некоторое сходство домов и ландшафта, в который они погружены: Дина Рубина использует глагол *возносятся*, который позволяет нам представить, в частности, возносящиеся вверх горы: *Полукругом* ***возносятся*** *дома с остроконечными крышами, снизу похожие на* ***неприступные*** *стены цитадели.*

В эту же группу лексем нами отнесено существительное *терраса*, которое Д. Рубина использует всегда для описания домов. Лексема встречается в тексте повести дважды, всегда зависит от глагола (глагол управляет существительным в творительном падеже), употребляется только во множественном числе, выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия: *Дома поднимаются* ***террасами****; Тянется полукруг домов улицы «Райские плоды»,* ***террасами*** *двориков вгрызающейся в гору.*

Рассмотрим лексемы, объединённые нами в группу *торговые заведения*.

Лексема *магазин* встречается в тексте дважды. В рассказе упоминается только магазин «*Дешевейшие трое*», приводится его сокращённое название «*Дешёвка*». В одном случае магазин выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Открывается магазин «Дешевейшие трое», сокращённо – «Дешёвка».* В другом – функцию именной части составного именного сказуемого: *Это очень дорогой магазин.* Отметим антитезу между названием магазина (***Дешевейшие*** *трое,* ***Дешёвка***) и реальными ценами в нём (*это очень* ***дорогой*** *магазин*). Д. Рубина прибегает к антитезе дважды – когда говорит о

названном магазине и когда комментирует вывеску на въезде в город (*«Наш город благословляет каждого, кто во вратах его»*). Подробнее на этих антитезах и их роли в формировании представления о городе мы остановимся позднее, при анализе дальней периферии концепта.

В эту же группу нами отнесены лексема *торговый центр* и *кафе*. *Торговый центр* встречается в рассказе один раз, имеет неофициальное название (официальное название отсутствует): *Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в городской «**каньон**» – огромный **торговый центр**.* Лексема *кафе* упоминается один раз, выполняет синтаксическую функцию подлежащего: *Открывается новое **кафе** у Дома Голого – крошечное помещение с антресолями.* Обратим внимание на антитезу – торговый центр определяется прилагательным *огромный*, помещение кафе определяется как *крошечное*. Цены товаров в торговом центре не охарактеризованы, цены в кафе, как и в магазине «Дешевейшие трое» высокие: *хочется зайти и непременно заказать там чашку **дорогонького** кофе.*

Рассмотрим лексико-грамматическую группу «Животные». Описываемый город наполнен звуками, о чём будет сказано при анализе крайней периферии концепта, в том числе криками животных, однако к ближней периферии нами были отнесены лексемы, обозначающие только тех животных, которых героиня *видит*. Общее количество лексем – 9, количество словоупотреблений – 15.

Все названия животных, кроме собственного пса героини, упомянуты в тексте повести один раз. Четыре лексемы употреблены в форме единственного числа, пять лексем – в форме множественного.

Лексема *собака* употреблена в форме множественного числа, синтаксическая функция – косвенное дополнение. Существительное определяется тремя неоднородными согласованными определениями: *У нас и у пастушьих бедуинских **собак**, забредающих полакомиться забытым куском сэндвича на скамейке.*

Лексемы *куры*, *утка*, *индюк* употреблены в форме множественного числа, синтаксическая функция – косвенное дополнение: *Заселил разнообразной домашней живностью:* ***утками***, ***курами***, ***индюками.***

Лексема *удод* употреблена в форме множественного числа, синтаксическая функция – подлежащее. Птицы сравниваются с комментаторами кинофестивалей из-за цвета их оперения: *Подобно вездесущим журналистам на кинофестивалях, наш весенний фестиваль сопровождают и комментируют независимые господа* ***удоды****, в чёрно-белых полосатых сюртуках.*

Лексема *курица* употреблена в единственном числе – упоминается конкретная курица, за которой погнался пёс героини Кондрат. Синтаксическая функция – косвенное дополнение: *Однажды я наблюдала, как он погнался за* ***курицей.***

Лексема *кролик* употреблена в единственном числе, синтаксическая функция – подлежащее. Имеется в виду определённый кролик, живущий на двух участках земли, поэтому автор определяет его указательным местоимением *этот,* двумя однородными согласованными определениями, выраженными качественными прилагательными: *робкий и наглый одновременно, этот* ***Кролик*** *– впечатление такое – живёт сразу на обоих участках, разделённых кирпичной дорожкой.*

Лексема *павлин* употреблена в форме единственного числа, синтаксическая функция – прямое дополнение: *можно увидеть* ***павлина*** *на фоне стены.*

Рассмотрим словоупотребления лексемы *пёс* – единственной из семантической группы «животные», которая упоминается в тексте несколько раз. Имеется в виду всегда собственный пёс героини, с которым она совершает прогулки по городу. В шести случаях из семи *пёс* определяется притяжательным местоимением, в пяти случаях – местоимением *мой*, в одном – *свой*. Трижды лексема выполняет синтаксическую функцию подлежащего, четырежды – косвенного дополнения: *Мой* ***пёс****, презирающий кошек, при виде*

этой странной длинноухой и безхвостой особи останавливается, оглядывается и недоумённо на меня смотрит; Мой ***пёс*** *мохнатым ковриком валяется под письменным столом, изнемогая от жары; Заслышав знакомый крик, мой* ***пёс*** *срывается с места и с проклятьями бросается к окну; в утренних прогулках с моим* ***псом*** *Кондратом; «Смотри, пресс-конференция...» – сказала я* ***псу****; Всех вокруг усердно превращаю в его обитателей: семью, друзей, соседей, своего* ***пса;*** *Так и мы с моим* ***псом*** *проходим все стадии времени дня.*

Шесть животных из девяти – птицы: утки, куры, индюки, удоды, павлины. Одно животное – кролик, оставшиеся два – собаки.

Рассмотрим лексемы семантической группы «люди» (17 лексем, 37 словоупотреблений). Сюда отнесены имена существительные мужского и женского рода и образованные от них прилагательные.

Лексема *бедуинский* встречается в тексте три раза, дважды имеется в виду «стоянка» бедуинов (стан, становище), один раз – женщина этой народности: *Со стороны* ***бедуинского*** *становища доносится довольно слаженный хор голосов; Вниз по склону той же горы древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки* ***бедуинского*** *стана; Говорят,* ***бедуинские*** *женщины – такой обычай – всё своё золото носят на себе.*

Лексема *бедуинка* встречается дважды, выполняет в одном случае синтаксическую функцию подлежащего, в другом – несогласованного определения: *По пути нам – по двое, по трое, – встречаются* ***бедуинки****, бодро обходящие мусорные баки в поисках утиля; Я увидела старуху* ***бедуинку.***

Лексема *бедуин* встречается пять раз. Один раз – в единственном числе в функции подлежащего (имеется в виду юноша): *Мягким кошачьим шагом поднимается юноша-****бедуин****.* В следующем предложении лексема заменяется притяжательным местоимением *его* и личным местоимением *он*: ***Его*** *драные кроссовки бесшумны, и сам* ***он*** *гибок и проворен как ящерица****.***

Оставшиеся четыре словоупотребления представлены существительными во множественном числе, все они выполняют функцию подлежащего: *Словом,*

бедуины *загадочны, в отличие от арабов, которые – понятны. С восходом солнца* ***бедуины*** *исчезают из городка. В нашей армии* ***бедуины*** *служат следопытами.* ***Бедуины****-то и есть хозяева этой земли.*

Дважды, имея в виду бедуинов, Д. Рубина использует перифразы, в обоих случаях разные: ***Дети пустынных холмов****, только они способны по брошенному окурку определить – сколько тот провалялся на земле; В домах эти* ***хозяева земли*** *не живут.*

В двух случаях существительное *бедуин* во множественном числе заменяется личным местоимением *они*, имеются в виду бедуины как этнос: ***Они*** *убеждены в том, что бедуины-то и есть хозяева этой земли. «Ишмаэль уйдёт... – говорят* ***они****, – Исраэль уйдёт... А мы останемся...».*

Лексема *арабский* упоминается в тексте 5 раз, дважды определяются неодушевлённые конкретные существительные, один раз – абстрактное, два раза – одушевлённые (люди): *Муэдзин мечети соседней, через ущелье,* ***арабской*** *деревни Аль Азария; Гарь очередного пожарища очередной* ***арабской*** *свалки на соседней горе; Громоздятся, поставленные торопливо впрок, дома наших* ***арабских*** *соседей; Двое* ***арабских*** *рабочих разгружают сразу два минибуса; Вместе с привычным воплем, перелицованным, как старьё, на* ***арабский*** *лад.*

Лексема *араб* упоминается в тексте четыре раза, в двух случаях во множественном числе, имеются в виду арабы как этнос, в двух – в единственном, подразумевается конкретный житель города. Во множественном числе лексема выполняет синтаксические функции косвенного дополнения и несогласованного определения: *Словом, бедуины загадочны, в отличие от* ***арабов****, которые – понятны; Сейчас эта прибыльная профессия перешла в руки* ***арабов****.*

В единственном числе лексема выполняет функцию подлежащего и именной части составного именного сказуемого: *Мы сталкиваемся с процессией: старый* ***араб*** *в резиновых сапогах бодрой походкой косца (только*

*на плече у него не коса, а швабра с болтающимся на ней ведром), гонит перед собой четверых мальчиков; Это «Алтэзахен» – попросту старьёвщик-**араб.***

Единственный персонаж, у которого в рассказе есть имя – старый уборщик *Ибрагим* (количество словоупотреблений лексемы – четыре). Синтаксические функции этого существительного в тексте всегда разные: часть приложения, обращение, косвенное дополнение, подлежащее: *Это бригада уборщиков нашей улицы – «**Ибрагим** и сыновья»; А сколько у тебя детей, **Ибрагим**; С **Ибрагимом** я иногда перекидываюсь двумя-тремя словами; **Ибрагим** сидит на корточках.*

Лексема *мальчик* упоминается в тексте один раз, имеются в виду сыновья Ибрагима. В следующем предложении Д. Рубина заменяет данную лексему перифразой *маленькие рабы*: *Гонит перед собой четверых **мальчиков** от шести до десяти лет; И пока расторопные **маленькие рабы** драят парадные и поливают дворики, Ибрагим сидит на корточках.*

Один раз автор использует лексему *девочка-мальчик*, затрудняясь определить пол ребёнка по типу его одежды: *выскакивает **девочка-мальчик** лет семнадцати.*

Дважды используется лексема *подросток*, всегда в форме множественного числа. В первом случае синтаксическая функция – несогласованное определение, во втором – подлежащее: *На выезде у блокпоста голосуют стаи **подростков; Подростки** и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим.*

Один раз использована лексема *молодёжь*: *Подростки и **молодёжь** каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим.*

Рассмотрим лексемы, характеризующие людей по роду занятий.

Один раз использована лексема *грузчик* во множественном числе. Синтаксическая функция – несогласованное определение: *Недели две оно растерянно красуется перед **грузчиками**, затаскивающими в «Дешёвку» картонные коробки.*

Лексема *уборщик* встречается в тексте один раз, существительное употреблено в форме множественного числа, выполняет функцию несогласованного определения: *Это бригада **уборщиков** нашей улицы.*

Лексема *муэдзин* встречается трижды, всегда единственном числе, синтаксическая функция в одном случае – подлежащее, в двух – несогласованное определение: *Но это вполне определённый соловей – **муэдзин** мечети соседней; Умолк тягучий стон **муэдзина**; Крик **муэдзина** приводит в бешенство.*

Один раз используется лексема *охранник*, синтаксическая функция – согласованное определение: *Розовые кусты олеандров кажутся пошлыми, юмор **охранника** в супермаркете – идиотским.* Один раз Д. Рубина использует существительное *охранник-эфиоп*, указывая одновременно и на род деятельности, и на национальность: ***Охранник-эфиоп** проверяет каждого на входе в городской «каньон».*

Один раз используется лексема *почтальон*, синтаксическая функция – прямое дополнение: *Павлин своим предобморочным криком испугал **почтальона.***

Судя по приведённым описаниям, город не представляется перенаселённым. Автор описывает стоящие очень близко друг к другу дома, но при этом не упоминает о толпах людей на улицах, как в «Высокой воде венецианцев». В описываемом городе «соседствуют» несколько религий, причём количество верующих разных конфессий не одинаково, Д. Рубина отдельно делает на этом акцент: *христианская сестра здесь младшая*. Нельзя сказать, что город многонационален, поскольку упомянуты только арабы, бедуины и охранник-эфиоп.

Рассмотрим лексемы семантической группы «Транспорт» (5 лексем, 5 словоупотреблений). Нами были рассмотрены названия видов транспорта, которые героиня непосредственно *видит*, а не узнаёт по звуку мотора (они будут рассмотрены при анализе дальней периферии).

Один раз встречает лексема *минибус*. Существительным в форме родительного падежа управляет количественное числительное *два*, уточняется, чем загружены минибусы: молочными продуктами и булочными изделиями: *Двое арабских рабочих разгружают сразу два* ***минибуса****: с молочными продуктами и булочными изделиями*.

По одному разу употреблены в рассказе лексемы *мотороллер*, *велосипед*, *коляска* – все в одном предложении, каждая лексема в форме единственного числа. *Коляска* содержит два неоднородных определения, выраженных причастным оборотом и относительным прилагательным: *Иногда это* ***мотороллер****, бывает,* ***велосипед****, раза два прямо на нас выезжала доверху гружённая детская* ***коляска.***

Один раз упомянуто название модели автомобиля в сокращённом виде – *вэн*, лексема определяется двумя несогласованными качественными прилагательными: *Но чаще это белый обшарпанный «****вэн****».*

Д. Рубина не показывает многообразия видов транспорта на улицах города. Город во «Времени соловья» кажется застывшим и обездвиженным – акцент на этом будет повторно сделан позднее, при анализе дальней периферии.

Дальняя периферия концепта «город» в рассказе «Время соловья»

К дальней периферии концепта «город» относятся лексемы разных семантических групп (общее количество лексем – 74, количество словоупотреблений – 92). Самую крупную из них составляют лексемы семантического поля *цвет*.

В рассказе присутствуют лексические единицы, обозначающие шесть оттенков *красного*. Три лексемы обозначают *пунцовый* цвет и его оттенки (*пунцовый* – 2 словоупотребления, в одном случае – в единственном, в другом – во множественном числе, *пунцово-чёрный* – 1): *Солнце впрыгивает на небосклон, меняя цвет с* ***пунцового*** *на оранжевый; Глазки на нём [хвосте] переблескивали* ***пунцово-чёрным*** *огнём; В середине же мая коротко*

вспыхивает ***пунцовыми*** *пальчиками, растущими как бы из одной ладони, хрупкое экзотическое дерево.*

Три лексемы обозначают *сиреневый* цвет и его оттенки, всегда в единственном числе (*сиреневый* – 2 словоупотребления, *милосердно-сиреневый* – 1): *Первыми вступают средиземноморские акации, цветущие нежным, каким-то* ***милосердно-сиреневым*** *цветом; По городу разносится* ***сиреневая*** *вьюга на хвосте весеннего ветра;* ***Сиреневый*** *мусор скапливается в углах дворов и подворотен.*

Лексема *розовый* встречается в тексте четырежды, всегда во множественном числе: *В мае же просыпаются* ***розовые*** *и белые олеандры;* ***Розовые*** *кусты переплетаются с простонародно вишнёвыми; Вниз по жёлтым и* ***розовым*** *стенам иерусалимского камня;* ***Розовые*** *кусты олеандров кажутся пошлыми.*

Лексемы *алый*, *вишнёвый*, *бордовый* встречаются в тексте один раз, всегда в форме множественного числа: ***Алые, бордовые*** *кусты переплетаются с простонародно* ***вишнёвыми.***

Рассмотрим, как представлен *зелёный* цвет и его оттенки. Лексема *зелёный* встречается дважды, всегда в единственном числе: *Огибаем* ***зелёную*** *лужайку; Выбрать место обзора на* ***зелёном*** *косогоре и постоять там.* Один раз упоминаются лексемы *иззелене-жёлтый* и *иссине-зелёный* (всегда в единственном числе): *Глазки на нём [хвосте] переблескивали* ***иззелене-жёлтым*** *огнём; Медленно поворачивает* ***иссине-зелёный*** *сосуд тела.*

Лексема *синий* в чистом виде в тексте не встречается, но упомянуты три оттенка синего: *Глазки на нём [хвосте] переблескивали* ***фиолетово-синим*** *огнём; восходят пузырящимся паром* ***сине-жёлтые*** *озёра праздничных огней;* ***голубая*** *днём вена Вади-Эль-Хот.*

Лексема *жёлтый* встречается в тексте один раз: *кусты сбегают вниз по* ***жёлтым*** *и розовым стенам иерусалимского камня*; дважды встречаются оттенки жёлтого, указывающие на оранжевый цвет: *Оно [солнце] впрыгивает*

на небосклон – оп-ля! – с ловкостью карточного шулера меняя цвет с пунцового на ***оранжевый****; Помещение затоплено* ***апельсиновым*** *светом.*

Чёрный цвет дважды представлен именами прилагательными: *Спины молящихся в графически белых, с* ***чёрными*** *полосами, талесах; Дома с* ***чёрными*** *провалами зияющих на многие годы окон*; один раз использовано сложное прилагательное *чёрно-белый*: *Господа удоды, в* ***чёрно-белых*** *полосатых сюртуках*; по одному разу чёрный цвет представлен глаголом *чернеть* и существительным *чернота*: *Холкой жеребёнка* ***чернеет*** *роща; И на горах Иерусалима в непробудной* ***черноте*** *одинокой ночи вскипают на горизонте, восходят пузырящимся паром сине-жёлтые озёра праздничных огней.*

Белый цвет представлен только именами прилагательными: ***белый*** *«вэн»,* ***белые*** *кусты.* Дважды в тексте обнаруживается оттенок белого – *молочный*: ***Молочная*** *нега; Заслоняя ладонью глаза от* ***молочного*** *утреннего солнца.*

Не были включены в группы три оттенка цвета: ***Декадентского солнечного цвета «само»*** *кусты;* ***Жемчужных*** *далей;* ***Палевые*** *кусты.*

Среди лексем, обозначающих цвет, как видно из перечня, наиболее употребительными оказываются лексемы со значением *красного* (13), далее следуют *зелёный* и *чёрный* (по 4), *синий* и *жёлтый* (по 3), *белый*, *молочный* (по 2). В цветах, не включённых в группы, каждая лексема представляет одно упоминание цвета, которое сложно отнести к любой из групп, приведённых выше.

Следующая по количеству единиц лексическая группа характеризует *звуки* города (27 лексем, 30 словоупотреблений). Все лексемы можно поделить на четыре группы: обозначающие звуки, издаваемые людьми, животными, неодушевлёнными предметами и обозначающие отсутствие звуков, тишину.

Люди, производящие звуки, могут быть названы (5 лексем, по одному словоупотреблению на каждую): ***Мулла окликает*** *правоверных; Умолк тягучий* ***стон муэдзина****;* ***Бедуинки*** *деловито что-то* ***обсуждают****;* ***Вопль***

ужаса потерявшей кошелёк провинциальной ***дуры; Воет*** *обиженный* ***бас*** *какого-нибудь* ***прохожего беса.***

Люди могут быть не названы, но по корневой морфеме или контексту ясно, что звук издаётся человеком (3 лексемы, по одному словоупотреблению на каждую): *Высокий* ***полустон-полупение: – А-а-аль-те-захи-и-ин; Шаркают подошвы*** *по тротуару; Лёгкий* ***свист*** *– в дело вступает* ***флейта****, её однообразный тянущий, завораживающий* ***звук.***

В звуках, издаваемых животными, источник назван всегда: *И вдруг* ***взвывает свора собак! Рычание, кашель, визг*** *доносятся со стороны балкона; Доносится довольно слаженный* ***хор голосов*** *проснувшихся* ***ослов, собак, петухов*** *и* ***овец****; Панический* ***вопль павлина; Павлин*** *своим предобморочным* ***криком*** *испугал почтальона;* ***Пропели петухи; Откричал осел; Взвывает*** *свора* ***собак; Вой шакала.***

Большинство звуков, источниками которых являются неодушевлённые предметы, доносятся с дороги: *В облачке отдалённого* ***шума дороги***; *Будут* ***реветь грузовики, Вжикать легковушки*** *и* ***мотоциклы; Урчание*** *старой* ***колымаги.*** В одном случае источник звука – браслеты на руках бедуинок: *Бедуинки что-то обсуждают, жестикулируя и* ***позвякивая*** *многочисленными* ***браслетами;*** в одном – колокольный звон: *Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие* ***колокольные волны.***

Лексема *тишина* встречается в тексте четырежды, дважды выполняет функцию обстоятельства места: ***В тишине*** *над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина; В дело вступает флейта, её однообразный тянущий, завораживающий звук несколько мгновений стоит в* ***тишине***. В одном случае *тишина* – подлежащее: *Сонная* ***тишина*** *утра раздражает и томит*; в одном – несогласованное определение: *Как описать её, как передать легчайшую взвесь* ***тишины.***

Один раз для обозначения отсутствия звука Д. Рубина использует прилагательное *бесшумный* в краткой форме: *Поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки* ***бесшумны.***

Как видно из приведённого перечня, город во «Времени соловья» не только *многоцветен*, но и *шумен*. Лексем, указывающих на наличие определённого шума – 25, в то время как лексических единиц, указывающих на тишину, отсутствие звука, только 5 – в 5 раза меньше.

Более того, Дина Рубина показывает, что тишина воспринимается в городе как нечто неестественное, редкое: *[звук флейты]* ***несколько мгновений*** *стоит в тишине, сонная* ***тишина*** *утра* ***раздражает***.

Рассмотрим лексемы, характеризующие *запахи*, развеянные в городе (5 лексем, 5 словоупотреблений). Д. Рубина отмечает присутствие в городе запахов четырёх трав: шалфея, тысячелистника, лаванды – и одного дерева – оливы: *Воздух воскуряет* ***ароматы шалфея, тысячелистника, лаванды, олив*** *на склонах.* Ещё один запах проникает в город с пожара на арабской свалке. Пожары, по-видимому, не редкость, на что указывает определение *очередной: [Воздух воскуряет] чуть саднящую нёбо гарь* ***очередного пожарища*** *очередной арабской* ***свалки.***

Рассмотрим лексические единицы, указывающие на температуру в городе (2 лексемы, 7 словоупотреблений). Трижды встречается лексема *жара*, всегда в разных синтаксических функциях: обстоятельства причины, несогласованного определения, подлежащего: *Изнемогая от* ***жары****; В мареве* ***жары; Жара*** *становится плотной и вязкой*. Отметим здесь же окказиональные употребления прилагательных *плотный* и *вязкий* по отношению к жаре. В одном из предложений лексема *жара* повторяется трижды, предложение односоставное, назывное: ***Жара, жара, жара...*** Далее автор замечает, что, очевидно, через два месяца будет ещё жарче: *И это конец мая! А что ждать в июле?! Что будет с нами в августе, о Боже, что будет с нами в августе?!*

Один раз встречается прилагательное *жаркий* во множественном числе, в функции согласованного определения к существительному дни: *в один из* ***жарких*** *дней мы с Кондратом трусили себе рассветной улицей.*

К зоне дальней периферии относятся лексемы, характеризующие состояние города как *сонное* (7 лексем, 7 словоупотреблений). По одному разу в

тексте рассказа встречаются такие лексемы как *дрёма* в синтаксической функции обстоятельства места: *Из* ***дрёмы*** *нас выманивает лёгкий свист*; *замедляться* в роли сказуемого при подлежащем *движения*: *Движения* ***замедляются***; *прикорнуть* в форме инфинитива, *летаргия* в форме косвенного дополнения: ***Прикорнуть*** *на часок, отдаться* ***летаргии***; *спящий* в функции согласованного определения: *Над черепичными крышами* ***спящего*** *городка проносится панический вопль павлина;* прилагательное *размеренный* в функции согласованного определения к существительному *существование*: ***Размеренное*** *существование помогает трудолюбивой мысли торить свой путь, не отвлекаясь на пустяки.* Все приведённые примеры характеризуют жизнь в городе, как заторможенную, неспешную, сонную.

Общая атмосфера сна, дремоты, не мешает, однако, городу оставаться шумным. С одной стороны, жители погружены в полусонное состояние, с другой – не прекращается движение автомобилей, постоянно слышны крики животных, улицы далеко не безлюдны.

Две лексемы, образованные от корневой морфемы -*тесн*- указывают на тесноту. В этой особенности города мы убеждались ранее, когда анализировали описания домов. В тексте мы обнаруживаем прилагательное *тесный* в роли согласованного определения к существительному *объятия*: *Кусты переплетаются с простонародно вишнёвыми в* ***тесном*** *надзаборном объятии*; категорию состояния *тесно*: *Вообще,* ***тесно***; глагол *теснить* в функции сказуемого в безличном предложении: ***Теснит*** *в груди, в плечах.* Обратим внимание на последний пример – Д. Рубина с помощью безличной конструкции отмечает тесноту, не делая акцента на том, отчего именно тесно – просто *теснит* всё вокруг.

При рассмотрении атмосферы, царящей в городе, необходимо обратить внимание на соотношение религии и правопорядка. Нами выделены четыре предложения, в которых встречаются лексемы *благословлять* (2 словоупотребления), *благословляющий* (1) и *проверять (1), проверяя (1)* – не смотря на то, что город *благословляет,* охранники и другие «стражи порядка»

всё же бдительны и *проверяют* каждого, кто вступает в его пределы, охранник в торговом центре *благословляющим* движением руки *проверяет* содержимое сумки: *Наш город **благословляет** каждого, кто во вратах его; Трое подобных ему [юноше-бедуину] парнишек, только в форме солдат. Вот они-то и **благословляют** каждого, кто во вратах, рассеянно при этом **проверяя.** Так же, как охранник-эфиоп **проверяет** каждого на входе в городской «каньон» – огромный торговый центр. Ощупывая сумки не лишённым эротики, взвешивающим движением ладони, словно **благословляющим** урожай изобильной груди.*

Отметим здесь же диалог между охранником и случайным посетителем: «О*н [охранник] дежурно спрашивает: – Пистолет есть?», «И когда вы так же дежурно отвечаете: – Нет, – наклоняется и заговорщически произносит: – Так купи два!»*

Несмотря на религиозность, которой пропитан город и которая отражается в названиях улиц, надписи на блокпосте, утренних и вечерних молитвах муллы, христианских храмах, иудейских синагогах и мусульманских мечетях, город живёт по законам современного государства. Более того, создаётся впечатление, что доверительной атмосфере улиц, всему обществу народа, «вскормленного поэтикой библейских текстов», невозможно «отдаться». Всегда присутствует некая настороженность, чувство возможной опасности: проверки на блокпосте и у входа в центр, советы по поводу оружия, которые даёт охранник. Тем не менее, страх не является доминирующим чувством, его оттесняют на второй план жара, сонное состояние города, многообразие цветов, крики животных и пр.

2.3. Система упражнений по теме «Образ города в текстах художественной литературы (на материале произведений Д. Рубиной)» в элективном курсе «Филологический анализ художественного текста»

Нами была разработана система упражнений, которые могут быть использованы при проведении занятий в рамках элективных курсов по русскому языку, в частности, в курсе «Филологический анализ художественного текста», который будет уместно провести в старших классах.

Курс позволит учащимся применять ранее полученные знания по русскому языку, углублённо анализировать художественный текст, находить связи между идеей автора, заложенной в тексте, и средствами её воплощения.

Учащимся предлагается анализировать различные лексические единицы, вербализующие в художественных текстах Д. Рубиной представление автора о городах (в которых происходит действие или с которыми связаны мечты, воспоминания героев). Приведённые ниже упражнения позволяют продолжить формирование лингвистической компетенции учащихся, систематизацию и углубление знаний о лингвистике как науке.

Выполнение упражнений рекомендуется только после прочтения повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» и рассказа «Время соловья».

Упражнение 1. Прочитайте приведённые предложения и словосочетания из повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Что обозначают выделенные слова? Какими частями речи они являются? Как вы думаете, в какие группы их можно объединить и почему? Какие слова вам было сложно отнести к определённой группе, чем это вызвано?

Синие *озерца; Дрожал* ***красно-кирпичный*** *мостик; Великолепие сверкающей* ***бирюзы;*** *Освещённые* ***оранжево-жёлтым*** *светом; Покрытие некогда* ***бордового*** *цвета; На* ***красноватом*** *фоне окрестных домов; Ослепительной* ***синевы*** *вода лагуны; Вдоль переливов* ***кипяще-алого;*** *Вдоль переливов* ***лазурного;*** ***Лиловый*** *шлейф фонарей; Всё облагорожено* ***желтоватым*** *обливным светом трёх бронзовых ламп;* ***Тёмно-красное*** *стекло; Вдоль переливов* ***янтарно-изумрудного;*** *Вспугнув двух* ***серо-фиолетовых***

голубей; Шляпа с ***красной*** *лентой; Хоровод* ***голубоватых*** *колонн;* ***Буро-красно-чёрная*** *короста черепицы;* ***Медно-каштановые*** *пряди волос; Хоровод* ***серо-палевых*** *колонн; В* ***сизом*** *пару; В* ***красно-кирпичных*** *язвах; Вдоль переливов* ***пурпурно-золотого;*** *Лысина его* ***побагровела;*** *Великолепие сверкающей* ***голубизны;*** *Этажи ещё погружены были в глубокую* ***фиолетовую*** *тень;* ***Красно-белая*** *вертикаль колокольни; Сиденья обиты* ***красным*** *бархатом;* ***Бирюзовый*** *язык света; В* ***золоте*** *мозаик; На* ***краснолицых*** *немцев; Венецианская парча, вытканная* ***лазурью;*** *С островками* ***красно-кирпичной*** *кладки; Старик в* ***голубом*** *белье; На* ***бордовой*** *дорожке; Хоровод* ***розоватых*** *колонн; Кивали* ***золочёными*** *гребешками гондолы; Венецианская парча, вытканная* ***пурпуром.***

Ключ. Приведённые слова обозначают оттенки цвета. Они представлены именами прилагательными (простыми: *пурпурный, бордовый* и др., составными: *красно-белая, буро-красно-чёрная* и др.), существительными (*пурпур*, *бирюза*, *голубизна*), глаголами (*побагровел*). Все слова можно поделить на группы по основному цвету, оттенки которого они означают.

Оттенки жёлтого: *Освещённые* ***оранжево-жёлтым*** *светом; Всё облагорожено* ***желтоватым*** *обливным светом трёх бронзовых ламп; Вдоль переливов* ***янтарно-изумрудного;*** *Хоровод* ***серо-палевых*** *колонн; Вдоль переливов* ***пурпурно-золотого;*** *В* ***золоте*** *мозаик; Кивали* ***золочёными*** *гребешками гондолы.*

Оттенки синего: ***Синие*** *озерца; Ослепительной* ***синевы*** *вода лагуны;* ***Лиловый*** *шлейф фонарей; Хоровод* ***голубоватых*** *колонн; Великолепие сверкающей* ***голубизны;*** *Старик в* ***голубом*** *белье; Венецианская парча, вытканная* ***лазурью;*** *Вдоль переливов* ***лазурного;*** *Этажи ещё погружены были в глубокую* ***фиолетовую*** *тень; Вспугнув двух* ***серо-фиолетовых*** *голубей; Великолепие сверкающей* ***бирюзы;*** ***Бирюзовый*** *язык света; В* ***сизом*** *пару.*

Оттенки красного: *Шляпа с* ***красной*** *лентой; Сиденья обиты* ***красным*** *бархатом; Дрожал* ***красно-кирпичный*** *мостик; С островками* ***красно-кирпичной*** *кладки; В* ***красно-кирпичных*** *язвах; На* ***краснолицых*** *немцев;*

Тёмно-красное *стекло;* ***Буро-красно-чёрная*** *короста черепицы;* ***Красно-белая*** *вертикаль колокольни; Вдоль переливов* ***кипяще-алого****; Покрытие некогда* ***бордового*** *цвета; Хоровод* ***розоватых*** *колонн; На* ***красноватом*** *фоне окрестных домов; Лысина его* ***побагровела****; На* ***бордовой*** *дорожке;* ***Медно-каштановые*** *пряди волос; Венецианская парча, вытканная* ***пурпуром****.*

Сложность могут представлять составные имена прилагательные, которые обозначают оттенки разных цветов: *янтарно-изумрудный* (*янтарный* – группа жёлто-оранжевых оттенков, *изумрудный* – группа оттенков зелёного), серо-палевый (сложно определить, какой цвет преобладает в *палевом*, поскольку он представляет собой *бледно-жёлтый с розоватым оттенком*, а Д. Рубина дополняет его прилагательным *серый*), *пурпурно-золотой* (*пурпурный* цвет – «неспектральный», представляет собой смесь множества оттенков *красного* и *фиолетового*, в то время как *золотой* – однозначно оттенок *жёлтого*). Стоит отметить также, что учащиеся могут не знать значения слов *пурпурный*, лазурный, *лиловый*, *палевый*, *бирюзовый.* В этом случае отнести цвет к необходимой группе помогут толковые словари или раздаточный материал, показывающий оттенок и его название.

Упражнение 2. Прочитайте приведённые ниже предложения. Что обозначают выделенные слова? Какими частями речи они представлены? Расположите их в порядке усиления или ослабевания обозначаемого признака. С какими сложностями вы столкнулись, почему?

Вошла внутрь, где было ***темно****;* ***Тёмная*** *клубистая зелень садов; Из открытых дверей* ***полутёмного*** *бара; Если смотреть из* ***полутьмы*** *собора; Глубокий* ***сумрак*** *внутри; В* ***сумеречном*** *мире; В большой* ***сумрачной*** *комнате; Арочные галереи Новых прокураций ещё оставались* ***в тени****; Маленькая площадь была погружена в* ***тень****; Пошла ещё по-утреннему* ***затенённой*** *улочкой; На фоне выхваченных* ***слабым светом*** *невидимой рампы дворцов; Воздух* ***посветлел****; Портики уже были* ***освещены*** *солнцем;* ***Освещённые*** *изнутри гардины;* ***Облитые солнцем*** *верхние этажи; В* ***сияющем*** *контражуре утра; К* ***сияющему*** *горизонту.*

Ключ. Приведённые слова обозначают степень освещённости. Они представлены краткими именами прилагательными (было *темно*), полными именами прилагательными (*полутёмный*, *сумеречный*, *сумрачный*, *тёмный*), существительными (*полутьма, тень, сумрак*), страдательными причастиями (*затенённый, освещённый*), действительными причастиями (*сияющий*), глаголами (*посветлел*), неделимыми словосочетаниями (*облитые солнцем*).

Слова могут быть расположены в порядке увеличения освещённости: *Вошла внутрь, где было* ***темно***, ***Тёмная*** *клубистая зелень садов; Из открытых дверей* ***полутёмного*** *бара, Если смотреть из* ***полутьмы*** *собора; Глубокий* ***сумрак*** *внутри, В* ***сумеречном*** *мире, В большой* ***сумрачной*** *комнате; Арочные галереи Новых прокураций ещё оставались* ***в тени***, *Маленькая площадь была погружена в* ***тень***, *Пошла ещё по-утреннему* ***затенённой*** *улочкой; На фоне выхваченных* ***слабым светом*** *невидимой рампы дворцов, Воздух* ***посветлел***; *Портики уже были* ***освещены*** *солнцем,* ***Освещённые*** *изнутри гардины;* ***Облитые солнцем*** *верхние этажи, В* ***сияющем*** *контражуре утра, К* ***сияющему*** *горизонту.*

Сложность может быть вызвана отсутствием чёткой границы между сумраком и полутьмой. Сумрак определяется как *полумрак, неполная темнота* [Ожегов, Шведова 1999: 798].

Упражнение 3. Прочитайте предложения из произведений Д. Рубиной: повести «Высокая вода венецианцев» и рассказа «Время соловья». В каждом предложении присутствует слово *город*. Чем выражены определения существительного *город*? Как вы думаете, что хотел подчеркнуть автор, используя неодинаковые определения в разных произведениях?

Отрывки из повести «Высокая вода венецианцев»: *Безумные и прекрасные люди, зачем-то построившие на воде этот город; Этот город, с душой мужественной и женской, был так же обречён; Опуститься на дно, слиться с этим обречённым, как сама она, городом; Бежать, думала она, бежать из этого города; Бежать из этого обречённого города; Он пожелал*

остаться ей чужим в этом обречённом городе; Надо было дожить отпущенное ей время, как доживал этот город.

Отрывки из рассказа «Время соловья»: *Наш город благословляет каждого, кто во вратах его*; *Прогулка по улицам нашего городка; Улыбчивый мир нашего городка я постигаю в утренних прогулках.*

Ключ. В повести «Высокая вода венецианцев» *город* определяется указательным местоимением *этот*, в рассказе «Время соловья» – притяжательным местоимением *наш*. Сравнение данных словоупотреблений показывает неодинаковое отношение к описываемым городам. Венеция для героини «Высокой воды венецианцев» – лишь один из этапов жизненного пути, место, к которому она не испытывает каких-то особенно тёплых, родственных чувств. Город во «Времени соловья» воспринимается лирической героиней совершенно иначе – как нечто *собственное*, с чем сроднилась её душа.

Упражнение 4. Прочитайте предложения из повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев», в которых упоминаются жители Венеции. Слова какой части речи использует автор, упоминая горожан? Поделите приведённые предложения на группы. Какой признак при распределении вы возьмёте за основу? Какие предложения было сложно распределять, почему?

*Возбуждённые возгласы **подростков**, нанявших вскладчину гондолу; Снизу долетали предупреждающие крики **гондольеров**; Пошла, обожая **официантов**; На **пожилых** краснолицых **немцев**; Группы горластых **подростков** в карнавальных колпаках; Мимо то и дело проскакивали **официанты** из ресторана; К плавучей пристани дважды причаливал вапоретто, привёз только парочку японских **студентов**; **Мавры** бросают весь товар и бегут врассыпную; Когда **карабинеры** совершают облаву; **Карабинеры**, раскинувшись вольно на корме, что-то жуют; Построилась рота **карабинеров**; Жилистых американских **старух**;* [*Пошла, обожая*] ***туристов***; *И **все** [**карабинеры**] не очень дружно поворачивались то вправо, то влево; Со стороны Сан-Марко **торговцы** торопливо везли тележки с нераспроданным товаром; Выплыли двое **пассажиров**; Три **подростка** ...*

бродят по колено в воде; Появились ремонтные ***рабочие*** *и повторилась вчерашняя утомительно-кропотливая разгрузка-погрузка; Не слишком многочисленные* ***туристы*** *прыгали по мосткам, как воробьи; И венецианских* ***мавров*** *видала; Обслуживали две приземистые* ***таиландки.***

Ключ. При упоминании горожан Д. Рубина использует только имена существительные. Предложения могут быть поделены на следующие группы:

– по роду занятий (11): *Пошла, обожая* ***официантов****; Мимо то и дело проскакивали* ***официанты*** *из ресторана; К плавучей пристани дважды причаливал вапоретто, привёз только парочку японских* ***студентов****; Когда* ***карабинеры*** *совершают облаву;* ***Карабинеры****, раскинувшись вольно на корме, что-то жуют; Построилась рота* ***карабинеров****; И* ***все*** *[****карабинеры****] не очень дружно поворачивались то вправо, то влево; Со стороны Сан-Марко* ***торговцы*** *торопливо везли тележки с нераспроданным товаром; Появились ремонтные* ***рабочие*** *и повторилась вчерашняя утомительно-кропотливая разгрузка-погрузка; Снизу долетали предупреждающие крики* ***гондольеров.***

– по возрастному признаку (5): *Группы горластых* ***подростков*** *в карнавальных колпаках; На* ***пожилых*** *краснолицых* ***немцев****; Жилистых американских* ***старух****; Три* ***подростка*** *... бродят по колено в воде; Возбуждённые возгласы* ***подростков****, нанявших вскладчину гондолу.*

– по цели пребывания в Венеции (туристы) (3): [*Пошла, обожая]* ***туристов****; Выплыли двое* ***пассажиров****; Не слишком многочисленные* ***туристы*** *прыгали по мосткам, как воробьи.*

– по этническому признаку (3): *И венецианских* ***мавров*** *видала;* ***Мавры*** *бросают весь товар и бегут врассыпную; Обслуживали две приземистые* ***таиландки.***

Сложность может возникнуть в том случае, когда имя существительное указывает на один признак, а его определение – на другой:

К плавучей пристани дважды причаливал вапоретто, привёз только парочку ***японских студентов*** *(род занятий, национальность); На* ***пожилых***

краснолицых ***немцев*** *(возраст, национальность); Жилистых американских* ***старух*** *(национальность, возраст).*

Упражнение 5. Прочитайте приведённое ниже предложение из повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Найдите в нём существительное *вода*. В каком числе оно употреблено? Как форма числа влияет на значение существительного? Для какой цели автор её использует, что она помогает выразить? При затруднении обратитесь к толковому словарю.

И вдруг вся мощь басов тридцатидвухфутовых труб органа потрясла церковь от купола до каменных плит пола: ошалелый восторг, слёзный спазм, дрожь перед чем-то непроизносимо великим, – как воды, прорвавшие дамбу, – обрушились на неё, и в какой-то миг, разрывавшего её, счастья она поняла, что мечтает сейчас же, немедленно уйти на дно лагуны, сидя на этой вот скамье, в этой церкви, вместе с её великолепными куполом и колокольней, статуями, картинами Тинторетто...

Ключ. Имя существительное *вода* входит в состав вставной конструкции *как воды, прорвавшие дамбу*, употребляется во множественном числе, выступает в качестве *сравнения* (с водами, прорвавшими дамбу, сравнивается органная музыка). В единственном числе *вода* имеет значение *жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода*, во множественном – *потоки, струи, волны, водная масса*. [Ожегов, Шведова 1997: 80]. Форма множественного числа позволяет автору лучше передать ощущения героини, которая слушает органную музыку. Музыка *обрушивается*, *потрясает*, как огромная *водяная масса*, прорывающая дамбу.

Упражнение 6. Прочитайте приведённые ниже описания улиц и каналов из повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Какая особенность каналов и улиц отмечается автором в каждом предложении, с помощью каких средств?

Окна её комнаты выходили в улицу-ущелье, дном которого оказалась мерцающая кварцевыми слитками вода канала; Она повернула и пошла в сторону Сан-Марко тесной, ещё по-утреннему затенённой улочкой, мимо

витрин цветного стекла, сувенирных лавочек с вывешенными наружу масками, мимо кондитерских и кафе, где на вертелах уже пустились в свой торжественный менуэт бледные куриные тушки, шла, натыкаясь на группы горластых подростков в карнавальных колпаках, на пожилых краснолицых немцев и жилистых американских старух; "Под моими окнами – узкий канал, Рио де Сан-Джулиано, один из сорока пяти венецианских каналов; Довольно долго она стояла на мостике, локтями опершись на деревянные простые перила и смотрела, как меняется цвет воды в канале, как вспыхивают и маслянисто колыхаются тяжёлые блики: слева сюда впадал ещё один узкий проток, и вот оттуда, из-за домов, со стороны заходящего солнца на воду лёг бирюзовый язык света, в котором на искрящейся шкворчащей сковороде жарилась синяя плоскодонка; Она поднялась на мостик и узкой извилистой Калле дель Форно вышла на людную площадь, всю заставленную деревянными рядами с навесами; Внизу тесно плескалась о кирпичные стены домов, с кромкой соляной накипи, весёлая бутылочная вода канала.

Ключ. Особенность улиц, которая отмечается во всех приведённых контекстах – их узость. Д. Рубина один раз использует приложение: *на улицу-ущелье,* имена прилагательные *тесный: тесной* улочкой*; узкий: узкий* канал*, узкий* проток*, узкой* Калле дель Форно*;* наречие *тесно: тесно* плескалась вода.

Упражнение 7. Прочитайте приведённые ниже три предложения из повести «Высокая вода венецианцев». Выпишите из каждого предложения определения существительного *дворец*. Проанализируйте их. Какое изобразительно-выразительное средство использует Д. Рубина, описывая дворцы? Как вы думаете, как соотносятся описания дворцов с ощущениями героини, с идеей произведения?

Бежать, думала она, бежать из этого города, с его призраками, с высокой водой, способной поглотить всё своей тёмной утробой, с его подновлёнными, но погибающими дворцами, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб...

И позже, когда всё-таки, пересилив себя, взяла билет и ступила на палубу вапоретто (словно взмыл занавес и оркестр вкрадчивым пицикатто струнных заиграл музыку пролога чудной таинственной пьесы, главным действующим лицом которой она себя сразу обозначила), – позже, на каждом повороте канала, – едва из сырого тумана выплывал новый, мягко подсвеченный, смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких венецианских окон дворец, или вдруг вырастал и чёрной тенью проплывал над головой мост Риальто, - сердце её беззащитно взмывало, губы приоткрывались, выдавливая тихий стон восторга, и она падала, падала, как в детстве в Луна-парке, в сладко холодящую живот пропасть...

Величие Венеции с её вырастающими из воды прекрасными обшарпанными дворцами, с её безумными художниками, с этим её Тинторетто, готовым расписать небо... её зыбкость, прекрасная обветшалость, погрузившиеся в воду, скользкие и зелёные от водорослей нижние ступени лестниц, её бесчисленные мосты... И блеск, и радость единственной в мире площади, и лиловый шлейф её фонарей, и узкие, как турецкие туфли, гондолы, и фанфары старинных печных труб... - всё обречено, твердила она себе, обречено, обречено...

Ключ. Определения существительного *дворец* в приведённых предложениях: *с его подновлёнными, но погибающими дворцами, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб; новый, мягко подсвеченный, смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких венецианских окон дворец; с её прекрасными обшарпанными дворцами.* При описании дворцов Д. Рубина использует оксюмороны: подновлённый – погибающий; новый, мягко подсвеченный – с чёрными провалами окон; прекрасный – обшарпанный. Дворцы в повести описываются как прекрасные, но погибающие, они олицетворяют будущее Венеции – несмотря на всю свою красоту, город обречён (*всё **обречено**, твердила она себе, **обречено**, **обречено***). В судьбе Венеции героиня видит параллели со своей судьбой, она так же обречена (Этот город, с душой мужественной и женской, был **так же обречён**,

как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ... такая чепуха для бездушного безграничного времени! И это предощущение **нашей общей гибели, общей судьбы** – вот, что носится здесь над водой каналов).

Упражнение 8. Прочитайте названия улиц города в рассказе Д. Рубиной «Время соловья». Распределите их на группы по числу знаменательных слов. Что обозначают названия улиц, состоящие только из одного слова? Как построены названия улиц, в которых более одного знаменательного слова? Как вы думаете, почему улицы города так названы, что они отражают? Найдите в тексте авторскую оценку названий улиц, соотносится ли она с вашей точкой зрения?

Райские плоды; Очи, возведённые к небесам; *Время соловья; Скрипка; Багряная нить; Яхонтовая площадь; Флейта; Виноградная лоза; Поющий рожок; Дорога в Иудейской пустыне*; *Арфа; Берега ручья.*

Ключ. Названия, в которых только одно знаменательное слово: *Арфа; Скрипка; Флейта* – все названия обозначают музыкальные инструменты, среди которых два струнных и один духовой.

Двухкомпонентные названия: *Райские плоды; Время соловья; Багряная нить; Яхонтовая площадь; Виноградная лоза; Поющий рожок; Берега ручья.*

Трёхкомпонентные названия: *Очи, возведённые к небесам*; *Дорога в Иудейской пустыне*.

Двухкомпонентные и трёхкомпонентные названия построены по принципу: Имя существительное + имя прилагательное (согласованное или несогласованное).

Авторская оценка названий улиц: *Кому-то может показаться, что я выдумываю названия улиц или приукрашиваю существующие. Ничуть не бывало! Да и странно было бы предположить, что народ, сызмальства вскормленный поэтикой библейских текстов, может согласиться на какой-нибудь «Комсомольский тупик» или «Большевистский проезд».*

Упражнение 9. Прочитайте отрывки рассказа Д. Рубиной «Время соловья», в которых описываются звуки города. В какие группы их можно

объединить? Распределите отрывки текста по группам (некоторые отрывки вы можете относить одновременно к нескольким группам), перечитайте. Какое представление о городе у вас сложилось? Как оно соотносится с авторской точкой зрения?

Мулла окликает правоверных; В облачке отдалённого шума дороги; *И вдруг взвывает свора собак! Как описать её, как передать легчайшую взвесь тишины; Поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки бесшумны; Рычание, кашель, визг доносятся со стороны балкона; Будут реветь грузовики, вжикать легковушки и мотоциклы; Умолк тягучий стон муэдзина; Бедуинки деловито что-то обсуждают; В тишине над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина; Доносится довольно слаженный хор голосов проснувшихся ослов, собак, петухов и овец; Воет обиженный бас какого-нибудь прохожего беса. Высокий полустон-полупение: – А-а-аль-те-захи-и-ин; Сонная тишина утра раздражает и томит*; *Павлин своим предобморочным криком испугал почтальона; Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие колокольные волны; Пропели петухи; Откричал осел; Шаркают подошвы по тротуару; Урчание старой колымаги; Бедуинки что-то обсуждают, жестикулируя и позвякивая многочисленными браслетами; Взвывает свора собак; Лёгкий свист – в дело вступает флейта, её однообразный тянущий, завораживающий звук; Вой шакала.*

Ключ. Все приведённые отрывки можно распределить на четыре группы: обозначающие звуки, издаваемые людьми, животными, неодушевлёнными предметами и обозначающие отсутствие звуков, тишину.

Люди, производимые людьми: ***Мулла окликает*** *правоверных; Умолк тягучий* ***стон муэдзина***; ***Бедуинки*** *деловито что-то* ***обсуждают***; ***Воет*** *обиженный* ***бас*** *какого-нибудь* ***прохожего беса***: *Высокий* ***полустон-полупение: – А-а-аль-те-захи-и-ин.***

Звуки, издаваемые животными: *И вдруг* ***взвывает свора собак***! ***Рычание***, ***кашель***, ***визг*** *доносятся со стороны балкона; Доносится довольно слаженный*

хор голосов *проснувшихся* ***ослов***, ***собак***, ***петухов*** *и* ***овец****; Панический* ***вопль павлина****;* ***Павлин*** *своим предобморочным* ***криком*** *испугал почтальона;* ***Пропели петухи****;* ***Откричал осел****;* ***Взвывает*** *свора* ***собак****;* ***Вой шакала****.*

Звуки, источниками которых являются неодушевлённые предметы: ***Шаркают подошвы*** *по тротуару; Лёгкий* ***свист*** *– в дело вступает* ***флейта****, её однообразный тянущий, завораживающий* ***звук****; В облачке отдалённого* ***шума дороги***; *Будут* ***реветь грузовики***, ***вжикать легковушки*** *и* ***мотоциклы****;* ***Урчание*** *старой* ***колымаги****; Бедуинки что-то обсуждают, жестикулируя и* ***позвякивая*** *многочисленными* ***браслетами;*** *Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие* ***колокольные волны.***

Тишина: ***В тишине*** *над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина; В дело вступает флейта, её однообразный тянущий, завораживающий звук несколько мгновений стоит в* ***тишине***; *Сонная* ***тишина*** *утра раздражает и томит*; *Как описать её, как передать легчайшую взвесь* ***тишины****; Поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки* ***бесшумны****.*

Город во «Времени соловья» предстаёт *шумным*. Лексем, указывающих на наличие определённого шума – 24, в то время как лексических единиц, указывающих на тишину, отсутствие звука, только 5 – в 5 раз меньше.

Д. Рубина подчёркивает, что тишина воспринимается в городе как нечто неестественное, редкое: *[звук флейты]* ***несколько мгновений*** *стоит в тишине; сонная* ***тишина*** *утра* ***раздражает****.*

Упражнение 10. Прочитайте 5 предложений из повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Найдите в каждом предложении существительные *мост*, *мостик*, *мосток* (в единственном или множественном числе). Какие сравнения использует автор, упоминая мосты? Почему?

Поверху всё было залито желтком солнца: крыши соседних домов (крапчатая, буро-красно-чёрная короста черепицы, старинные печные трубы, похожие на поднятые к небу фанфары), балконы с провисшими, гружёнными

мокрым бельём верёвками, вчерашний мост, как вздыбленный жеребёнок... и всё ежесекундно под этим солнцем менялось...

Мостик в воде колыхался люлькой, парил над небом - в воде...

С высоты колокольни эти мостки, должно быть, напоминали застывшую муравьиную дорожку, бегущую из переулков, огибающую площадь и уводящую в арки собора.

Упираясь в здание гостиницы, канал затем уходил вправо, и там его гребешком седлал ещё один мосток под двумя фонарями.

И позже, когда всё-таки, пересилив себя, взяла билет и ступила на палубу вапоретто (словно взмыл занавес и оркестр вкрадчивым пицикатто струнных заиграл музыку пролога чудной таинственной пьесы, главным действующим лицом которой она себя сразу обозначила), – позже, на каждом повороте канала, – едва из сырого тумана выплывал новый, мягко подсвеченный, смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких венецианских окон дворец, или вдруг вырастал и чёрной тенью проплывал над головой мост Риальто, – сердце её беззащитно взмывало, губы приоткрывались, выдавливая тихий стон восторга, и она падала, падала, как в детстве в Луна-парке, в сладко холодящую живот пропасть...

Ключ. В приведённых предложениях при словах *мост*, *мостик*, *мосток* есть следующие сравнения: *Мост, как вздыбленный жеребёнок, Мостик в воде колыхался люлькой* (сравнение обусловлено сходством формы)*; Мостки напоминали застывшую муравьиную дорожку* (сравнение обусловлено большим количеством маленьких мостков, которые героиня видит с высоты колокольни)*; там его [канал] гребешком седлал ещё один мосток* (сравнение обусловлено сходством формы)*; Чёрной тенью проплывал над головой мост Риальто* (мост очень большой, поэтому когда гондола проплывает под ним, становится темно, отсюда сходство с *чёрной тенью*).

Выводы по второй главе

В ходе анализа концепта «город» в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» и рассказе «Время соловья» нами было проанализировано 332 лексемы, общее количество словоупотреблений – 721: количество лексем, проанализированных в повести «Высокая вода венецианцев», – 181 (468 словоупотреблений), в рассказе «Время соловья» – 151 (253 словоупотребления).

Ядро концепта «город» в каждом произведении составляют нарицательное существительное «город», однокоренные производные от него, а также имена собственные – названия городов. Лексемы-репрезентаты ядерной зоны концепта в «Высокой воде венецианцев»: город (11 словоупотреблений), Венеция (12), венецианский (16), венецианец (7), Москва (1), московский (1), Ленинград (1), ленинградский (1), Иерусалим (2), иерусалимский (1). Лексемы-репрезентаты ядерной зоны в рассказе «Время соловья»: город (6), городок (5), городской (1), Иерусалим (4), иерусалимский (2).

К зоне ближней периферии в повести «Высокая вода венецианцев» относятся лексемы следующих лексико-семантических групп:

«жители города»: толпа (5), официант (2), постоялец (1), студент (2), карабинер (4), торговец (1), рабочий (2), гондольер (3), подросток (3), немец (1), старуха (1), турист (2), пассажир (1), мавр (1), японский (2) матрос (1), аккордеонист (1), девочка (2), старик (2), дракон (1), капитан (1), трубач (1), человек (1), священнослужитель (1), звонарь (1), арфист (1), одиночество (1), ни души (1);

«транспорт»: катер (12), гондола (14), вапоретто (9), яхта (2);

«животные»: собака (1), щенок (2), голуби (4), лай (2);

«вода»: вода (50), водосток (1), наводнение (5);

«улицы»: улица (10), канал (22);

«достопримечательности»: дворец (5), мост (7), мостик (11), мосток (11), магазин (1), бар (2), ресторан (3), кафе (1), траттория (1), витрина (3), Новые Прокурации (1); Тюрьма Поцци (1); площадь Сан-Марко (1); дворцы: Дворец

дожей (1), палаццо Дарио (1); мосты: Академии (1), Риальто (1); церкви: Сан-Джорджо Маджоре (1), Сан-Джулиано (1), Санта-Мария Формоса (1), собор Сан-Марко (1).

Перечислим лексемы ближней периферии в рассказе «Время соловья»:

«улицы»: Райские плоды (1), Время соловья (1), Багряная нить (1), Яхонтовая площадь (1), Виноградная лоза (1), Поющий рожок (1), Берега ручья (1), Арфа (1), Скрипка (1), Флейта (1), Очи, возведённые к небесам (1), Дорога в Иудейской пустыне (1);

«ландшафт»: гора (11), косогор (1), холм (3), склон (4), обрыв (1), ущелье (4);

«растения»: роща (2), лес (1), дерево (2), деревце (1), куст (3), апельсиновый (1), гранатовые (1), олеандр (3), бугенвиллия (5), акация (1), кактус (1), подсолнух (1);

«архитектурные объекты»: синагога (3), монастырь (3), мечеть (1), дом (12), терраса (2), магазин (2), «Дешевейшие трое» (1), «Дешёвка» (1), торговый центр (1), кафе (1), «каньон» (1);

«животные»: собака (1), куры (1), утка (1), индюк (1), удоды (1), курица (1), кролик (1), павлин (1), пёс (7);

«жители города»: бедуинский (3), бедуинка (2), бедуин (5), дети пустынных холмов (1), хозяева земли (1), арабский (5), араб (4), Ибрагим (4), мальчик (1), девочка-мальчик (1), подросток (2), молодёжь (1), грузчик (1), уборщик (4), муэдзин (3), охранник (1), почтальон (1);

«транспортные средства»: минибус (1), мотороллер (1), велосипед (1), коляска (1), «вэн» (1).

К зоне дальней периферии концепта «город» в «Высокой воде венецианцев» нами были отнесены лексемы следующих лексико-семантических групп:

«цвет» (включает слова со значением цвета и оттенки цветов): белый (1), белоснежный (1), белёный (1), чёрный (8), ониксовый (1), чёрно-малахитовый (1), серый (1); оранжево-жёлтый (1), желтоватый (1), янтарно-изумрудный (1),

серо-палевый (1), пурпурно-золотой (1), золочёный (2), в золоте (2); красный (4), красно-кирпичный (3), тёмно-красный (2), буро-красно-чёрный (1), красно-белый (1), кипящее-алый (1), бордовый (1), розоватый (1), красноватый (1), рыжий (1), медно-каштановый (1), побагроветь (1), пурпур (1); синева (2), синий (3), лиловый (4), голубой (1), лазурный (1), лазурь (2), фиолетовый (1), серо-фиолетовый (1), бирюзовый (1), сизый (2); зелёный (2), зеленоватый (1); слова со значением «многоцветность»: полосатый (1), четырёхцветный (1), меняется цвет (1), цветно и акварельно (1), разобранный на мельчайшие оттенки (1), цветной (1), рябой (1), крапчатый (2); со значением яркости цвета: смутный (1), бледный (1), тускловатый (1), яркий (1), ослепительный (1), сверкающий (1); со значением степени освещённости: темно (1), тёмный (3), полутёмный (1), сумрак (1), сумеречный (2), тень (2), затенённый (1), слабый свет (1), мягкое сияние (1), посветлеть (1), освещённый (2), облитый солнцем (1), сияющий (2), пламенеющий (1);

«звук»: [звуки] аккордеона (3), поющий гондольер (1), крики гондольеров (3), «Бесамемучо» (1), «Санта Лючия» (1), «Домино» (1), колокольня (8), колокола (6), колокольный (3), звон (2), перезвон (1), густые (1), тяжёлые (1), протяжные (1), жалобные (1), тревожные (1) [звуки], изматывающий (1), окликающий зов колоколов (1), мираж (1), отражение в воде канала (1), вопрошающий гул рока (1), жалобные протяжные вопросы (1);

«погодные явления»: дождь, туман.

Кроме того, в дальнюю периферию концепта «город» вошли лексемы, характеризующие атмосферу города в целом: счастье (4), праздник (3), весёлый (2), весёлость (1), сказки Шахерезады (1), таинственный караван-сарай (1).

К зоне дальней периферии концепта «город» во «Времени соловья» нами были отнесены лексемы следующих семантических групп:

«цвет»: пунцовый (2), пунцово-чёрный (1), сиреневый (2), милосердно-сиреневый (1), розовый (4), алый (1), вишнёвый (1), бордовый (1), зелёный (2), иззелене-жёлтый (1), иссине-зелёный (1), фиолетово-синий (1), сине-жёлтый (1), голубой (1), жёлтый (1), оранжевый (1), апельсиновый (1), чёрный (2),

чёрно-белый (1), чернеть (1), чернота (1), белый (2), молочный (2), декадентского солнечного цвета «само» (1), жемчужные (1), палевые (1);

«звук» (лексемы с минимальным контекстом, фрагменты текста не повторяются): *Муэдзин окликает правоверных; Умолк тягучий стон муэдзина; Бедуинки деловито что-то обсуждают; Вопль ужаса потерявшей кошелёк провинциальной дуры; Воет обиженный бас какого-нибудь прохожего беса; Высокий полустон-полупение: – А-а-аль-те-захи-и-ин; Шаркают подошвы по тротуару; Лёгкий свист – в дело вступает флейта; И вдруг взвывает свора собак! Рычание, кашель, визг доносятся со стороны балкона; Доносится довольно слаженный хор голосов проснувшихся ослов, собак, петухов и овец; Панический вопль павлина; Павлин своим предобморочным криком испугал почтальона; Пропели петухи; Откричал осел; Взвывает свора собак; Вой шакала; неодушевлённые предметы: В облачке отдалённого шума дороги; Будут реветь грузовики, Вжикать легковушки и мотоциклы; Урчание старой колымаги; [Бедуинки что-то обсуждают], жестикулируя и позвякивая многочисленными браслетами; Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие колокольные волны; Его [юноши-бедуина] драные кроссовки бесшумны; [звук флейты] несколько мгновений стоит в тишине; Сонная тишина утра раздражает;*

«запахи»: ароматы шалфея, тысячелистника, лаванды, олив на склонах; гарь очередного пожарища очередной арабской свалки;

«температура» лексема только одна – «жара» (4 словоупотребления).

В дальнюю периферию вошли лексемы, характеризующие состояние города в целом: дрёма (1), замедляться (1), прикорнуть (1), спящий городок (1), размеренное существование (1); тесный (1), тесно (1), теснит (1), благословлять (3), благословляющий (1), проверять (1), проверяя (1).

Несмотря на различие в количестве словоупотреблений лексем, отобранных для анализа (468 в «Высокой воде венецианцев» и 253 во «Времени соловья»), можно выделить общие закономерности репрезентации концепта *город* в творчестве Д. Рубиной. В частности, наибольшее количество

лексических единиц-репрезентатов сосредоточено в зоне ближней периферии (246 и 143 в «Высокой воде венецианцев» и «Времени соловья» соответственно), далее следует зона дальней периферии (166 и 92), наименьшая по количеству лексем зона концепта – ядерная, включающая имя существительное «город» и производные от него, а также названия городов (56 и 18).

Жители города в каждом произведении охарактеризованы по роду занятий, возрасту или национальности, различия касаются только количества горожан – во «Времени соловья» не упоминаются *толпы*, которые героиня «Высокой воды венецианцев» встречает на улицах Венеции.

При описании городов Д. Рубина всегда упоминает животных, приводятся также названия улиц, транспортных средств. Названия улиц во «Времени соловья» несут большую смысловую нагрузку, в сравнении с таковыми в «Высокой воде венецианцев», отражают особенность менталитета народа, *вскормленного поэтикой библейских текстов*.

Среди лексем дальней периферии самая крупная группа – слова со значением цвета, что характерно для каждого проанализированного произведения. Далее следуют слова семантической группы *звук*.

Углублённое рассмотрение образа города в приведённых произведениях позволяет, на наш взгляд, лучше постичь заложенную в них идею, проникнуться чувствами персонажей и, конечно же, лучше прочувствовать стиль и манеру повествования автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление о концепте в современной когнитивной лингвистике продолжает формироваться, учёные рассматривают вопросы классификации концептов и выявления их структур. В ходе исследования мы основывались на определении концепта, данном исследователями З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, в котором данная ментальная единица рассматривается как результат когниции отдельного человека и общества в целом, содержит одновременно информацию энциклопедического характера (базовые сведения о реалии, отражением которой в сознании человека является концепт), оценочного (отношение индивида и общества к определённой реалии), интерпретационного (как понимается реалия индивидуумом и социумом).

Концепты обладают дискретностью, то есть в их структуре могут быть выделены составные элементы. При структурировании концепта «город» в художественных произведениях Д. Рубиной мы опирались на представления учёных о полевой организации концепта, выделяли ядерную зону, содержащую основные репрезентаты ментальной единицы, а также ближнюю и дальнюю периферию.

Классификация концептов на данный момент разрабатывается, учёные предлагают различные подходы к её представлению. По классификации В. И. Карасика концепт, репрезентируемый словом *город*, однозначно не относится к лакунарным, поскольку в русском языке (и других языках) есть лексема, которая его называет. Рассматриваемый концепт уместно отнести к категории *непараметрических*, поскольку вся совокупность лексем, через которые он репрезентируется в речи, используется для называния, а не сопоставления предметов. Город не может быть поставлен в один ряд с понятиями типа честь, справедливость, верность, поэтому относится к группе *нерегулятивов*.

Следуя классификации М. В. Пименовой, концепт *город* относится к категории *базовых социальных концептов*.

По классификации З. Д. Поповой и И. А. Стернина *город* – концепт-*представление*, содержащий потенцию развития до *гештальта*.

Лексема *город* получает схожую дефиницию в толковых словарях: *Крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр* [Ожегов, Шведова 1999: 140]; *Крупный населённый пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр* [Ушаков 1935: 276]. На основании приведённых определений для анализа концепта, вербализуемого лексемой *город*, нами были отобраны слова нескольких семантических групп: жители города, здания и архитектурные объекты, животные города, транспорт, улицы. Лексемы обозначенных групп составляют ближнюю периферию концепта. К дальней периферии были отнесены характеристики цветов, запахов, общей атмосферы, царящей в городе.

В ходе анализа репрезентации концепта в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» нами была проанализирована 181 лексема, общее количество словоупотреблений – 468.

Лексемы ядерной зоны концепта: *город, Венеция, венецианский, венецианец, Москва, Московский, Ленинградский, Ленинград, Иерусалим, иерусалимский*. Особенности авторского восприятия Венеции, отмеченные нами в ходе анализа – выделение её из числа всех прочих городов мира посредством указательного местоимения *этот* и имени прилагательного *обречённый*. Основная черта Венеции, на которой делает акцент Д. Рубина – город обречён на гибель, ничто не сможет спасти его сокрушительного наводнения через несколько десятков лет.

Все лексемы ближней периферии условно могут быть поделены на две части: одни выражают представление о Венеции как прекрасном, волшебном, городе, другие напоминают о его обречённости и неизбежной гибели. Через лексемы семантической группы «жители города» автор описывает безликую толпу (*толпа не поредела, а шла плотным косяком, она вместе с толпой и за толпой пошла по мосткам*), группы людей, охарактеризованных по какому-

либо одному признаку (*официанты, карабинеры, мавры*), а также отдельных лиц (*аккордеонист, гондольер, портье*). Описания людей позволяют автору показать Венецию как город, исполненный жизни. Венеция – это неустанно работающие гондольеры, аккордеонисты, официанты, это сотни туристов из разных стран, это дети, играющие на пристани.

То же касается лексико-семантической группы «животные». Описания животных заставляют читателя думать, что Венеции ничего не угрожает. Так, например, голуби в городе не перелетают с места на место, а *семенят, переваливаясь*, ведут себя, *как деревенские свиньи перед телегой*, собака играет с детьми и *приходит в ярый восторг* – животные наслаждаются жизнью так же, как люди.

Лексема *вода* – самая частотная из числа прочих репрезентатов концепта, она упоминается в повести 50 раз, определяется, с одной стороны, прилагательными *весёлая, мерцающая, ослепительной синевы*. С другой – прилагательными *тяжёлая, мутная, тёмная*. Именно наблюдая непродолжительное наводнение – ту самую «Высокую воду венецианцев», героиня повести подумала: «*Этот город был так же обречён, как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ... такая чепуха для бездушного времени*».

Автор перечисляет в повести несколько венецианских достопримечательностей. Лексема с наибольшей смысловой нагрузкой здесь – *дворец*. Описания дворцов наиболее ярко выражают авторскую мысль, они символизирует одновременно и необычайную красоту, и первые признаки гибели: *Величие Венеции с её вырастающими из воды прекрасными обшарпанными дворцами*, *Бежать из этого города, с его подновлёнными, но погибающими дворцами, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб*.

Перейдём к рассмотрению дальней периферии концепта. Особенность авторского восприятия города в том, что Венеция воспринимается прежде всего не как совокупность зданий или горожан, а как совокупность *цветов*. Лексем

семантической группы «цвет» в повести больше, чем лексем прочих групп. Цвета с наибольшим количеством оттенков: синий (цвет воды), красный (цвет кирпичных зданий и мостов).

При описании освещённости автор использует различные лексемы, преобладают среди них слова, указывающие на *полумрак*: тень и сумрак гармонируют с чувствами героини, которая не может забыть о смерти.

Все звуки, упоминаемые автором, можно поделить на две группы. Первая – крики гондольеров, мелодии аккордеона, венецианские песни – всё то, что передаёт чувства счастья, полноты жизни. Другая группа – звон колоколов. Он определяется как густой, тяжёлый, протяжный, жалобный, изматывающий. Когда героиня повести наблюдает наводнение, думает о своей смерти и неизбежной гибели Венеции – она слышит звон колоколов.

Мастерство Д. Рубиной, на наш взгляд, выразилось в умении провести параллель между чувствами героини, узнавшей о смертельном диагнозе, и судьбой огромного, прекрасного города. Наиболее ярко эти переплетения двух судеб проявляются при описании архитектуры (погибающие дворцы), цветов (преобладание полумрака), звуков (колокольный звон).

К ядерной зоне концепта в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» нами были отнесены лексемы *город, городок, городской, Иерусалим, иерусалимский*. Лексема *городок* трижды (лексема *город* – единожды) определяется притяжательным местоимением *наш*. Д. Рубина таким образом подчёркивает некое родство города, всех его домов, ландшафта, жителей душе лирической героини. Если лексема *город* в «Высокой воде венецианцев» определялась указательным местоимением *этот*, показывавшим непохожесть Венеции на все прочие города, выражавшим некую отчуждённость от всего мира, то во «Времени соловья» отношения, эмоции прямо противоположные. В одном местоимении *наш* звучит чувство тепла, близости.

В ходе анализа репрезентации концепта в рассказе Д. Рубиной «Время соловья» нами была проанализирована 151 лексема, общее количество словоупотреблений – 253.

Описываемый в рассказе город не называется, но автор сообщает о его расположении – около деревни Аль Азария, недалеко от Иерусалима. С одной стороны, автор делает акцент на некоей «библейской поэтике» города, на благословении, которое словно снизошло на него. С другой – на уровне периферийных деталей показывает, что «довериться» благословенному городу нельзя – в его атмосфере всегда есть некая настороженность, недоверие, отчасти ложь, а правопорядок нужно постоянно поддерживать.

Отметим в зоне ближней периферии лексико-семантическое поле «улицы». Автор приводит названия двенадцати улиц (*Дорога в Иудейской пустые, Очи, возведённые к небесам, Поющий рожок, Арфа, Флейта*) и даёт комментарий: «*Странно было бы предположить, что народ, сызмальства вскормленный поэтикой библейских текстов, может согласиться на какой-нибудь «Комсомольский тупик»*». Названия улиц ярче всего выражают «библейскую поэтику города».

Лексемы семантических групп «растения» и «ландшафт» не несут серьёзной концептуальной нагрузки, но поясняют читателю, что в городе буквально нет ни одного ровного места и что его яркая особенность – богатство растительного мира (*кусты переплетаются, выкипают пеной, сбегают по стенам*).

В описаниях архитектурных объектов прослеживается поэтичность и в то же время обманчивость города. Например, описание синагоги: «*Плетёмся мимо синагоги «Шатёр Габриэля и Рафаэля», мимо её, насквозь прорезанной светом, прохладной утробы, где качаются спины молящихся в графически белых, с чёрными полосами, талесах*». Пример обманчивости города – название магазина «Дешевейшие трое», «Дешёвка», о котором автор пишет: «Это очень дорогой магазин».

На слайде представлены лексемы семантического поля «жители города». Описания людей заставляют чувствовать настороженность и недоверие, отчуждённость этносов друг от друга например: *Христианская сестра здесь младшая, Бедуины загадочны, в отличие от арабов, которые – понятны. Они*

убеждены в том, что бедуины-то и есть хозяева этой земли. Интересны ещё несколько замечаний по поводу бедуинов: *В нашей армии бедуины служат следопытами* – словно в подтверждение подходящих для этого способностей бедуинов автор описывает походку юноши: *Мягким кошачьим шагом поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки бесшумны, и сам он гибок и проворен как ящерица*, кроме этого, бедуинов можно встретить на улицах только в полутёмные часы раннего утра: *С восходом солнца бедуины исчезают из городка*.

Самая крупная лексико-семантическая группа представлена словами со значением цвета. В этом однозначно особенность творческого метода Рубиной.

Другая черта – город наполнен самыми разными звуками. Их источниками могут быть люди, животные, неодушевлённые предметы: *Муэдзин окликает правоверных; Умолк тягучий стон муэдзина, Доносится довольно слаженный хор голосов проснувшихся ослов, собак, петухов и овец; Панический вопль павлина, Будут реветь грузовики, Вжикать легковушки и мотоциклы, глухо накатывают колокольные волны*.

Особенность описываемого города – жара. Лексема *жара* упоминается трижды, автор даёт комментарий: *Жара, жара, жара... И это конец мая! А что ждать в июле?! Что будет с нами в августе, о Боже, что будет с нами в августе?!*

Говоря о дальней периферии концепта и об общей атмосфере города, отметим следующее. Под щитом с надписью «*Наш город благословляет каждого, кто во вратах его*», цитата: «*Сидят трое парнишек, только в форме солдат. Вот они-то и благословляют каждого, рассеянно при этом проверяя*». Отметим также действия охранника «*Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в торговый центр; Он дежурно спрашивает: – Пистолет есть? – И когда вы так же дежурно отвечаете: – Нет, – наклоняется и заговорщически произносит: – Так купи два!*». Несмотря на всю библейскую поэтику в названиях улиц, стоны муэдзина, тени молящихся в окнах синагог, город во «Времени соловья» – не «обетованный», не рай на земле. Это современный

населённый пункт, где есть строгие правила для поддержания порядка и безопасности. Кроме этого, нагромождение зданий, особенности ландшафта создают ощущение постоянно тесноты: *Вообще, тесно; Теснит в груди, в плечах*.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что при описании «города» во «Времени соловья» на первый план выступают периферийные элементы его восприятия: автор делает акцент на обилии цветов города, разлитых в нём запахах, жаре на всеобщей тесноте, на многообразии звуков и почти полном отсутствии тишины, на чувстве библейской поэтики и в то же время – некоей настороженности, интуитивном ощущении недоверия между этносами, живущими бок о бок друг с другом.

Проведённый анализ позволил проследить особенности авторского восприятия городов (слайд 14). Д. Рубина делает акцент не столько на очевидных элементах городской среды, сколько на деталях, которые репрезентируют дальнюю периферию. Подробно описаны цвета, запахи, чувства, которые герои испытывают в городе (ощущение обречённости, благословенности, настороженности). Большое влияние на восприятие оказывают элементы городской среды со значительной смысловой нагрузкой: погибающие дворцы Венеции, звон колоколов, бесшумная походка бедуинов-следопытов, названия улиц.

Самые частотные (по количеству словоупотреблений лексемы) в «Высокой воде венецианцев»: *вода* (50 словоупотреблений), *канал* (22), во «Времени соловья»: *дом* (12), *гора* (11). Данные лексемы соотносятся с основными особенностями городов (Венеция – город на воде с обилием каналов, город во «Времени соловья» – это огромное множество тесно построенных домиков, расположенных на горах).

Проведённый анализ позволил отметить способы выражения Д. Рубиной представления о двух городах, особенности их восприятия автором, обобщить приёмы, используемые для создания колорита городской среды, её атмосферы,

столь неодинаковой в европейской Венеции и маленьком иудейском городе возле Иерусалима.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 267-279.

2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

3. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2 (65). – С. 74-79.

4. Виноградов В. А. Концепты: Устойчивость и подвижность (К проблеме заимствований) // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. трудов первой научной конференции памяти академика Ю. С. Степанова / Под ред. Демьянкова В. З. и др. – М.: Калуга, 2013. – С. 192-205.

5. Воевудская О. М., Попова З. Д. Словоизменительные концентры в лексической системе языка (на материале русских лексем свет/тьма, темнота и английских лексем light/dark, darkness) // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 2. – Тамбов, 1999. – С. 81.

6. Воркачёв. С. Г. Концептология концепта: к плюрализму в лингвистике // Филологические науки. Сер.: Филол. науки. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2003. – № 4. – С. 10-15.

7. Воркачёв С. Г. Лингвокультурная концептология и её терминосистема. (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. №3 (49). – С. 12-20.

8. Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологичского анализа. – Краснодар, 2002. – 142 с.

9. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Монография. – М. Гнозис, 2004. – 192 с.

10. Воркачёв С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. – С.115-124.

11. Грищук Е. И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. – Вып. 2. – Воронеж, 1999. – С. 80-82.

12. Карасик В. И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с.

13. Карасик, В. И. Культурные концепты: проблема ценностей / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3-16.

14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Ю. Н Караулов – М.: Наука, 1987. – 261 с.

15. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб, 2004. – 240 с.

16. Клевцова О. Б. Феномен человеческого тела как принцип лингвистической реконструкции мира / Тюменский государственный университет. Институт гуманитарных наук. – Тюмень, 2012. – 190 с.

17. Красных В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. – Часть 1. – Тамбов, 2000. – С. 53-55.

18. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Часть 1. – Тамбов, 1999. – С. 6-13.

19. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Пер. с англ. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988 – С. 12-21.

20. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., Academia, 1997. – С. 280-287.

21. Миллер Л. В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дисс. … д-ра филол. наук. СПб., 2004. – 303 с.

22. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1977. – С. 11-35.

23. Мак-Кормак. Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. – С. 358-386.

24. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Наука, 2011. – 296 с.

25. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

26. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.

27. Пименова М. В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004. – 208 с.

28. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Вып. 2(54). Т.2. – С. 127-131.

29. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.

30. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

31. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике – Воронеж, 2001. – 191 с.

32. Рябцева Н. С. «Вопрос»: Прототипическое значение и концепт // Логический анализ языка. Культурные концепты – М.: Наука, 1991. – С. 72-77.

33. Савицкий В. М. Идея, схваченная знаком: несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия – Самара: ПГСГА, 2012. – 124 с.

34. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.

35. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.

36. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: Монография. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

37. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., Молодая гвардия, 1995. – 352 с.

38. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. – 825 с.

39. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). – С. 742-745.

40. Фещенко В. В. О стиле учёного: Научная и художественная образность в работах Ю. С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. трудов Первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова / Под ред. Демьянкова В. З. и др. – М.; Калуга, 2013. – С. 57-67.

СЛОВАРИ

41. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., дополненное, – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

42. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

43. Рубина Д. И. Высокая вода венецианцев. – М.: Эксмо-Пресс, 2016. – 176 с.

44. Рубина Д. И. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2011. – 336 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагменты текстов из произведений Д. Рубиной, содержащие языковые выражения концепта «город»

Контексты из повести «Высокая вода венецианцев», содержащие языковые выражения концепта «город»

Контексты, содержащие языковые выражения ядерной части концепта:

1. *Просто у японцев, она слышала, короткие отпуска* и каникулы, а мир так велик, и так много в нём **городов**, соборов, статуй и картин, которые нужно осмотреть...

2. Безумные и прекрасные люди, зачем-то построившие на воде **этот город**, похоже, вообще игнорировали саму идею разделения стихий, словно и сами поднялись со дна лагуны.

3. **Город** сконцентрирован, сжат каналами, свёрнут, как раковина, повёрнут к Богу.

4. По сравнению с **Москвой**, **Ленинград** представал очень заграничным, очень прогрессивным **городом**.

5. **Этот город**, с душой мужественной и женской, был так же обречён, как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ... такая чепуха для бездушного безграничного времени!

6. И опять, как в первые минуты, её настиг соблазн – ступить: с причала, с набережной, с подоконника – уйти бесшумно и глубоко в воды лагуны, опуститься на дно, слиться с этим обречённым, как сама она, **городом**, побрататься с **Венецией** смертью...

7. И, чтобы заставить себя опомниться, пошла по направлению к мосту Академии, потом в сторону вокзала и долго бродила как можно дальше от площади, от своего отеля, от могучего образа всеохватного наводнения, погружения, исчезновения **города** в водах лагуны.

8. Бежать, думала она, бежать из **этого города**, с его призраками, с высокой водой, способной поглотить все своей тёмной утробой, с его подновлёнными, но погибающими дворцами, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб...

9. Бежать из **этого обречённого города**, свою связь с которым она чувствует почти физически.

10. Миша уходил, бросал её, он пожелал остаться ей чужим в **этом** обречённом **городе**, вернее, таинственном **городе обречённых**, на летучем острове в лагуне.

11. Надо было дожить отпущенное ей время, как доживал **этот город**: щедро, на людях. В трудах и веселье.

12. – Вот то, за чем я охочусь! Добро пожаловать в **Венецию**!

13. – А там не холодно сейчас? – спросила она, уже понимая, что – конечно, конечно – **Венеция**! Именно **Венеция**! Как она могла жить до сих пор, ни разу не быв в **Венеции**!

14. «Да это притон! – сказала она себе весело. – Меня тут ограбят, убьют, столкнут в канал, и дело с концом. Смерть в **Венеции**!»

15. Здесь, как почти везде в **Венеции**, не было ни ограды, ни даже столбиков.

16. Отсюда, если смотреть из полутьмы собора, в проёме двери плескалась ослепительной синевы вода лагуны и цветно и акварельно на горизонте лежала **Венеция**.

17. Островки и острова, сама светлейшая **Венеция** – всё лежало как на ладони: великолепие сверкающей синевы, голубизны, бирюзы и лазури, крапчатые коврики черепичных крыш, остро заточенные карандашики колоколен, тёмная клубистая зелень садов на красноватом фоне окрестных домов...

18. Не будем мелочиться: я в **Венеции**...

19. Величие **Венеции** с её вырастающими из воды прекрасными обшарпанными дворцами, с её безумными художниками, с этим её Тинторетто, готовым расписать небо... её зыбкость, прекрасная обветшалость, погрузившиеся в воду, скользкие и зелёные от водорослей нижние ступени лестниц, её бесчисленные мосты...

20. И опять, как в первые минуты, её настиг соблазн – ступить: с причала, с набережной, с подоконника – уйти бесшумно и глубоко в воды лагуны, опуститься на дно, слиться с этим обречённым, как сама она, городом, побрататься с **Венецией** смертью...

21. И всё время, пока наблюдала рабочую, рассветную жизнь этого уголка **Венеции**, пока стояла под горячим душем, пока расчёсывалась, пока одевалась, она старалась угадать, заступил ли на дежурство Антонио.

22. Закрыв ставни, нахохлившаяся **Венеция** ёжилась под ударами ветра, рассыпающего мелкий холодный дождь, как пригоршни голубиного корма.

23. Оглядывалась и смотрела на шлейф **Венеции** за плечом, на вздымающиеся в небо фанфары печных труб.

24. В десятом часу вечера она вышла из здания **венецианского** вокзала к причалу, где, – как ей объяснили в поезде, – должна была сесть на речной трамвай или, как здесь говорили, – вапоретто – номер один.

25. Смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких **венецианских** окон дворец, или вдруг вырастал и чёрной тенью проплывал над головой мост Риальто, – сердце её беззащитно взмывало, губы приоткрывались, выдавливая тихий стон восторга, и она падала, падала, как в детстве в Луна-парке, в сладко холодящую живот пропасть...

26. И пошла на свет этого праздника, вдоль витрин с горячей ослепляющей лавиной цветного **венецианского** стекла, вдоль переливов пурпурно-золотого, лазурного, кипяще-алого, янтарно-изумрудного...

27. Живопись **венецианской** школы.

28. И вздрогнула, внезапно вспомнив, что среди студентов Академии у Антоши была кличка "Итальянец", за пристрастие к художникам **венецианской** школы.

29. Она подумала: как жаль, что у неё нет сочинительского дара, а то бы написать рассказ, который весь – как **венецианская** парча, вытканная золотом.

30. Небо, словно выдутое из **венецианского** стекла, ещё горячее внизу, у искристой кромки канала, вверху уже загустевало холодной сизой дымкой.

31. "Под моими окнами – узкий канал, Рио де Сан-Джулиано, один из сорока пяти **венецианских** каналов.

32. Здесь я и **венецианских** мавров видала – на набережной пьяцетты они беспатентно торгуют сумками кустарного производства.

33. Вот вам мои первые **венецианские** впечатления.

34. Старинные лампы, кошельки, камеи, ножи и вилки, старое тускловатое **венецианское** стекло, по большей части тёмно-красное или синее.

35. Вообще, это была весёлая площадь с лавочками и мастерскими, торгующими **венецианским** стеклом.

36. Площадь – даже посреди этой тотальной **венецианской** обшарпанности – выглядела особенно убогой, запущенной и, несмотря на развешанное кое-где под окнами бельё, – брошенной людьми...

37. **Венецианская** маска, думала она, притягивает и отталкивает своей неподвижностью, фатальной окаменелостью черт.

38. – Да, – сказала она вслух, – вот этого мне здесь и недоставало. Это уже **венецианский** карнавал по полной программе.

39. Всё это было так давно, господи, и вот, когда её собственная жизнь истончилась до этих трёх дней **венецианской** обречённой свободы, в этом круге потустороннего света Антоша подстерёг её, всплыл из глубины её судьбы.

40. "Деревянные мостки, сложенные штабелями на пьяцца Сан-Марко, – быстро писала она, – свидетельствуют о том, что **венецианцы** всегда готовы к появлению своей "высокой воды".

41. Ты только посмотри, объяснял ей когда-то Антоша в их бесконечных блужданиях по площадям Эрмитажа, руки на картинах **венецианцев** – возьми Тициана, Веронезе, Тинторетто или Джорджоне – не менее выразительны, чем лица.

42. И вновь она зачарованно следила за лёгкими взмахами его длинной ладони... и опять подумала о бессмертных руках **венецианцев**, с первых минут здесь державших её в поле своей пластической магии.

43. А сезонное наводнение, в которое я просто обязана по времени угодить, переведено буквально с "аква альта" как "высокая вода **венецианцев**".

44. – Ну что ж, – сказала она, неизвестно к кому обращаясь, – следующим номером вашей программы – "Высокая вода **венецианцев**".

45. Вообще, руки у **венецианцев** – главная часть души.

46. – Какая-то... скучная, нет? – с сомнением спросила она, между тем зачарованно следя за его вкрадчивыми приглашающими руками истинного **венецианца** и на плывущую к ней, парящую в его руках и одного с руками цвета маску.

47. Рита, святая душа, неродная бабка, преданная мачеха их с Антошей отцов, – как она любила, как похвалялась своими внуками: один – **ленинградский**, другая – **московская.**

48. По сравнению с **Москвой**, **Ленинград** представал очень заграничным, очень прогрессивным городом.

49. Потом пришла эта беда с Антошей, и он несколько раз таки являлся к Рите ночным из **Ленинграда** – требовать денег.

50. ...просто она вспомнила последнюю встречу с Антошей: тот приехал из **Ленинграда** – уже неизлечимо плохой, с трясущимися руками, невыносимый, грубый.

51. Она стала приезжать на каникулы в **Ленинград**, тем более что Антоша, который был на четыре года старше неё, поступил в Академию.

52. Это ж не **Иерусалим**.

53. Солнечный **иерусалимский** полдень, третье ноября, вторник...

54. – Из **Иерусалима**, – сказала она и с удовольствием, с тайным удовлетворением услышала благоговейный возглас.

Контексты, содержащие языковые выражения ближней периферии концепта. Лексико-семантическая группа *жители города*:

55. **Толпа** не поредела, а шла плотным медленным косяком.

56. **Одна толпа** вываливалась на набережную, **другая** торопливо заполняла палубу.

57. Она вместе с **толпой** и за **толпой** пошла по мосткам.

58. Исчез в **толпе** туристов.

59. Поверх **толпы**, над фонарями, над витринами она прочла разухабистую неоновую вывеску.

60. Пошла, обожая **официантов**.

61. Мимо то и дело проскакивали **официанты** из ресторана.

62. **Постояльцев** – в основном японских **студентов** – обслуживали две приземистые **таиландки**.

63. К плавучей пристани дважды причаливал вапоретто, привёз только парочку японских **студентов**.

64. Когда **карабинеры** совершают облаву.

65. **Карабинеры**, раскинувшись вольно на корме, что-то жуют.

66. Построилась рота **карабинеров**.

67. И **все** [**карабинеры**] не очень дружно поворачивались то вправо, то влево.

68. Со стороны Сан-Марко **торговцы** торопливо везли тележки с нераспроданным товаром.

69. Появились ремонтные **рабочие** и повторилась вчерашняя утомительно-кропотливая разгрузка-погрузка.

70. Снизу долетали предупреждающие крики **гондольеров**.

71. Группы горластых **подростков** в карнавальных колпаках.

72. На **пожилых** краснолицых **немцев**.

73. Жилистых американских **старух**.

74. Три **подростка** … бродят по колено в воде.

75. Возбуждённые возгласы **подростков**, нанявших вскладчину гондолу.

76. [Пошла, обожая] **туристов**.

77. Выплыли двое **пассажиров**.

78. Не слишком многочисленные **туристы** прыгали по мосткам, как воробьи.

79. И венецианских **мавров** видала.

80. **Мавры** бросают весь товар и бегут врассыпную.

81. Возле **матроса**, который на частых остановках ловко **набрасывал** на деревянную сваю канат, мгновенно **вязал** морской узел, **подтягивая** вапоретто к причалу.

82. **Аккордеонист, разворачивающий мехи.**

83. Глядя вниз, на **женщину, раскладывающую** на лотке пучки бледного редиса.

84. Один такой [**торговец**] быстро **катил** свой лоток с наваленными горкой цветными колпаками, платками и дешёвыми масками – **бежал** внаклон, как бы **догоняя** свою тележку, одновременно **пытаясь укрыть голову** под её полосатым навесом.

85. **Смутный, в чёрных** брюках и полосатой тельняшке, **ворочал веслом поющий гондольер.**

86. Наблюдала одного такого **бравого гондольера**. Он **наклонился, лысина его побагровела**, стало видно, что он уже **пожилой человек** и **зарабатывает** на жизнь тяжёлым, в сущности, трудом.

87. **Подавала девочка лет пятнадцати, некрасивая, длинноносая**, этакий девчачий **Буратино**. **Подпрыгивая, пришаркивая**, как в классы играла, она бегала от одного столика к другому, **вытаскивала** из кармашка блокнотик, что-то **вычёркивала**, **записывала, убегала, прибегала**. И, **спрашивая**, близко **наклонялась** к клиенту, **улыбалась, подмигивала**, острым носом **лезла** в тарелку, **проверяя**, всё ли в порядке. Кажется, ей страшно **нравилась** её работа.

88. Показался **старик в голубом белье** и, **глядя** вниз, медленно **закрыл** обшарпанный солнцем ставень.

89. **Безмолвный таиландский дракон с базедовой болезнью подаёт** мне сухой круассан.

90. **Рыжий дюжий капитан с обнажённой шпагой выкрикивал команды**.

91. **Трубач в штатском, в** застиранном **свитерке** очень точно, нежно и сильно **выпевал** длинные музыкальные фразы.

92. **Рабочий в дождевике выбрасывал** из подъездов в катер мешки с гремящим содержимым.

93. **Две девочки, лет пяти и семи**. Обе они были в лёгких **пальтишках** и, что-то **выкрикивая** или **припевая**, по очереди **прыгали** с палубы катера.

94. На порог вышел **молодой человек** в чёрной **кипе**, **оглядел** её, пригласительно **махнул** рукой: "Прего, синьора!".

95. **Стоял священнослужитель в коричневой рясе** и приветливым жестом **приглашал** её внутрь.

96. **Звонарь** Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все колокола вверх и в обратном порядке.

97. **Он улыбнулся** […] Но этому **парню**, длиннорукому **арфисту, богачу, владельцу** этой лагуны, **этому – равному** – ей захотелось сделать подарок.

Лексико-семантическая группа *животные*:

98. Снизу от воды поднимались детские голоса и восторженный **собачий лай.**

99. Тут же мельтешила суетливым пушистым хвостом чёрная **собачонка**, с каждым прыжком приходившая в такой ярый восторг, что **лай** становился нестерпимым – браво, брависсимо, брависсимо.

100. **Щенок** подстерёг её на Калле Каноника, на ступенях одной, уже запертой к ночи сувенирной лавочки.

101. **Щенок** сидел на верхней ступени крыльца и молча дрожал крупной дрожью.

102. О**н** [щенок] заискивающе лизнул ей руку, как-то сразу примащиваясь, удобно усаживаясь на сгибе локтя, как ребёнок.

103. Она прошла всю площадь, уклоняясь от низко летающих **голубей.**

104. **Голуби** на Сан-Марко не летают, а семенят, переваливаясь.

105. Утром на водостоке под её окнами ворчливо и хмуро переругивались **голуби.**

106. С крыш, портиков, колонн на омытую водой площадь слетелись **голуби.**

107. Не вспархивают из-под ног туристов, а просто отходят, - вообще, ведут себя, как **деревенские свиньи** перед телегой.

108. Мгновенно на локоть слетелись эти **безмозглые приживалы.**

Лексико-семантическая группа *транспорт*:

109. Минут тридцать она стояла на ступенях вокзала, пытаясь совладать с собой, шагнуть и начать жить в этом, театрально освещённом светом лиловых фонарей, сумеречном мире, созданном из бликов тёмной колыхающейся воды, из частокола скользких деревянных свай с привязанными к ним **гондолами** и **катерками**.

110. И замыкают флотилию два **катерка**-фраерка для порядку.

111. Обе они [девочки] были в лёгких пальтишках и, что-то выкрикивая или припевая, по очереди прыгали с палубы **катера** на каменные плиты подъезда.

112. Там и жили две девочки, так бесстрашно плясавшие сегодня утром по шаткой палубе **катера**.

113. По Гранд-каналу плывёт флотилия: впереди **катер** полиции – на носу полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет **яхты, гондолы, вапоретто.**

114. Следом – мощный грузовой **катер** тянет на тросах баржу.

115. Сначала к подъезду соседнего дома подкатил **катер**-мусорка.

116. Утром она опять с пристрастным интересом наблюдала, как в сизом дырявом пару тумана **катер**-мусорка объезжал подъезды.

117. Двое мужчин в жёлтых дождевиках боком пришвартовали **катер.**

118. Минут через десять после мусорки к другому дому протарахтел замызганный **катер,** гружённый мешками, досками, ящиками.

119. Долго приноравливался боком к узкому дощатому причалу, наконец примостился, и паренёк в таком же прорезиненном, блестящем от дождя плаще, подняв на закорки тяжёлый мешок, ступил на доску, перекинутую с борта **катера** на причал, и, напрягшись, балансируя, одним движением ловко забросил мешок в парадное.

120. Рабочий в дождевике выбрасывал из подъездов в **катер** мешки с гремящим содержимым.

121. Порожняя тара вынесена, погружена в **катер**, и бригада споро оттарахтела дальше по каналу...

122. Она уезжала на **катере** в аэропорт.

123. Вскоре **гондола** ушла под мостик.

124. Из-под моста одна за другой, привязанные, как лошади, кивали золочёными гребешками **гондолы**.

125. Вечерами по нему всё время ходят **гондолы**.

126. **Гондолы** длинные, чёрные, лакированные, сиденья внутри обиты красным бархатом.

127. И узкие, как турецкие туфли, **гондолы**, и фанфары старинных печных труб... – всё обречено.

128. – О-и! – крикнул гондольер перед тем, как завернуть за угол дома напротив, оттолкнулся от стены ногой в кроссовке и, выровняв **гондолу**, запел ещё надрывнее.

129. Значит, кто-то из безумных туристов, несмотря на дождь, нанял **гондолу**.

130. Снизу долетали предупреждающие крики гондольеров и возбуждённые возгласы подростков, нанявших вскладчину **гондолу**.

131. Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу улицы-канала **гондолы**...

132. Иногда в гондоле стоит роскошный стул, обитый парчой.

133. Минут тридцать она стояла на ступенях вокзала, пытаясь совладать с собой, шагнуть и начать жить в этом, театрально освещённом светом лиловых фонарей, сумеречном мире, созданном из бликов тёмной колыхающейся воды, из частокола скользких деревянных свай с привязанными к ним **гондолами**.

134. Из-под моста справа показался загнутый турецкой туфлей нос **гондолы**.

135. Уйти на дно лагуны, раствориться в гобеленовой пасторали лодочек и **гондол**.

136. На Сан-Марко **вапоретто** опустел почти полностью.

137. И уже минут через пять **вапоретто** влёк её по маршруту.

138. К плавучей пристани дважды причаливал **вапоретто**.

139. Она стояла у поручня, возле матроса, который на частых остановках ловко набрасывал на деревянную сваю канат, мгновенно вязал морской узел, подтягивая **вапоретто** к причалу.

140. Должна была сесть на речной трамвай или, как здесь говорили, - **вапоретто**.

141. Студенты отбыли на втором **вапоретто**.

142. Она ахнула, как час назад, на **вапоретто**.

143. И позже, когда всё-таки, пересилив себя, взяла билет и ступила на палубу **вапоретто**.

144. Была ещё маленькая гавань, приткнувшаяся к маяку, в которой уютно покачивались рядком несколько **яхт**.

145. Полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет **яхты**.

Лексико-семантическая группа *вода*:

146. […] рампы дворцов, встающих из **воды**.

147. Над **водой** разносилась надрывная "Бесамемучо".

148. В **воде**, как желе, подрагивали облитые солнцем верхние этажи.

149. Снизу от **воды** поднимались детские голоса.

150. Ступени которого уходили прямо в **воду**.

151. Поскользнуться, оступиться и уйти под **воду** было настолько легко.

152. За частоколом косо торчащих из **воды**, полусгнивших брёвен.

153. В сияющем контражуре утра из **воды** вырастало некое видение.

154. Каменные ступени так страшно и так обыденно уходили в **воду.**

155. Люди, зачем-то построившие на **воде** этот город.

156. На **воду** лёг бирюзовый язык света.

157. Всё это ежесекундно менялось, таяло, дрожало в стеклянной **воде** канала.

158. Мостик в **воде** колыхался люлькой, парил над небом – в **воде.**

159. "О-ои! О-ои!" – разносится над **водой** каналов.

160. Они [гондольеры] вращают весло в **воде.**

161. Мираж, отражение в **воде** канала.

162. Вот, что носится здесь над **водой** каналов.

163. Величие Венеции с её вырастающими из **воды** прекрасными обшарпанными дворцами.

164. Зыбкость, прекрасная обветшалость, погрузившиеся в **воду.**

165. Уйти бесшумно и глубоко в **воды** лагуны.

166. Исчезновения города в **водах** лагуны.

167. Три подростка бродят по колено в **воде.**

168. Пар поднимался от **воды.**

169. Камеры как камеры, думала она, только чертовски холодно – оно и понятно, ниже уровня **вод.**

170. Бой колокола в лоне тяжёлых **вод** лагуны.

171. В сумеречном мире, созданном из бликов тёмной колыхающейся **воды.**

172. Это игра **воды** внизу.

173. Стоит она в любовных объятиях **воды.**

174. Как меняется цвет **воды** в канале.

175. Вонь застоявшейся **воды.**

176. Бежать из этого города, с его призраками, с высокой **водой.**

177. Воспрявшая после спада **воды**, вечно оживлённая публика.

178. Как **воды**, прорвавшие дамбу.

179. Окна её комнаты выходили в улицу-ущелье, дном которого оказалась мерцающая кварцевыми слитками **вода** канала.

180. Внизу тесно плескалась весёлая бутылочная **вода** канала.

181. В проёме двери плескалась ослепительной синевы **вода** лагуны.

182. Как тяжёлая **вода** каналов.

183. Рябая **вода** канала, облезлые, в соляной кромке стены домов – всё было погружено в моросную дымку.

184. Будто **вода** божественной лагуны была разобрана на мельчайшие оттенки.

185. На Калле дель Анжело **вода** уже доходила ей до щиколоток.

186. Следующим номером вашей программы – "Высокая **вода** венецианцев".

187. В этот раз **вода** поднялась особенно высоко.

188. На закате дождь иссяк, **вода** ушла.

189. С площади ушла **вода** лагуны.

190. **Вода** поднималась и доставала уже до края мостков.

191. На омытую **водой** площадь слетелись голуби.

192. Площадь была залита мутной, подёрнутой рябью, **водой.**

193. Венецианцы всегда готовы к появлению своей "высокой **воды**".

194. Та грань, что отделяет воздух от **воды.**

195. Это **вода** в канале, поняла она

196. Утром на **водостоке** под её окнами ворчливо и хмуро переругивались голуби.

197. А сезонное **наводнение** переведено буквально с "аква альта" как "высокая вода венецианцев".

198. Осень, не сезон, возможны **наводнения.**

199. Ничего, кроме крошечных фонтанчиков, не указывало на возможное **наводнение.**

200. Она подумала, что завтра увидит, наверное, настоящее **наводнение.**

201. От могучего образа всеохватного **наводнения.**

Лексико-семантическая группа *улицы*:

202. На **Калле дель Анжело** вода уже доходила ей до щиколоток.

203. **Фата-Моргана**, укутанная в холодный пар лиловых фонарей, медлила на переходе к ночи.

204. Щенок подстерёг её на **Калле Каноника.**

205. Она поднялась на мостик и узкой извилистой **Калле дель Форно** вышла на людную площадь.

206. "Под моими окнами - узкий канал, **Рио де Сан-Джулиано**, один из сорока пяти венецианских каналов.

207. Впрочем, студенты, упругим шагом обойдя площадь и примыкающую к ней **улицу-набережную**, достали путеводитель.

208. Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу **улицы-канала** гондолы.

209. Хожу по **улицам** с русским путеводителем.

210. Кто привёл сюда и кружил её по этим **улицам** и каналам, и терзал, и насылал призраков.

211. Она резко толкнула входную дверь и вышла на **улицу.**

212. Кто привёл сюда и кружил её по этим улицам и **каналам**.

213. Убьют, столкнут в **канал**; Труп выбросят в **канал**.

214. "О-ои! О-ои!" – разносится над **водой** каналов – то ли крик боли, то ли стон любовный.

215. На каждом повороте **канала** сердце её беззащитно взмывало.

216. Отсюда был виден и **канал**, протекающий вдоль одного из зданий.

217. Опутывая шпили, крыши, купола, **каналы**.

218. **Мерцающая кварцевыми слитками вода** канала.

219. Внизу тесно плескалась о кирпичные стены домов, с кромкой соляной накипи, **весёлая бутылочная вода** канала.

220. У **искристой кромки** канала.

221. Всё это ежесекундно менялось, таяло, дрожало **в стеклянной воде** канала.

222. **Рябая вода** канала.

223. **Мерцающая кварцевыми слитками** вода канала.

224. **Бутылочная вода** канала.

225. Воздушная струйка пылинок бежала вдоль **голубовато-зелёной зеркальной рамы**... Это вода в канале, поняла она.

226. Смотрела, как меняется цвет воды в канале, как вспыхивают и **маслянисто колыхаются тяжёлые блики**.

227. Где-то неподалёку, очевидно, чистили канал – сюда доносилась вонь **застоявшейся воды**, перегнивших водорослей и нечистот.

228. Она стояла у окна и смотрела на крыши, балконы и трубы, на плывущие понизу улицы-канала **гондолы**.

229. По Гранд-каналу плывёт **флотилия**: впереди катер полиции – на носу полицейский свистками и яростной жестикуляцией разгоняет яхты, гондолы, вапоретто, заставляя их прижаться к берегу.

230. **Бригада** споро **оттарахтела** дальше по каналу.

231. Под моими окнами – узкий **канал**, Рио де Сан-Джулиано, один из сорока пяти венецианских каналов. **Вечерами по нему всё время ходят гондолы. Иногда целыми флотилиями – по четыре, по пять**.

232. Упираясь в здание гостиницы, **канал затем уходил вправо,** и там его гребешком седлал ещё один мосток под двумя фонарями.

Лексико-семантическая группа *архитектура:*

233. Арочные галереи **Новых прокураций** ещё оставались в тени, но портики уже были освещены солнцем.

234. Потом, влекомая потоком какой-то группы, она зачем-то спустилась в подземелье, где туристам демонстрировались застенки знаменитой **тюрьмы – Поцци**.

235. На **Сан-Марко** какие-то люди споро расставляли мостки, выстраивая дорожку от входа в Собор.

236. Через Бумажные ворота **Дворца дожей** она вошла в арочную галерею двора.

237. А печные трубы, расширяющиеся кверху (например, на крыше **палаццо Дарио**), совершенно такие же и, я думаю, даже те же, что и на картинах Карпаччо.

238. И, чтобы заставить себя опомниться, пошла по направлению к **мосту Академии**, потом в сторону вокзала и долго бродила как можно дальше от площади.

239. Вырастал и чёрной тенью проплывал над головой **мост Риальто**.

240. **Церковь Сан-Джорджо Маджоре** – красно-белая вертикаль колокольни и белоснежный портал с мощным, грузно лежащим куполом.

241. Сначала ударили на колокольне **Сан-Марко**, и минуты две на одной гудящей ноте гул раскачивал сам себя, потом с колокольни одной из соседних церквей – **Сан-Джулиано** или **Санта-Мария Формоса** - стали выпадать равномерные густые басы.

242. Бежать, думала она, бежать из этого города, … с его подновлёнными, но погибающими **дворцами**, с их треснувшими рёбрами, стянутыми корсетом железных скоб.

243. Величие Венеции с её вырастающими из воды прекрасными обшарпанными **дворцами**.

244. На фоне выхваченных слабым светом невидимой рампы **дворцов**, встающих из воды.

245. Едва из сырого тумана выплывал новый, мягко подсвеченный, смутно-кружевной, с чёрными провалами высоких венецианских окон **дворец.**

246. За работающими гондольерами забавно наблюдать с **мостиков**.

247. Проплывая под **мостиками** [гондольеры], наклоняются.

248. Сегодня, стоя на **мостике**, я наблюдала.

249. Она вместе с толпой и за толпой пошла по **мосткам**.

250. Из-под **моста** справа показался загнутый турецкой туфлей нос гондолы. Вскоре гондола ушла под **мостик** впереди и скрылась.

251. По **мосту** Академии выйдете прямо к ней.

252. Из-под **моста** одна за другой, привязанные, как лошади, кивали золочёными гребешками гондолы.

253. Петлять по **мосткам**.

254. Люди споро расставляли **мостки**.

255. Она поднялась на **мостик**.

256. Её [Венеции] бесчисленные **мосты**.

257. Пока шла по **мосткам**.

258. Туристы прыгали по **мосткам**.

259. Пошла по направлению к **мосту** Академии.

260. Она стояла на **мостике**.

261. **Мостки** были мгновенно разобраны.

262. Круглился **мостик** под единственным, манерно изогнутым фонарём.

263. Там его гребешком седлал ещё один **мосток** под двумя фонарями.

264. Вчерашний **мост**, как вздыбленный жеребёнок.

265. **Мостик** в воде колыхался люлькой.

266. С высоты колокольни эти **мостки**, должно быть, напоминали застывшую муравьиную дорожку, бегущую из переулков, огибающую площадь и уводящую в арки собора.

267. Деревянные **мостки**, сложенные штабелями на пьяцца Сан-Марко.

268. Вода поднялась особенно высоко, она заплёскивалась даже на деревянные **мостки**, выстроенные по периметру площади.

269. Дрожал красно-кирпичный **мостик**.

270. Долго она стояла на **мостике**, локтями опершись на деревянные простые перила.

271. И так же как с площади ушла вода лагуны, смятение и страх, весь день гнавшие её по хлипким **мосткам** с одной улочки на другую, ушли.

272. Почти бегом припустил к **мостику**, впадавшему в узкий переулок, и сразу же исчез в толпе туристов.

273. На одной из улочек в Санта-Кроче она наткнулась на витрину **магазина масок и карнавальных костюмов**.

274. Пообедала она в маленькой **траттории** на углу уютно-семейной, с трёх сторон укрытой домами, площади.

275. Она повернула и пошла в сторону Сан-Марко тесной, ещё по-утреннему затенённой улочкой, мимо **кондитерских** и **кафе**, где на вертелах уже пустились в свой торжественный менуэт бледные куриные тушки.

276. Она прочла разухабистую неоновую вывеску: "У ангела" – это оказался большой шумный **ресторан**, забитый публикой, и она испугалась, что Саша всё напутал, и ей теперь некуда приткнуться, но вдруг (всё происходило мгновенно, хотя и плавно и нереально, как по течению сна) за углом **ресторана** различила ещё одну боковую дверь и ринулась к ней.

277. Но позже, когда, спустившись в холл, вдруг увидела его [Антонио] в узком коридоре, соединяющем холл гостиницы с **рестораном.**

278. В **ресторане**, конечно, есть... но как бы нас с тобой не попёрли.

279. Она забрела в **дорогой бар**, в арках Старых прокураций, и долго тянула напёрсточек кофе за немыслимую цену.

280. Она ошалело пошла в указанном направлении … уже обожая эту площадь … и мотивчик старенького колченогого фокстрота из открытых дверей полутёмного **бара.**

281. В **витрине** красовались на безголовых манекенах несколько роскошных костюмов.

282. Над **витринами** она прочла разухабистую неоновую вывеску.

283. Наткнулась на **витрину** магазина масок и карнавальных костюмов.

284. Вазы, цветы, причудливые рыбы и животные переливались под электрическим светом **витрин.**

285. Вдоль **витрин** с горячей ослепляющей лавиной цветного венецианского стекла, искромётные витрины.

Контексты, содержащие языковые выражения дальней периферии концепта. Лексемы семантической группы *цвет*:

286. **Белая** к горизонту лагуна.

287. **Белые** маски.

288. К **белому** горизонту.

289. **Белоснежный** портал.

290. **Белоснежная** громада.

291. Над **белёными** стенами.

292. Грубо **белённой** камере.

293. Под **чёрным** небом.
294. В чёрных брюках.
295. **Чёрная** собачонка.
296. **Чёрные** балки потолка.
297. Портье в **чёрной** шляпе.
298. Шляпа с **чёрной** лентой.
299. **Чёрные** брюки.
300. **Чёрные** гондолы.
301. **Ониксовая** лагуна.
302. **Чёрно-малахитовая** лагуна.
303. В **сером** небе.
304. Освещённые **оранжево-жёлтым** светом.
305. Всё облагорожено **желтоватым** обливным светом трёх бронзовых ламп.
306. Всё было залито **желтком** солнца.
307. Вдоль переливов **янтарно-изумрудного.**
308. Хоровод **серо-палевых** колонн.
309. Вдоль переливов **пурпурно-золотого.**
310. В **золоте** мозаик.
311. Кивали **золочёными** гребешками гондолы.
312. **Золочёные** морские коньки.
313. Кипящее **золото** утра. Венецианская парча, вытканная **золотом.**
314. Несколько зданий из **красного** кирпича.
315. Шляпа с **красной** лентой.
316. Сиденья обиты **красным** бархатом.
317. Маску с **красным** клювом.
318. Дрожал **красно-кирпичный** мостик.
319. С островками **красно-кирпичной** кладки.
320. В **красно-кирпичных** язвах.
321. На **краснолицых** немцев.
322. **Тёмно-красное** стекло.
323. **Буро-красно-чёрная** короста черепицы.
324. **Красно-белая** вертикаль колокольни.
325. Вдоль переливов **кипяще-алого.**
326. Покрытие некогда **бордового** цвета.
327. Хоровод **розоватых** колонн.

328. На **красноватом** фоне окрестных домов.
329. Лысина его **побагровела.**
330. **Рыжий** капитан.
331. На **бордовой** дорожке.
332. **Медно-каштановые** пряди волос.
333. Венецианская парча, вытканная **пурпуром.**
334. **Синие** озерца.
335. **Синяя** плоскодонка.
336. **Синее** стекло.
337. Великолепие сверкающей **синевы.**
338. Ослепительной **синевы** вода лагуны.
339. Пар **лиловых** фонарей.
340. Светом **лиловых** фонарей.
341. **Лиловые** тройные фонари.
342. **Лиловый** шлейф фонарей.
343. Хоровод **голубоватых** колонн.
344. Великолепие сверкающей **голубизны.**
345. Старик в **голубом** белье.
346. Великолепие сверкающей **лазури.**
347. Венецианская парча, вытканная **лазурью.**
348. Вдоль переливов **лазурного.**
349. Этажи ещё погружены были в глубокую **фиолетовую** тень.
350. Вспугнув двух **серо-фиолетовых** голубей.
351. Великолепие сверкающей **бирюзы.**
352. **Бирюзовый** язык света.
353. **Сизой** дымкой.
354. В **сизом** пару.
355. Хоровод **зеленоватых** мраморных колонн.
356. Освещённые изнутри **зелёные** гардины.
357. **Зелёные** от водорослей ступени.
358. В **полосатой** тельняшке.
359. **Не крашенная** стойка.
360. **Четырёхцветные** шутовские колпаки.
361. Смотрела, как **меняется цвет** воды в канале.
362. **Цветно** и акварельно на горизонте лежала Венеция.

363. Будто вода божественной лагуны была **разобрана на мельчайшие оттенки.**
364. С **цветными** колпаками.
365. **Крапчатая** короста крыши.
366. **Крапчатые** коврики черепичных крыш.
367. **Рябая** вода канала.

Лексемы семантической группы *освещённость*:

368. Вошла внутрь, где было **темно.**
369. Созданном из бликов **тёмной** воды.
370. **Тёмная** клубистая зелень садов.
371. Способной поглотить всё своей **тёмной** утробой.
372. Из открытых дверей **полутёмного** бара.
373. Если смотреть из **полутьмы** собора.
374. Глубокий **сумрак** внутри.
375. В **сумеречном** мире.
376. В большой **сумрачной** комнате.
377. Арочные галереи Новых прокураций ещё оставались **в тени.**
378. Маленькая площадь была погружена в **тень.**
379. Пошла ещё по-утреннему **затенённой** улочкой.
380. На фоне выхваченных **слабым светом** невидимой рампы дворцов.
381. В среде **мягкого** утреннего сияния.
382. **Дымно** просачивались солнечные струйки.
383. Воздух **посветлел.**
384. Но портики уже были **освещены** солнцем.
385. **Освещённые** изнутри гардины.
386. **Облитые солнцем** верхние этажи.
387. В **сияющем** контражуре утра.
388. К **сияющему** горизонту.
389. Сердечная мышца не вынесет этого **пламенеющего** груза.
390. **Смутный** гондольер.
391. Пучки **бледного** редиса.
392. **Бледные** куриные тушки.
393. **Тускловатое** венецианское стекло.
394. Укутанные **ярким** даже в темноте пледом.
395. **Ослепительной** синевы вода лагуны.
396. Великолепие **сверкающей** синевы.

Лексемы семантической группы *звук*:

397. Послышались звуки **аккордеона**.

398. В воздухе таяли звуки уплывающего **аккордеона**.

399. Выплыли двое пассажиров и **аккордеонист**, разворачивающий мехи.

400. В средней сидит **музыкант**, **аккордеонист** или **гитарист**.

401. Выплыла **музыка**, весёлая растяжка **аккордеона**

402. Ворочал веслом **поющий гондольер**.

403. – **О-и! - крикнул гондольер.**

404. **Гондольер пел.**

405. Ещё из повадок **гондольеров**: заворачивая за угол дома, они **кричат** «**О-ои**!» - предупреждая друг друга, чтобы не столкнуться. «**О-ои! О-ои!**» - разносится над водой каналов – то ли крик боли, то ли стон любовный.

406. Послышался уже привычный ей **крик гондольера**: **О-и-и**!

407. Снизу долетали предупреждающие **крики гондольеров**.

408. Над водой разносилась надрывная "**Бесамемучо**".

409. Один такой играл вчера... правильно, "**Санта Лючию**"! - а **гондольер пел**.

410. Проплыла растяжечка расхожей мелодии "**Домино**", и опять всё стихло.

411. И отсюда, со стороны мола, в сияющем контражуре утра из воды вырастало некое видение, как поднявшийся из глубины лагуны бриг: церковь Сан-Джорджо Маджоре – красно-белая вертикаль **колокольни**.

412. Она обошла церковь и вдруг наткнулась на табличку со стрелочкой, указующей вход на **колокольню**.

413. Но тут, стоя под крышей **колокольни** и изнемогая от того, что открывалось глазам с четырёх сторон, она думала - благодарить ли ей судьбу.

414. С высоты **колокольни** эти мостки, должно быть, напоминали застывшую муравьиную дорожку.

415. Она поняла, что мечтает сейчас же, немедленно уйти на дно лагуны, сидя на этой вот скамье, в этой церкви, вместе с её великолепными куполом и **колокольней.**

416. Молодой человек спросил по-итальянски, хочет ли синьора побыть на **колокольне** одна.

417. Сначала ударили на **колокольне** Сан-Марко.

418. И долго разговаривали **колокольни** окрестных церквей.

419. Разбудил её **колокольный** звон.

420. Странно отличается здешний **колокольный** звон от такового в Амстердаме.

421. Приоткрыв окно, стала ждать ежевечернего **колокольного** перезвона.

422. Потом звонарь Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все **колокола** вверх и в обратном порядке.

423. Опять заговорили жалобно, перебивая друг друга, **колокола** соседних церквей, им отвечал с Сан-Марко ровный гуд, на фоне которого всплёскивали верхние **колокола.**

424. И длился, длился разговор **колоколов**, раскачивалась невидимая сеть, опутывая шпили, крыши, купола, каналы.

425. И долго разговаривали колокольни окрестных церквей, перебивая друг друга, вскрикивая, захлёбываясь лепетом маленьких **колоколов.**

426. За эти несколько минут изматывающего, окликающего её зова **колоколов** она всё поняла.

427. Но вот бой **колоколов** затих.

Лексемы семантической группы *погода:*

428. **Дождь** уже перестал, хотя **туман** сгустился.

429. Опять зарядил **дождь.**

430. **Дождь** сегодня рано пригнал её в отель.

Лексемы, характеризующие атмосферу города в целом:

431. Иллюзия **счастья.**

432. Она сказала себе: – Иллюзия **счастья**.

433. **Счастье**, свет и чувство покоя не исчезли, а тихо разлились в груди.

434. Здесь то и дело кажется, что сердце разорвётся от **счастья**.

435. Иллюзия **праздника.**

436. И пошла на свет этого **праздника.**

437. Всё здесь до сих пор напоминало их [венецианцев] невозмутимую весёлость, их мужество и лукавство, их труд и **праздники.**

438. Внизу тесно плескалась о кирпичные стены домов, с кромкой соляной накипи, **весёлая** бутылочная вода канала.

439. И правда, когда Бог трудился над этой лагуной, он был и **весел**, и бодр.

440. Всё здесь до сих пор напоминало их невозмутимую **весёлость.**

441. На вертелах уже пустились в свой **торжественный менуэт** бледные куриные тушки.

442. Снизу от воды поднимались детские голоса и **восторженный** собачий лай.

443. Тут же мельтешила суетливым пушистым хвостом чёрная собачонка, с каждым прыжком приходившая в такой ярый **восторг**, что лай становился нестерпимым.

444. На Сан-Марко вапоретто опустел почти полностью, и она вместе с толпой и за толпой пошла по мосткам, натыкаясь взглядом на маски, напяленные **жизнерадостными** туристами.

445. **Сказки Шехерезады**, таинственный **караван-сарай** по дороге в Византию.

Контексты из рассказа «Время соловья», содержащие языковые выражения концепта «город»

Контексты, содержащие языковые выражения ядерной части концепта:

1. Он широко и сладко зевал, глядя вдаль, на **Иерусалим**.
2. Голубая днём вена Вади-Эль-Хот – древнейшей дороги паломников из **Иерусалима** к Мёртвому морю – начинает пульсировать огненным кровотоком.
3. И на горах **Иерусалима** восходят пузырящимся паром сине-жёлтые озёра праздничных огней.
4. Подростки и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в **Иерусалим**.
5. Можно увидеть павлина на фоне стены из **иерусалимского** камня.
6. Кусты сбегают вниз по жёлтым и розовым стенам **иерусалимского** камня.
7. Этот парень – солдат, вернулся домой на субботу, накануне вволю нагулялся в **городе**.
8. Шоссе, пересекающее весь **город**.
9. По **городу** разносится сиреневая вьюга.
10. Наш **город** благословляет каждого, кто во вратах его.
11. Несмотря на то, что **город** благословляет каждого, кто стоит во вратах его, подростки и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим.
12. У него есть веские причины обходить блокпост на въезде в **город**.
13. Над черепичными крышами спящего **городка** проносится панический вопль павлина.
14. Прогулка по улицам нашего **городка**;
15. Улыбчивый мир нашего **городка** я постигаю в утренних прогулках.
16. С восходом солнца бедуины исчезают из **городка**.
17. По весне **городок** проходит все стадии театрального преображения.
18. Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в **городской** «каньон».

Контексты, содержащие языковые выражения ближней периферии концепта. Лексико-семантическая группа *улицы города*:

19. Слева тянется полукруг домов улицы «**Райские плоды**».

20. Название улицы, на которой стоит наш дом, в переводе с иврита звучит возвышенно и даже претенциозно: «**Время соловья**».

21. И мы потрусили дальше, привычно завернув на улицу «**Багряная нить**».

22. Поэтому прогулка по улицам нашего городка доставляет мне ещё и медленное филологическое удовольствие: «**Очи, возведённые к небесам**»! «**Яхонтовая площадь**»! «**Виноградная лоза**»! «**Дорога в Иудейской пустыне**»!

23. Целая россыпь «звучащих» улиц: «**Арфа**», «**Скрипка**», «**Флейта**», «**Поющий рожок**»!

24. Не говоря уже о том, что главное шоссе, пересекающее весь город, называется «**Дорога к Храмовой горе**» и, что действительно интересно, – приведёт-таки вас, куда обещает!

Лексико-семантическая группа *ландшафт*:

25. Гарь очередного пожарища очередной арабской свалки на соседней **горе**.

26. Из Солёного, невидимого с нашей **горы**, моря возникает – прорезается – огненная лысина солнца.

27. Улицы на этой **горе** закольцованы.

28. Полукруг домов улицы «Райские плоды», вгрызающейся в **гору**.

29. Чернеет роща на Масличной **горе**.

30. И на **горах** Иерусалима вскипают на горизонте сине-жёлтые озёра праздничных огней.

31. Загорается зелёный глаз-фонарь, такой же – в деревне Абу Тур на Масличной **горе**.

32. Как солнце совершает небесный цикл, закатываясь за Масличную **гору**.

33. Вот оттуда, с пологого склона **горы**, и слетает на черепицу ошалелый вопль павлина.

34. Дорога к Храмовой **горе**.

35. Вниз по склону той же **горы** древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки бедуинского стана.

36. Гарь очередного пожарища очередной арабской свалки на **соседней горе**.

37. Улицы на **этой горе** закольцованы.

38. Из Солёного, невидимого с **нашей горы**, моря возникает – прорезается – огненная лысина солнца.

39. Холкой жеребёнка чернеет роща на **Масличной горе**.

40. В головке минарета соседской Аль Азарии загорается зелёный глаз-фонарь, такой же – в деревне Абу Тур на **Масличной горе**.

41. Как солнце совершает небесный цикл, закатываясь **за Масличную гору**.

42. Не говоря уже о том, что главное шоссе, пересекающее весь город, называется «Дорога к **Храмовой горе**».

43. Вниз по склону той же **горы** древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки бедуинского стана.

Лексико-семантическая группа *растения*:

44. Холмы с прозрачными **рощицами** на загривках.

45. Холкой жеребёнка чернеет **роща** на Масличной горе.

46. Чуть позже, с околицы нашей, катящейся к **лесу**, улицы.

47. Целые улицы засажены у нас **этими деревьями**.

48. Хрупкое экзотическое **дерево** на верхней лужайке напоминает диковинную японскую принцессу на улице деревни Иваньково, густо застланной подсолнечной лузгой.

49. Высадил на нём апельсиновые и гранатовые **деревца**.

50. Розовые **кусты** олеандров кажутся пошлыми.

51. Декадентского солнечного цвета «само» **кусты** переплетаются с простонародно вишнёвыми в тесном надзаборном объятии, пышной цветной пеной выкипают из дворов на улицы, сбегают вниз по жёлтым и розовым стенам иерусалимского камня.

52. Высадил на нём **кусты** олеандров и бугенвиллий.

53. Декадентского солнечного цвета «само» **кусты**.

54. Высадил на нём **апельсиновые** и **гранатовые** деревца.

55. Высадил кусты **бугенвиллий**.

56. Нигде не встречала я такого разнообразия оттенков цветов **бугенвиллий**.

57. Вздрагивает лиловая – в окне – веточка **бугенвиллии**.

58. Особый выход у **бугенвиллий**.

59. Наши чародеи-садовники вытворяют с **бугенвиллией** чёрт-те что!

60. Розовые кусты **олеандров** кажутся пошлыми. Высадил кусты **олеандров**.

61. В мае же просыпаются розовые и белые **олеандры**.

62. Первыми вступают средиземноморские **акации**, цветущие нежным, каким-то милосердно-сиреневым цветом.

63. В мае же просыпаются огромные изысканные **кактусы**, слепленные из больших колючих оладий.

64. Кстати, **подсолнухи** у нас тоже растут.

Лексико-семантическая группа *здания:*

65. Мы поднимаемся по нашей улице к маленькой частной **синагоге** «Шатёр Габриэля и Рафаэля» с узкими, как закладки, высокими венецианскими окнами и ещё запертыми дверями.

66. Плетёмся, выбирая теневую сторону, мимо **синагоги** «Шатёр Габриэля и Рафаэля», мимо её, насквозь прорезанной светом, прохладной утробы, где качаются спины молящихся в графически белых, с чёрными полосами, талесах.

67. От **синагоги** можно взять правее – дорожка пойдёт над обрывом.

68. В полдень со стороны **Елеонского монастыря** глухо накатывают прохладные и глубокие **колокольные** волны.

69. Когда замирает **колокол Елеонского монастыря**.

70. Скульптурная луна напарывается на клинок **колокольни Елеонского монастыря.**

71. Но это вполне определённый соловей – муэдзин **мечети** соседней.

72. Да это же недалеко, возле **Дома** Голого.

73. Давай срежем угол, мимо **Дома** Голого.

74. Открывается новое кафе у **Дома** Голого.

75. Если муж уличает жену в измене, он выгоняет её из **дому.**

76. Однажды на детской площадке возле **дома** я увидела старуху бедуинку.

77. В **домах** эти хозяева земли не живут.

78. Название улицы, на которой стоит наш **дом.**

79. **Дома** поднимаются террасами.

80. Громоздятся, поставленные торопливо впрок, **дома** наших арабских соседей.

81. Мы спускаемся к парку, над которым полукругом возносятся **дома** с остроконечными крышами, снизу похожие на неприступные стены цитадели.

82. Слева тянется полукруг **домов** улицы «Райские плоды».

83. Один из них в нашей семье носит название «**Дом** Голого».

84. Дома поднимаются **террасами.**

85. Тянется полукруг домов улицы «Райские плоды», **террасами** двориков вгрызающейся в гору.

86. Открывается магазин «Дешевейшие трое», сокращённо – «Дешёвка».

87. Это очень дорогой **магазин.**

88. Охранник-эфиоп проверяет каждого на входе в городской «**каньон**» – огромный **торговый центр.**

89. Открывается новое **кафе** у Дома Голого – крошечное помещение с антресолями.

Лексико-семантическая группа *животные:*

90. У нас и у пастушьих бедуинских **собак**, забредающих полакомиться забытым куском сэндвича на скамейке.

91. Заселил разнообразной домашней живностью: **утками, курами, индюками.**

92. Подобно вездесущим журналистам на кинофестивалях, наш весенний фестиваль сопровождают и комментируют независимые господа **удоды**, в чёрно-белых полосатых сюртуках.

93. Однажды я наблюдала, как он погнался за **курицей.**

94. Робкий и наглый одновременно, этот **Кролик** – впечатление такое – живёт сразу на обоих участках, разделённых кирпичной дорожкой.

95. Можно увидеть **павлина** на фоне стены.

96. Мой **пёс**, презирающий кошек, при виде этой странной длинноухой и безхвостой особи останавливается, оглядывается и недоумённо на меня смотрит.

97. Мой **пёс** мохнатым ковриком валяется под письменным столом, изнемогая от жары.

98. Заслышав знакомый крик, мой **пёс** срывается с места и с проклятьями бросается к окну.

99. В утренних прогулках с моим **псом** Кондратом.

100. «Смотри, пресс-конференция...» – сказала я **псу**.

101. Всех вокруг усердно превращаю в его обитателей: семью, друзей, соседей, своего **пса.**

102. Так и мы с моим **псом** проходим все стадии времени дня.

Лексико-семантическая группа *жители города:*

103. Со стороны **бедуинского** становища доносится довольно слаженный хор голосов.

104. Вниз по склону той же горы древесно-жестяными наростами шелушатся чешуйки **бедуинского** стана.

105. Говорят, **бедуинские** женщины – такой обычай – всё своё золото носят на себе.

106. По пути нам – по двое, по трое, – встречаются **бедуинки**, бодро обходящие мусорные баки в поисках утиля.

107. Я увидела старуху **бедуинку**.

108. Мягким кошачьим шагом поднимается юноша-**бедуин.**

109. **Его** [юноши-бедуина] драные кроссовки бесшумны, и сам **он** гибок и проворен как ящерица.

110. Словом, **бедуины** загадочны, в отличие от арабов, которые – понятны.

111. С восходом солнца **бедуины** исчезают из городка.

112. В нашей армии **бедуины** служат следопытами.

113. **Бедуины**-то и есть хозяева этой земли.

114. **Дети пустынных холмов**, только они способны по брошенному окурку определить – сколько тот провалялся на земле.

115. В домах эти **хозяева земли** не живут.

116. **Они** убеждены в том, что бедуины-то и есть хозяева этой земли. «Ишмаэль уйдёт... – говорят **они,** – Исраэль уйдёт... А мы останемся...».

117. Муэдзин мечети соседней, через ущелье, **арабской** деревни Аль Азария.

118. Гарь очередного пожарища очередной **арабской** свалки на соседней горе.

119. Громоздятся, поставленные торопливо впрок, дома наших **арабских** соседей.

120. Двое **арабских** рабочих разгружают сразу два минибуса.

121. Вместе с привычным воплем, перелицованным, как старьё, на **арабский** лад.

122. Словом, бедуины загадочны, в отличие от **арабов**, которые – понятны.

123. Сейчас эта прибыльная профессия перешла в руки **арабов.**

124. Мы сталкиваемся с процессией: старый **араб** в резиновых сапогах бодрой походкой косца (только на плече у него не коса, а швабра с болтающимся на ней ведром), гонит перед собой четверых мальчиков.

125. Это «Алтэзахен» – попросту старьёвщик-**араб.**

126. Это бригада уборщиков нашей улицы – «**Ибрагим** и сыновья».

127. А сколько у тебя детей, **Ибрагим?**

128. С **Ибрагимом** я иногда перекидываюсь двумя-тремя словами.

129. **Ибрагим** сидит на корточках.

130. Гонит перед собой четверых **мальчиков** от шести до десяти лет.

131. И пока расторопные **маленькие рабы** драят парадные и поливают дворики, Ибрагим сидит на корточках.

132. Выскакивает **девочка-мальчик** лет семнадцати.

133. На выезде у блокпоста голосуют стаи **подростков.**

134. **Подростки** и молодёжь каждый вечер рвутся из нашего рая в Иерусалим.

135. Недели две оно растерянно красуется перед **грузчиками**, затаскивающими в «Дешёвку» картонные коробки.

136. Это бригада **уборщиков** нашей улицы.

137. Но это вполне определённый соловей – **муэдзин** мечети соседней. Умолк тягучий стон **муэдзина**. Крик **муэдзина** приводит в бешенство.

138. Розовые кусты олеандров кажутся пошлыми, юмор **охранника** в супермаркете – идиотским.

139. **Охранник-эфиоп** проверяет каждого на входе в городской «каньон».

140. Павлин своим предобморочным криком испугал **почтальона**.

Лексико-семантическая группа *Транспорт*:

141. Двое арабских рабочих разгружают сразу два **минибуса**: с молочными продуктами и булочными изделиями.

142. Иногда это **мотороллер**, бывает, **велосипед**, раза два прямо на нас выезжала доверху гружённая детская **коляска**.

143. Но чаще это белый обшарпанный «**вэн**».

Контексты, содержащие языковые выражения дальней периферии концепта.

Лексемы семантической группы *цвет:*

144. Солнце впрыгивает на небосклон, меняя цвет с **пунцового** на оранжевый.

145. Глазки на нём [хвосте] переблескивали **пунцово-чёрным** огнём.

146. В середине же мая коротко вспыхивает **пунцовыми** пальчиками, растущими как бы из одной ладони, хрупкое экзотическое дерево.

147. Первыми вступают средиземноморские акации, цветущие нежным, каким-то **милосердно-сиреневым** цветом.

148. По городу разносится **сиреневая** вьюга на хвосте весеннего ветра.

149. **Сиреневый** мусор скапливается в углах дворов и подворотен.

150. В мае же просыпаются **розовые** и белые олеандры.

151. **Розовые** кусты переплетаются с простонародно вишнёвыми.

152. Вниз по жёлтым и **розовым** стенам иерусалимского камня.

153. **Розовые** кусты олеандров кажутся пошлыми.

154. **Алые, бордовые** кусты переплетаются с простонародно **вишнёвыми**.

155. Огибаем **зелёную** лужайку.

156. Выбрать место обзора на **зелёном** косогоре и постоять там.

157. Глазки на нём [хвосте] переблескивали **иззелене-жёлтым** огнём.

158. Медленно поворачивает **иссине-зелёный** сосуд тела.

159. Глазки на нём [хвосте] переблескивали **фиолетово-синим** огнём. восходят пузырящимся паром **сине-жёлтые** озёра праздничных огней.

160. **Голубая** днём вена Вади-Эль-Хот.

161. Кусты сбегают вниз по **жёлтым** и розовым стенам иерусалимского камня.

162. Оно [солнце] впрыгивает на небосклон – оп-ля! – с ловкостью карточного шулера меняя цвет с пунцового на **оранжевый**.

163. Помещение затоплено **апельсиновым** светом.

164. Спины молящихся в графически белых, с **чёрными** полосами, талесах.

165. Дома с **чёрными** провалами зияющих на многие годы окон.

166. Господа удоды, в **чёрно-белых** полосатых сюртуках.

167. Холкой жеребёнка **чернеет** роща.

168. И на горах Иерусалима в непробудной **черноте** одинокой ночи вскипают на горизонте, восходят пузырящимся паром сине-жёлтые озёра праздничных огней.

169. **Молочная** нега.

170. Заслоняя ладонью глаза от **молочного** утреннего солнца.

171. **Декадентского солнечного цвета «само»** кусты.

172. Молочная нега **жемчужных** далей.

173. **Палевые** кусты.

Лексемы семантической группы звук:

174. **Мулла окликает** правоверных.

175. Умолк тягучий **стон муэдзина**.

176. **Бедуинки** деловито что-то **обсуждают**.

177. **Вопль** ужаса потерявшей кошелёк провинциальной **дурры**.

178. **Воет** обиженный **бас** какого-нибудь **прохожего беса**.

179. Высокий **полустон-полупение: – А-а-аль-те-захи-и-ин.**

180. **Шаркают подошвы** по тротуару.

181. Лёгкий **свист** – в дело вступает **флейта**, её однообразный тянущий, завораживающий **звук**.

182. И вдруг **взвывает свора собак**! **Рычание**, **кашель**, **визг** доносятся со стороны балкона.

183. Доносится довольно слаженный **хор голосов** проснувшихся **ослов**, **собак**, **петухов** и **овец**.

184. Панический **вопль павлина**.

185. **Павлин** своим предобморочным **криком** испугал почтальона.

186. **Пропели петухи**.

187. **Откричал осел**.

188. **Взвывает** свора **собак**.

189. **Вой шакала**.

190. В облачке отдалённого **шума дороги**.

191. Будут **реветь грузовики**, **вжикать легковушки** и **мотоциклы**.

192. **Урчание** старой **колымаги**.

193. Бедуинки что-то обсуждают, жестикулируя и **позвякивая** многочисленными **браслетами**.

194. Со стороны Елеонского монастыря глухо накатывают прохладные и глубокие **колокольные** волны.

195. **В тишине** над черепичными крышами спящего городка проносится панический вопль павлина.

196. В дело вступает флейта, её однообразный тянущий, завораживающий звук несколько мгновений стоит в **тишине**.

197. Сонная **тишина** утра раздражает и томит.

198. Как описать её, как передать легчайшую взвесь **тишины**.

199. Поднимается юноша-бедуин. Его драные кроссовки **бесшумны**.

Лексемы, характеризующие состояние города в целом:

200. Из **дрёмы** нас выманивает лёгкий свист.

201. Движения **замедляются**.

202. **Прикорнуть** на часок, отдаться **летаргии**.

203. Над черепичными крышами **спящего** городка проносится панический вопль павлина.

204. **Размеренное** существование помогает трудолюбивой мысли торить свой путь, не отвлекаясь на пустяки.

205. Кусты переплетаются с простонародно вишнёвыми в **тесном** надзаборном объятии.

206. Вообще, **тесно**.

207. **Теснит** в груди, в плечах.

Лексемы семантической группы *запахи:*

208. Воздух воскуряет **ароматы шалфея**, **тысячелистника**, **лаванды**, **олив** на склонах.

209. [Воздух воскуряет] чуть саднящую нёбо гарь очередного **пожарища** очередной арабской **свалки**.

Лексемы семантической группы *температура*:

210. Изнемогая от **жары**.

211. В мареве **жары**.

212. **Жара** становится плотной и вязкой.

213. **Жара**, **жара**, **жара...** И это конец мая! А что ждать в июле?! Что будет с нами в августе, о Боже, что будет с нами в августе?!

214. В один из **жарких** дней мы с Кондратом трусили себе рассветной улицей.

215. Наш город **благословляет** каждого, кто во вратах его.

216. Трое подобных ему [юноше-бедуину] парнишек, только в форме солдат. Вот они-то и **благословляют** каждого, кто во вратах, рассеянно при этом **проверяя.** Так же, как охранник-эфиоп **проверяет** каждого на входе в городской «каньон» – огромный торговый центр. Ощупывая сумки не лишённым эротики, взвешивающим движением ладони, словно **благословляющим** урожай изобильной груди.

217. Он [охранник] дежурно спрашивает: – **Пистолет** есть? – И когда вы так же дежурно отвечаете: – Нет, – наклоняется и заговорщически произносит: – Так купи два!

Отзыв
о бакалаврской работе Морозова Алексея Валерьевича
«Вербализация концепта «город» в творчестве Д. Рубиной»

Выпускная квалификационная работа Морозова Алексея Валерьевича посвящена рассмотрению концепта «город», его отражению в языковой картине мира Д. Рубиной.

Интегративность и многонаправленность современных лингвистических исследований концепта настоятельно требуют расширения аналитической базы, являющегося конститутивным критерием верифицированности результатов научного анализа. Перечисленные особенности языкознания и векторы его развития детерминируют актуальность темы выпускной квалификационной работы и её научную новизну, которая определяется совокупностью структурного и семантического аспектов при изучении вербализации концепта «город» в текстах художественных произведений Д. Рубиной.

Морозов Алексей Валерьевич определяет теоретическую базу исследования, раскрывающую суть понятия «концепт»; рассматривает теоретические основы концептуального анализа художественного текста, методы и приёмы исследования концепта; выделяет и исследует языковые единицы, вербализующие концепт «город» в произведениях Д. Рубиной; на материале художественных произведений Д. Рубиной определяет полевую структуру концепта «город».

В выпускной квалификационной работе Морозова Алексея Валерьевича исследуются языковые единицы, представляющие прямые и косвенные номинации рассматриваемого концепта. Достаточно большой объём фактического материала для анализа и опора на авторитетную теоретическую базу показывает, что студент изучил перечисленные в библиографическом списке работы, осмыслил их и сумел использовать в исследовании, что определяет степень самостоятельности выпускника, полноту раскрытия им темы, верифицированность результатов исследования.

Выпускная квалификационная работа Морозова Алексея Валерьевича отличается самостоятельностью, логичностью изложения, материалы данной работы могут быть использованы на занятиях по русскому языку и литературе в школе.

Выпускная квалификационная работа стандартно оформлена.

Бакалаврская работа Морозова Алексея Валерьевича выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, отвечает требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам, и заслуживает оценки «отлично».

Руководитель – к. п. н., доцент
кафедры «Русский язык и методика
преподавания русского языка» Болотская М. П.

Протокол

проверки на оригинальность в системе «Антиплагиат ВУЗ» ВКР на тему **«Вербализация концепта «город» в творчестве Д. Рубиной»** студента 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль – «Русский язык. Литература») **Морозова Алексея Валерьевича**.

Руководитель ВКР – к. пед. н., доцент Болотская М. П.

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Морозов Алексей Валерьевич aleksey_morozov_97@bk.ru / ID: 2442
Проверяющий: Луннова Марина Геннадьевна (lunnovamg@mail.ru / ID: 139)
Организация: Пензенский государственный университет

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- http://pnzgu.antiplagiat.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 217
Начало загрузки: 10.06.2020 09:00:49
Длительность загрузки: 00:00:32
Имя исходного файла: ВКР_Морозов А. В..docx
Название документа: ВКР_Морозов А. В..docx
Размер текста: 1 кБ
Тип документа: Выпускная квалификационная работа
Символов в тексте: 205916
Слов в тексте: 26027
Число предложений: 1532

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 10.06.2020 09:01:25
Длительность проверки: 00:01:57
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска "ПГУ", Модуль поиска общеупотребительных выражений, Цитирование, Диссертации и авторефераты НББ, Модуль поиска "Интернет Плюс", Коллекция РГБ, Сводная коллекция ЭБС, Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU, Модуль поиска перефразирований Интернет, Кольцо вузов, Модуль выделения библиографических записей, Модуль поиска ИПС "Адилет", Модуль поиска переводных заимствований, Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (EnRu), Модуль поиска переводных заимствований по интернет (EnRu), Коллекция eLIBRARY.RU, Коллекция ГАРАНТ

ЗАИМСТВОВАНИЯ 20,48%
САМОЦИТИРОВАНИЯ 0%
ЦИТИРОВАНИЯ 3,92%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ 75,6%

«11» июня 2020 г. М. П. Болотская